

Верхотурский государственный
историко-архитектурный музей-заповедник
Отдел архитектурных и природных памятников

Вестник истории
Верхотурского уезда

Выпуск 1

Верхотурье
2010 г.

ББК 624 (2) 10
УДК 122 (244)
В 56

*Посвящается
Анатолию Тимофевичу Шашкову
кандидату исторических наук
автору многочисленных работ по истории Верхотурья*

Редакционная коллегия:

Борисов А.Г., Двинских Л.А., Фомичёв И.А.

Рецензент: Редин Д.А., д.и.н., заведующий
кафедрой истории России УрГУ им.А.М.Горького

Первый выпуск «Вестника истории Верхотурского уезда» выходит в год, ознаменованный целым рядом знаменательных для Верхотурского края дат. 240 лет назад возведением Петропавловского медеплавильного завода началось промышленное освоение Северного Урала. 115 лет прошло с момента открытия в Надеждинском заводе земского начального училища. 105 лет назад были заложены Крестовоздвиженский собор в Верхотурском Свято-Николаевском мужском монастыре и Спасо-Преображенский собор в Надеждинском заводе, освящённые епископом Екатеринбургским и Ирбитским Владимиром. 100 лет минуло с тех пор, как по инициативе председателя Верхотурской уездной земской управы Алексея Ивановича Мухлынина вышел в свет «Словарь Верхотурского уезда» под редакцией известного пермского краеведа И.Я.Кривощёкова.

ISBN 2-1598-0571-3

© Учредители сборника: Борисов А.Г., Фомичёв И.А., 2010 г.

© Авторы статей, 2010 г.

*Пачинская Ирина Викторовна
Редин Дмитрий Алексеевич*

Памяти Анатолия Тимофеевича Шашкова

16 сентября 2007 г. на 55-м году жизни после тяжелой непродолжительной болезни скончался профессор, заведующий кафедрой истории России исторического факультета Уральского государственного университета Анатолий Тимофеевич Шашков.

А.Т. Шашков родился 27 января 1953 г. в городе Топки Кемеровской области. В 1975 году закончил отделение истории гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета (НГУ), в 1975–77 гг. работал в школе, затем на Бердском радиозаводе в должности инженера по рекламе. В 1977 г. Анатолий Тимофеевич переехал в Свердловск, где начал свою трудовую деятельность в Уральском государственном университете (УрГУ).

Взращенный в неповторимой атмосфере гуманитарного факультета НГУ и Новосибирского академгородка 1970-х гг., он потрясающе органично стал частью исторического факультета УрГУ, отдав ему 30 лет своей жизни. Здесь он прошел путь от лаборанта до заведующего крупнейшей кафедрой исторического факультета — кафедрой истории России (с 1996 г.). А.Т. Шашков являлся также директором научно-производственного многопрофильного предприятия «Волот» (с 1991 г.), руководителем Угорского научно-исследовательского центра УрГУ (с 1999 г.) С 1996 г. он был членом Объединенного ученого совета по гуманитарным наукам УрО РАН.

Становление Анатолия Тимофеевича как ученого проходило под руководством Н. Н. Покровского. В 1982 г. А.Т. Шашков защитил кандидатскую диссертацию «Сочинения Максима Грека в старообрядческой рукописной традиции и идеологическая борьба в России во второй половине XVII — первой половине XVIII в.». Уже в этой первой большой работе ярко проявился его талант историка и источниковеда. Предпринятый Анатолием Тимофеевичем кодикологический анализ более чем 120 рукописей полного свода сочинений прп. Максима Грека позволил детально воссоздать историю возникновения поморской редакции этого свода. Тема кандидатской диссертации во многом определила проблематику дальнейших научных изысканий А.Т. Шашкова. Одной из главных тем его ученых занятий была история раннего старообрядчества. В

этой области исследователь сделал чрезвычайно много: открыл новые источники, уточнил факты, атрибутировал литературные памятники, создал блестящие биографические очерки.

А.Т. Шашков был мастер биографического жанра. В последнее время ученый работал над монографией, посвященной истории урало-сибирского старообрядчества 2-й половины XVII — начала XVIII в. Работа осталась незавершенной...

Вообще же круг научных интересов Анатолия Тимофеевича был весьма широк: история рукописной книги и библиотек, сибирское летописание, история похода Ермака... А.Т. Шашков — автор более 200 научных, научно-методических и научно-популярных работ по социально-политической истории, истории культуры и общественно-политической мысли России, Урала и Сибири эпохи Средневековья и Нового времени, источниковедению позднесредневековой Руси, в том числе 12 коллективных монографий и книг, 10 учебников и учебных пособий. Он был членом редколлегий и ответственным редактором научных изданий, среди которых «Проблемы истории России» (редактировал и готовил к печати 7-й выпуск), автором статей в энциклопедиях и справочниках, таких, как «Словарь книжников и книжности Древней Руси», «Православная энциклопедия», «Уральская историческая энциклопедия», «Сибирская историческая энциклопедия».

Анатолий Тимофеевич Шашков был носителем лучших традиций научной школы Тихомирова-Покровского: широчайший кругозор и начитанность естественно сочетались у него со свежестью мысли, умением найти в профессиональном творчестве тонкую грань между подлинным новаторством и благородной классической выдержанностью. Мастерски владея методами источниковедческого анализа и обладая безусловным исследовательским чутьем историка, он был одинаково уместен и интересен везде, где были востребованы профессиональный подход и здравый смысл, будь это конференции и дискуссии по остро актуальным вопросам интеллектуальной истории и применения принципов генетической критики в изучении русского летописания или классические исследования социально-экономической и культурной истории позднесредневековой России.

Вклад ученого в науку измеряется не только написанными им работами. Это еще и организация научной жизни, и, конечно, ученики. Все, кто учился у него, писал под его руководством курсовые, дипломные, кандидатские работы, знают, каким прекрасным он был

учителем: внимание, советы, забота, сумки книг из личной библиотеки... Анатолий Тимофеевич был и великолепным лектором, обладавшим даром увлекать слушателей. Но не только как блестящий ученый и педагог останется Анатолий Тимофеевич в памяти близких, друзей и коллег. Прежде всего, мы будем помнить о нем как о необыкновенно доброжелательном, жизнерадостном, чутком человеке, готовом всегда поддержать и добрым словом, и советом, и делом.

Бессонов Михаил Сергеевич

Возникновение села Кошай и соляной промысел на речке Негле

Известно, что первым русским поселением на Северном Урале был Лозьвинский городок, стоявший при впадении р.Ивдель в Лозьву. Лозьвинский городок был перевалочной базой на пути в Сибирь. Отсюда весной водным путем отправлялись хлеб, соль, боеприпасы в сибирские города, в том числе и в Пелым.

После того как в 1598 г. Лозьвинский городок был ликвидирован Пелым остался в стороне от транспортного пути. Припасы стали доставлять зимой из Верхотурья, по замерзшей р.Ляле, на Сосьву. Так в грамоте царя Бориса Годунова верхотурскому голове Салманову от 15 декабря 1600 г. говорится: «...И велел бы еси запасы на Верхотурье и на Ляле до весны покласти в анбары ж и укрыти велел гораздо, чтоб их сверху и с ысподу не подмочило, и истери некоторые не было. Да с лялинскими ж запасы послал бы еси для судовово дела плотников человек пяти, или шти, или сколько человек будет пригоже, как мочно, под те наши пельмские хлебные запасы на реке на Ляле. К весне суды поделать и им сконопатить и приготовить совсем. А для бережения к тем хлебным запасом послали б еси из Верхотурских стрельцов человек пяти, или шти, или сколько будет пригож, и велел им у тех запасов жить безотступно» (1). Хлебные и другие припасы перевозили возчики из поморских городов. В царской грамоте от 7 декабря 1600 г. написано: «...в прошлой деи в 107 году...с Верхотурья деи их вы послали вятцких же подвод с нашим же запасом сто дватцать подвод на реку на Сосьву, на Кошайское устье...» (2). 107-й год это зима 1598/ 1599 г. Выходит уже в это время было название «Кошайское устье» (В другом документе фигурирует «Устье – Ляли

реки». Возможно, это одно и то же место – прим. М.Б.). Откуда же взялось это название? В отписке тобольского воеводы Семена Сабурова пельымскому воеводе Тихону Траханиотову, составленной не позже 22 октября 1600 г., сообщается: «...тобольский пушкарь Ворошилко Власьев у сосвинского вагулятина у Кошая на речке на Нагре (Негле – прим. М.Б.) сыскал соляной росол...» (3). Оказывается в этих местах жил вогул Кошай. Поэтому и название такое. Все просто и ясно.

А незадолго до этого пельымский стрелец Васька Осетр нашел соляной рассол на речке Покчинке, в 10 верстах от Пельыма. И тобольский воевода Сабуров послал туда Ворошилку Власьева и велел: «...есте им в той речке соляные воды и ключа соляного сыскивать; да будет воду соляную найдут и варница будет поставить мочно...» (4). Почему не стали на Покчинке разрабатывать соляной промысел история пока умалчивает, только Ворошилка оказался на Негле. С ним приехали цренной мастер Васька Петров и «соляной варец» Павлик Аврамов. Исследовав новое место, Ворошилка сообщил: «...что в той речке ключи соляные и росол добр и соли наварить мочно, а где варницам быть, и к тому де месту лесу много и близко, и дубровы де пашенные и луги есть, и людям де жить мочно...» (5). Из Пельыма были посланы стрельцы, пашенные крестьяне, плотники, кузнец и вогулы, которые под руководством пельымского сына боярского Василия Албычева должны были расчистить место и «...варницу, да амбар на соль, да двор, да на дворе две избы да клеть поставить, и дров к соляному варенью приготовить, и уголья ужечь, чтоб ни за чем соляное варенье не стало...» (6). Ворошилка, указав место, где должны находиться постройки, уехал на Чусовую за трубным мастером, подварками и трубными снастями. Для пропитания ему было выделено из «государева запасу 2 чети муки да 3 четверика малых круп, 3 четверика малых толокна, да цренному мастеру, да варцу по 2 чети муки да по полуосьмине круп, по полуосьмине толокна». Кроме того из Тобольска были посланы «на соляной црен 800 полиц железных да цренные снасти: 10 порубней, да 2 каракули, да 4 сторожницы, да 12 бродов, да 46 дуг, да 5 обломков дужных, да 47 ножек, да конопатник, да гвоздей и нагвоздников 20 пуд и 28 гривенок, да 556 криц железа, а весу в порубнях и в каракулях, и в сторожницах, и в бродех, и в дугах, и в ногах, и в конопатнике, и в гвоздье, и в нагвоздниках, и в крицах, опричь полиц, 175 пуд да укладу 7 пуд» (7).

Но не все оказалось так просто. Тихон Траханиотов сообщает Сабурову: «...вагуличи в Махтыевых юртах и в иных юртах сына боярского не послушали и его били, и стрельцов хотели перестрелять, а к соляному делу не пошли; а Ворошилко...писал, что варничново леса добыть не мочно, лес поудалел и мерзл...» (8). Для устройства соляного промысла нужны были дополнительные силы, а так как он находился на территории Верхотурского уезда, то в грамоте от 20 декабря 1600 г. царь Борис Годунов велит верхотурскому голове Салманову к «пелымским служивым людям вприбавку» послать верхотурских стрельцов и казаков, или нанять из местных и «гулящих» людей. «А пашенных людей и вогулич к соляному промыслу не посылать, чтоб их тем не ожесточить. А однолично б у тебя соляной промысел затем не стал, и на сей б зиме соли наварити на розход на все сибирские городы» (9). Соль в это время имела огромное государственное значение, так как ее приходилось везти в Сибирь из Европейской части. Это позднее будет найдено соляное озеро Ямыш, куда ежегодно будут посылаться за солью служилые люди из всех сибирских городов. Вот почему такое внимание уделял Борис Годунов развитию соляного промысла на Негле. Он постоянно указывал верхотурской администрации: «А что будет надобеть Ворошилку и трубному и цренному мастеру для соляново промыслу, казаки или лошади, без чево соляному промыслу быти нельзя, и вы б к ним с Верхотурья казаков гулящих посылали, наняв помесячно или годовых, и лошадей, купив, к ним послали, чтоб у них за тем соляной промысел не стал...А однолично бы есте велели Ворошилку соляной росол по речкам сыскивати и проведывати, и вогулич про соляную воду роспрашивати, чтоб росол найти лутче прежнево, и соль завести варити, чтоб однолично вперед в Сибирские городы с Руси соли не посылати...» (10).

28 марта 1601 г. Ворошилка вернулся с Чусовой и «трубы гнел, и, росолу сыскивал, и сажил четыре трубы; и в 110-м (1601/1602 г. – прим. М.Б.) году велено ему соль варити, и он варницу поставил, и црен и ларь, в чем росол держать, и всякий варничный обиход заделал, и уварил он с мая с 27-го числа июля по 3 день 387 пуд (в другом месте сказано, что с 15 апреля по 8 июля было сварено 313 пудов соли – прим. М.Б.)» (11). Всего к осени 1602 г. на развитие промысла было израсходовано 64 рубля 14 алтын 2 деньги, муки 102 чети с осьминою, круп 12 четей с четвериком, толокна 16 четей. Но Ворошилка жалуется, что дров нет, так как нет дровосеков и всего один дровозов,

а на год надо 1200 сажень дров. И царь делает внушение верхотурскому голове Новосильцову: «И ты Угрим делаешь не гораздо, что о нашем о соляном деле не радеешь и досматривати соляного промыслу не ездешь... А как посошные люди с городов на Верхотурье с хлебными запасы придут и к судовому делу лес вывезут, и вы б их послали...на речку на Неглу, а велели им для нашего соляного дела вывезти дров, сколько будет надобе, чтоб во весь год стало дров для соляного дела...» (12).

И хотя вогулы по царской грамоте были освобождены от работ на соляном промысле «чтоб их тем не ожесточить», но воинственные соседи все – таки иногда доставляли беспокойство обитателям Кошая. Так осенью 1604 г. сосывенские вогулы Алпаутко и Тютрюм с товарищами намеривались сжечь промысел, а Ворошилку с «деловыми» людьми побить. Это вынудило верхотурскую администрацию послать на Неглу «для бережения стрельцов 10-ть человек, десятника Матюшу Соловья с товарищи, с вогненным боем...» (13). Но не только это беспокоило соловаров. В том же году «црен в варнице сгорел, и росол из него течет, и в том ставится...государеву соляному промыслу убыточно, и соли садится старого меньше. А поличного железа...на Верхотурье и на Негле нет, црена поделатъ нечем...» (14). А через год, осенью 1605 г., верхотурским казакам и стрельцам было велено вывезти все с Кошая «и они де великими нужами с Верхотурья на Неглу по соль и по всякую цренную снасть ездили по двожды...» (15).

Этим и заканчивается история соляного промысла на речке Негле. Приходится только сожалеть, что историки до сих пор почему – то не уделили должного внимания этому факту. История соляного промысла на Кошае практически не отражена в литературе. А ведь это первый промысел на восточной стороне Урала, предвестник промышленного развития Свердловской области.

А что же с Кошаем? Какова судьба Ворошилки Власьева? В документе за 1600 г. написано: «Да поехал Ворошилко из Тобольска на Пелым, а взял с собою детей, и вы б детям его велели дать пожить дворец, покаместа Ворошилко у варницы устроится» (16). Последний раз его имя упоминается в документе за 1609 г. «писал на Верхотурье с Кошая Ворошилко Власьев апреля в 1 день» (17). Сын Ворошилки, Василий, 5 января 1603 г. привез в Верхотурье царскую грамоту. В писцовой книге Верхотурского уезда М.Тюхина 1624 г. на Кошае записана дер. Дорошки (по всей видимости, Ворошки), в которой

было два двора посадских людей – Васьки Ворошилова и Ивашки Турыты. Здесь же, на Кошае, находилась и деревня стрельца Тимошки Ворошилова (18). В 1680 г. по переписи Л.Поскочина на речке Негле было две деревни: Кошайская с двумя стрелецкими дворами и Ворошилова с одним двором посадского человека (19). Ко времени проведения первой ревизии, в 1719 – 1721 гг., обе деревни объединились в Кошайский погост (т.е. здесь появилась церковь – прим. М.Б.) с 10 дворами казаков, солдат и посадских людей Ворошиловых (20). Таким образом тобольский пушкарь Ворошилка Власьев, приехавший на Кошай в 1600 г., стал родоначальником многочисленного рода Ворошиловых, проживающих и поныне в Серовском районе, в том числе и в Кошае.

Примечания:

- 1.Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII вв.// Сост. Е.Н. Ошанина. М., 1982. Вып. 1. С. 74.
2. Там же. С. 66 – 67.
3. Миллер Г.Ф. История Сибири. Издание второе, дополненное. М., 2000. Т.II. С.184.
4. Там же. С. 184.
5. Там же. С. 188.
6. Там же. С. 188.
7. Там же. С. 188, 189.
8. Там же. С. 190.
9. Верхотурские грамоты... С.78.
10. Там же. С. 105, 106.
11. Миллер Г.Ф. История Сибири...С. 201, 202.
12. Там же. С. 202.
13. Там же. С. 21
14. Там же. С. 217.
15. Там же. С. 225.
16. Там же. С. 189.
17. Там же. С. 246.
18. Бессонов М.С. Формирование населения северной части Верхотурского уезда с конца XVI до середины XVIII вв.// Материалы второй Уральской родоведческой научно – практической конференции. 15 – 16 ноября 2002 г. Екатеринбург. Екатеринбург, 2004. С.74
19. РГАДА. Ф. 214, оп. 1, д. 697, л. 23, 31.
- 20.Там же. Д.1508, л.12

Верхотурский краеведческий музей в 1920-е годы

Первые попытки создания краеведческого музея в Верхотурье относятся к началу 20 века. В 1907 году агроном северного участка Верхотурского уезда Турицын выступил перед Губернским Земским Собранием с инициативой создания в городе выставки-музея при сельскохозяйственном складе. Целью такой выставки было ознакомление населения уезда с результатами научных исследований Урала и Сибири и с произведениями промышленности этих местностей. В своей записке Турицын писал: «Музей этот может помещаться в одной из свободных комнат при складе, посетители склада могли бы свободно осматривать музей и получать разъяснения по интересующим их предметам. Получилось бы наглядное обучение, которое скорее достигает цели, чем беседы агронома в селении при отсутствии наглядных пособий. Когда же музей разрастётся, он может выполнять ту же функцию, которую выполняет теперь передвижной музей Губернского Земства, т.е. выставку-музей можно устраивать на время ярмарок и торжков, где бывает большое скопление народа. Кроме того, по его образу можно будет устраивать подобные, недорого стоящие школьные музеи при сельских школах. Вообще же о воспитательном значении музеев я не буду говорить, так как это известно всякому интеллигентному человеку. Зная отзывчивость Уездной Управы на все культурные начинания, я уверен, что она согласится с моим взглядом на этот предмет и поддержит моё ходатайство об ассигновании средств для сельскохозяйственной выставки-музея. Некоторые коллекции (например коллекция семян трав, искусственных удобрений, гербарий хлебных и злаковых растений), которые я уже имею, войдут в этот музей, а собираемые мною в настоящее время коллекции семян возделываемых здесь хлебов, сведения о болезнях растений, образцы почв будут служить для пополнения музея» (1).

Земская редакционно-сметная комиссия отмечала в 1907 году, что для устройства музея следует ограничиваться поступлениями из местного бюджета. В смету Уездного Земства за 1908 год внесены расходы в сумме 400 рублей, связанные с передвижением выставки-музея по территории уезда, в 1909 году ассигнования на её деятельность составили 100 рублей, в 1910 – 200 рублей. В смету 1912

года внесены расходы на пополнение выставочной экспозиции, покупку «волшебного фонаря» и наглядных пособий. Сельскохозяйственная выставка-музей в Верхотурье просуществовала несколько лет, но в настоящий музей она так и не переросла.

Краеведческий музей в Верхотурье появляется уже в советское время. Решение о его открытии было принято в январе 1921 года. В постановлении Верхотурского уездного исполкома №1 от 10 января 1921 года записано:

«1. Уездным исполкомом в заседании своём 4 января 1921 года утверждено Общество по изучению Верхотурского края, исполнительным органом которого является временный комитет Общества. Комитет, как официальный орган, имеет право сноситься со всеми учреждениями от имени Общества.

2. Всем советским учреждениям и лицам вменяется в обязанность идти навстречу начинаниям Общества.

3. Жилищному подотделу при отделе коммунального хозяйства освободить для работы Общества и для музея бывший «дворец», находящийся в местном монастыре, так как здание это само по себе представляет высокую художественную ценность.

4. Для пополнения экспонатов музея, на первое время все предметы научно-художественного значения, рассеянные по различным советским учреждениям города Верхотурья и его уезда, передать в распоряжение Общества по изучению Верхотурского края.

5. В целях охраны памятников старины категорически воспрещается уборка, ремонт и реставрация памятников старины без ведома на то Общества по изучению Верхотурского края. Каждый случай уборки и ремонта памятников старины должны производиться не иначе, как с согласия на то Общества, которое во все такие случаи должно посылать, когда это потребуется, своих экспертов.

6. Лица, уклоняющиеся от выполнения настоящего постановления, подлежат суровой ответственности по законам республики» (2).

Сообщение о создании музея в Верхотурье было сделано на съезде музейных работников Урала в феврале 1921 года. Город на нём представляли преподаватель Б.В.Пигулевский, А.И.Золотин и руководитель Общества по изучению Верхотурского края (ОИВК) Л.М.Каптерев, который и стал первым хранителем (директором) музея.

Леонид Михайлович Каптерев родился в 1884 году в семье священника. Пять лет обучался в Пермской духовной семинарии, где познакомился с П.П.Бажовым и В.П.Бирюковым, в будущем – известным уральским краеведом. Не закончив учёбы, в 1904 году поступил на должность псаломщика в церковь Берёзовского завода Екатеринбургского уезда. Служба была не слишком сложной и занимала немного времени. Леонид Михайлович часто ездил в Екатеринбург, где любил посещать театры и музеи. Впоследствии он оставил должность псаломщика и поступил на службу в Общество потребителей. В свободное время посещал заседания Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), познакомился с его председателем М.О.Клером. После Октябрьской революции Леонид Михайлович работал в Союзбанке. В 1918 году он написал рассказ «Островок», который в 1919 году был издан отдельной книгой в серии «Библиотека уральских писателей». В 1920 году был откомандирован в распоряжение УОЛЕ для участия в историко-археологической экспедиции, работавшей в Шадринском уезде, где изучал материалы, связанные с восстанием далматовских монастырских крестьян. На их основе была написана книга «Дубинщина», выпущенная в свет издательством «Уралкнига» в 1924 году, переиздававшаяся несколько раз и долгое время считавшаяся единственным источником для изучения данного исторического события. В том же 1920 году УОЛЕ командировало Леонида Михайловича в Верхотурский, Надеждинский, Нижнетагильский и Алапаевский уезды для изучения памятников старины. До 1925 года он жил в Верхотурье, где возглавил работу Общества по изучению Верхотурского края и создал краеведческий музей. В 1925-1927 г.г. Л.М.Каптерев заведовал музейным отделом Уральского областного отдела народного образования, с 1928 года начал работать учёным секретарём Уральского областного бюро краеведения (УОБК). Большое внимание он уделял литературно-краеведческой деятельности, много печатался. В 1930 году Леонид Михайлович переехал в Нижний Новгород, где также занялся краеведческой деятельностью – работал учёным секретарём местного бюро краеведения, занимался научной работой, выпустил несколько книг. В 1946 году Л.М.Каптерев был репрессирован, на свободу вышел в 1959 году, скончался в 1960 году, в 1963 – посмертно реабилитирован.

Кроме Л.Каптерева среди первых работников музея весной 1921 года числятся делопроизводитель Мария Павловна Ворошилова и

сторож Геннадий Павлович Кузнецов (3). Работал музей в структуре уездного отдела народного образования (УОНО).

10 июня 1921 года комиссией из представителей ОИВК и УОНО принимается положение об использовании и охране здания, принадлежащего музею:

«1.Находящийся в городе Верхотурье Екатеринбургской губернии и расположенный на усадьбе бывшего мужского Николаевского монастыря «дворец», переданный в распоряжение Общества по изучению Верхотурского края постановлением Верхотурского уездного исполкома за №1, объявляется под особой охраной Народного комиссариата просвещения, как высокохудожественный памятник в стиле старинного русского зодчества.

2.Здание «дворца» должно быть использовано только для музея Общества и предоставление его какой-либо иной организации, в целом или даже части здания, абсолютно недопустимо.

3.В случае добровольного перехода Общества и его музея в другое помещение, «дворец» может быть предоставлен в пользование какого-либо просветительного учреждения, но при том не иначе, как с предварительного согласия Общества.

4.Прилежащий ко «дворцу» кедровый парк, размером около одной десятины, объявляется заповедником и порядок пользования им устанавливается комитетом Общества» (4).

Открытие музея состоялось в августе 1921 года, однако его нормальной работе мешало аварийное состояние здания. В октябре музей был закрыт на ремонт, для которого УОНО выделил аванс в сумме 600 тысяч рублей (после денежной реформы в июле 1922 года эта сумма составляла 60 рублей). Вновь работать музей начал 8 января 1922 года.

Верхотурский краеведческий музей Леонид Михайлович Каптерев возглавлял до сентября 1922 года. За это время членам Общества по изучению Верхотурского края удалось собрать довольно богатую коллекцию, при музее также работала библиотека. Летом 1921 года краеведами и работниками музея было организовано несколько исследовательских экспедиций в Верхотурский и Надеждинский уезды, в ходе которых была значительно пополнена музейная экспозиция. Члены ОИВК занимались вопросами охраны памятников истории и культуры, изучением природных богатств края, в частности, обследовали места обитания бобров в Верхотурском уезде. В справке

о работе музея, подготовленной для уездного исполкома, говорится: «Несмотря на сравнительно короткий срок своего существования, общество имеет музей с ценными экспонатами. Из отделов, имеющих агитационно-пропагандистское значение, является хорошо оборудованным отдел медицины. Организован он при деятельном участии бывшего санврача Ринова. Все экспонаты обществом приобретены на средства жертвователей – крестьян и профсоюзов» (5). Оценивая работу музея за четыре года журнал «Знание и труд» писал в 1925 году: «Верхотурский музей стал культурной святыней края. Он стал успешно конкурировать с другой местной святыней – монастырём и, несомненно, скоро убьёт своего конкурента».

В сентябре 1922 года хранителем музея стал Евгений Михайлович Засецкий. В отчёте о работе ОИВК и музея за 1922 год он даёт не столь благополучную картину состояния дел:

«Обществом по изучению Верхотурского края была намечена программа работ на весь 1922 год, но говорить о выполнении этой программы в настоящем докладе не приходится. Причина молчания должна быть ясна для лиц, интересующихся делами Общества, а также и местным управителям, в отчётах коих нигде не проскальзывает даже копейки, ассигнованной в помощь Обществу, хотя за помощью Общество неоднократно обращалось почти во все организации города. Не получая помощи извне, не только материальной, но и моральной, Общество должно было отказаться от выполнения своего плана, а к концу 1922 года и совсем прекратить свои работы, которые выражались лишь в обмене мнений членов Общества, научных докладах, беседах, совещаниях и т.д. по причине неотапливаемости здания музея.

Музей всё время боролся с большими материальными недочётами. В течение целого года музей мог работать правильно всего лишь несколько месяцев, причина такой неработоспособности зависела, главным образом, от недостатка топлива (его совсем не было) и материальной обеспеченности сотрудников музея, которые должны были искать себе заработки на стороне. Музею со дня его основания почти не отпускалось никаких средств и если были кое-какие денежные поступления, то они носили случайный характер и были до того незначительны, что принести собой ту или иную пользу музею конечно не могли. Музей в настоящее время находится в совершенно неотапливаемом здании и работать в нём невыносимо, музейные

объекты портятся, покрываясь ржавчиной и плесенью, приходят в полную негодность.

Несмотря на все препятствия, которые пришлось преодолевать при создании музея, Общество сумело добиться желаемых результатов. Музей в настоящее время располагает уже достаточно солидными коллекциями для его годовичного существования, насчитывающими в себе более 1500 объектов и имеет библиотеку, заключающую в себе более 4000 томов книг. В музее ощущается недостаток в местохранилищах, витринах, шкафах, столах для подставки витрин и пр. Говорить о плане на будущее время в настоящем докладе не приходится, так как ширина плановых заданий будет зависеть от отпускаемых сумм. Своими ближайшими задачами музей считает отпечатание каталога музея, каталога библиотеки, трудов Общества за 1921-1922 годы, проведение нескольких экспедиций небольшого типа в северную часть Верхотурского края. Лекторы – члены Общества, после того как температура здания музея будет достаточна, чтобы обогреть зябнувшее тело посетителя, станут продолжать чтение популярных лекций, как в самом музее, так и в рабочем клубе. Так же музей предполагает, при наличии конечно средств, отправить в различные места края членов Общества для производства обследований и приобретения музейных объектов для пополнения коллекций.

Музей занимает довольно приличное по размерам и своей художественной архитектуре здание в городе, более других подходящее для такой цели, но здание это со дня окончания постройки не ремонтировалось, то есть в течение целых десяти лет. За этот период времени оно пережило несколько хозяев, кои постарались ещё более его разрушить. Так, предшественником музея в этом здании были 96-е пехотные курсы, которые постарались унести с собой всё, что было возможно, как-то: дверные скобки, замки, крючки, отдушники, вьюшки, печные дверцы и пр. Словом всё, что можно было унести, ими было унесено, а чего нельзя было взять, то испортили. Здание нуждается в ремонте, необходимо сколотить полы, покрасить крышу, переложить две печи, пришедшие в полную негодность. Нужно произвести ещё кое-какой небольшой, но в тоже время необходимый ремонт. Для помещения музейных объектов необходимо иметь большие светлые комнаты, чего можно добиться путём уборки нескольких перегородок в помещении музея.

О значении Общества для местного края говорить не приходится, хотя не всегда на местах их значение достаточно оценивается. Примером может служить вышеприведённая картина положения ОИВК. Возникновение Общества служит наглядным свидетельством пробуждения и развития в широких массах научных интересов в направлении всестороннего исследования своего края и стремления к объединению разрозненных доселе научных сил, хотя бы и скромных и не находивших ранее для себя применения, но могущих дать ценные результаты в смысле собирания научных материалов и посильной их обработке.

Будем надеяться, что любовь к науке и сознание морального долга перед Республикой помогут местным управленцам ближе взглянуть на материальную необеспеченность существующего Общества и прийти на помощь в его деятельности, как того требуют и интересы страны, и достоинство культурного государства» (6).

В феврале 1923 года хранителем Засецким составляется первая инвентарная опись, хотя и не совсем грамотно составленная, но дающая общее представление о музейных фондах. Согласно данной описи в музее имелись следующие коллекции:

- 1) Типичные образцы горных пород Верхотурского края от первичного до четвертичного периода – 37 экземпляров
- 2) Горные породы Кытлымско-Косьвинского горного округа – 47
- 3) Динамическая (общая) геология. Процессы выветривания – 21
- 4) Геологическая деятельность воды – 8
- 5) Горнообразовательные движения – 5
- 6) Минералогическая коллекция – 313
- 7) Драгоценные и орнаментные камни – 17
- 8) Палеонтология: мамонт, сибирский носорог, тур – 15
- 9) Ботаника. Образцы альпийской флоры Урала – 27
- 10) Зоология. Чучела зверей и птиц, скелеты различных млекопитающих, шкурки и пр. – 21
- 11) Археология. Остатки погребения доисторического человека, выраженные в орудиях, костях, украшениях и пр. – 37
- 12) Предметы старины. Сюда входят предметы быта, культа, обихода, утварь, одежда и пр. – 39
- 13) Старинное оружие: пистолеты, сабли, секиры, кистени и пр. – 23
- 14) Нумизматика: а) коллекция медных монет 1602-1916 г.г. – 371
- 15) б) коллекция серебряных монет 1713-1913 г.г. – 53

16) в) коллекция монет иностранных государств – 121

17) г) бумажные ценные знаки разных правителей России – 111

18) д) кредитные билеты иностранных государств – 10

19) Медали, ордена, жестяные и другие знаки – 63

20) История края и география. Портреты деятелей Верхотурского края, фотографические снимки замечательных моментов из жизни края, групповые фотографии, виды Верхотурья и его окрестностей – 100

21) Художественный отдел. Картины, фарфор, чугун, шёлк, акварель и пр. – 26

22) Этнография. Образцы работ местных кустарей, мастерских, заводов, предметы обихода жителей дальнего Севера – 35

23) Географические планы и карты Верхотурского края с 1739 года – 17.

Всего научная коллекция включает в себе 1517 экспонатов. Все коллекции нуждаются в пополнении, художественная – в реставрации, так как в ней имеются старинные картины.

Библиотека музея содержит книги по следующим разделам: философия – 100 книг, естественные и прикладные науки – 370, политическая история России – 217, всеобщая история – 97, исторические мемуары – 83, исторические биографии – 113, история культуры – 39, география – 116, социология – 272, литературная критика и публицистика – 40, психология и педагогика – 42, юриспруденция (правоведение) – 260, справочники – 200, периодические издания – 600, художественная литература (беллетристика) – 800, краеведение – 98. Всего библиотека музея включает в себе 3447 книг.

Научное оборудование музея составляют барометр, термометр, бинокль, рулетки, разновес, микроскоп, набор стеклянной посуды, пинцеты, ножницы, ножи и пр., всего 19 предметов. Количество научного оборудования крайне недостаточно.

В хозяйстве музея находятся витрины, столы, стойки, подставки, шкафы, тумбочки, табуреты, стулья и пр., общим количеством 72. Ощущается недостаток в витринах и шкафах (7).

На содержание краеведческого музея в апреле-июне 1923 года УОНО выделило следующие суммы: отопление – 150 рублей, освещение – 300, ремонт – 150, техническое оборудование – 300, расходы по перевозке различных грузов – 150, хозяйственно-канцелярские расходы – 150, всего 1200 рублей. На проведение

научно-исследовательской и культурно-просветительской работы музеем отпускалось 2550 рублей, из них на научное оборудование музея – 150, приобретение экспонатов – 750, различных изданий – 150, командировки и разъезды сотрудников музея – 600, издательскую деятельность – 900 рублей (8).

В 1923 году в штате музея числятся три сотрудника: хранитель, помощник хранителя и служитель. В круг прямых обязанностей хранителя музея входили:

- а) общее руководство работой музея,
- б) представительство от имени музея при сношениях со всеми официальными учреждениями и лицами, научными и просветительскими организациями,
- в) подбор и систематизация музейного материала,
- г) приобретение музейных предметов.

Он руководил всей работой учреждения, вёл хозяйство музея, ведал составлением всевозможных отчётов, докладов, смет и других документов.

Учреждение должности помощника хранителя музея было вызвано острой необходимостью. Северная часть уезда, входившая в район деятельности музея, была еще недостаточно изучена. Решение этой задачи являлось одной из главных в краеведческой работе. При продолжительном отсутствии хранителя музея его функции возлагались на помощника, который вёл музейное хозяйство и принимал участие во всех работах, производимых музеем.

Служитель музея, помимо присмотра за чистотой и порядком в здании, топке печей и прочих работ, помогал при работах музейным сотрудникам-специалистам.

Огромная и разнообразная краеведческая работа включала в себя обследование, регистрацию и описание памятников природы, доисторической культуры, историю народного быта и творчества, изучение природы и естественных богатств края. Часто она была не по силам небольшому коллективу штатных сотрудников музея. Появлялась необходимость привлекать к работе временных, но достаточно хорошо оплачиваемых сотрудников. Хранитель музея Засецкий писал: «В этом отношении нельзя ограничиваться полумерами ввиду огромной практической и научной важности краеведческой работы, здесь необходимо даже спешить, так как некоторые области краеведческой компетенции, как например

народный быт и фольклор, эволюционируют с поразительной быстротой и исчезают на наших глазах» (9).

По-прежнему острым оставался вопрос о музейном здании. 2 октября 1923 года Засецкий обращается по этому поводу в уездный исполком: «Занимаемое ныне музеем ОИВК помещение, представляя из себя по местоположению и стилю довольно большую ценность, имеет и ряд недостатков, которые никаким образом не могут быть устранены. Главнейшим недостатком упомянутого здания является то, что оно построено из легко поддающегося огню материала – дерева, следовательно является, в некотором отношении, весьма опасным. Как не приспособленное для постоянного жительства, здание это холодное, сырое, результатом чего является порча экспонатов музея, главным образом книжных, которые подвергаются заплесневению. Кроме того, здание тёмное, благодаря чему многие экспонаты теряются в полумраке уголков и комнатушек, которых довольно много. Последнее обстоятельство также является одним из недостатков музейного помещения. Придавая большое значение деятельности музея и желая поставить её на должный уровень ОИВК считает необходимым переменить здание для помещения музея. Из всех зданий, осмотренных в городе Верхотурье, более подходящим и вполне целесообразным является бывший воеводский дом в Кремле, занимаемый ныне Народным судом. С переездом музея в это здание все недостатки прежнего помещения исключаются и, кроме того, благодаря довольно солидной величине, получится возможность помещения в нём, кроме музея, центральной библиотеки с детским филиалом. Последние также нуждаются в лучшем помещении. На основе всего вышеизложенного уездный отдел народного образования и ОИВК обращаются с просьбой к президиуму районного исполкома о предоставлении упомянутого воеводского дома в распоряжение УОНО» (10). В ответ на обращение районный исполком решил оставить вопрос о помещении под музей открытым, а для библиотеки отделу коммунального хозяйства было предложено подыскать подходящее помещение.

В это время Верхотурский музей начинает испытывать серьёзные проблемы, которые не только мешают нормальной работе, но и ставят вопрос о его возможном закрытии. В январе 1924 года в Нижнем Тагиле создаётся Тагильское общество изучения местного края (ТОИМК), которое должно было руководить всей краеведческой работой на территории Нижнетагильского округа, куда входил и

Верхотурский уезд. Руководство общества разработало инструкцию по работе краеведа, в которой говорилось: «Работа по изучению края является одной из главных основ для выработки в массах марксистского мировоззрения. Краеведческие исследования в области естественных наук дают обоснование материалистическому восприятию природы, наблюдение текучести форм жизни даёт пищу диалектической философии. Точно также знакомство с историей края, с жизнью во времена крепостного права, с последующей революционной борьбой даёт яркую картину порабощения народных масс и постепенно усиливающегося пробуждения и стремления к революционной организации, что привело к последнему взрыву и торжеству коммунизма. Ясна отсюда та громадная роль, которая принадлежит краеведению в деле революционного воспитания масс, ясно также и то, что единоличными усилиями невозможно охватить эту непрерывно меняющуюся многогранность жизни, и даже в каком-либо одном избранном направлении лучше объединить свои усилия с усилиями других лиц, работающих по тому же вопросу. Для обеспечения правильности работы необходимо объединение всех частных усилий и стремлений в одном общем органе. Таким объединением является ТОИМК, работающее в непосредственном контакте и согласии с Окружным отделом политического просвещения. Общество имеет своей задачей всестороннее изучение прошлого и настоящего края, согласование и обработку данных общеокружной краеведческой работы и опубликование полученных результатов. Поэтому Общество полагает полезным и крайне необходимым для краеведов вступление в его ряды, так как аппарат Общества, надо надеяться, во многих случаях сможет оказать действительную помощь работникам на местах. Далее, очевидно, для успешной краеведческой работы на местах должны быть организованы ячейки Общества везде, где только будет возможно: при школе, исполкоме, библиотеке, клубе, избе-читальне и т.д. Эти ячейки будут собирать материал, который можно найти в данной местности, следить за сохранностью архивов, старинных зданий и других памятников старины, природы и искусства, срочно сообщать правлению Общества всякий раз, когда этим предметам и памятникам угрожает опасность уничтожения, самовольного изъятия куда бы то ни было без ведома краеведческих организаций. Затем могут быть предприняемы и самостоятельные изыскания в области различных знаний, которые примерно скомбинированы в следующих секциях: 1)

историко-археологической, 2) архивно-библиографической, 3) этнографической, 4) сельскохозяйственной, 5) геологии, минералогии и палеонтологии, 6) биологии, 7) фабрично-заводской и кустарной промышленности. Как правило, необходимо стремиться на местах к объединению всех работников-краеведов и к расширению состава Общества. В случае образования значительной группы краеведов может быть, согласно устава Общества, открыто филиальное отделение Общества. Так как организация экскурсий, перевозка собранных материалов, их обработка и т.д. требует значительных затрат, то членам Общества на местах надлежит приложить все усилия к тому, чтобы собирать средства путём организации благотворительных сборов, концертов, спектаклей и т.д. Из таковых часть оставлять на местные расходы по краеведению, часть же направлять в правление Общества. Объединения краеведов на местах должны выделить уполномоченных Общества, для которых правлением Общества будет выдаваться мандат на право собирания и хранения материалов краеведческого характера. Вообще, для всех секций и уполномоченных Общества надо принять за правило два раза в год сообщать о том, что найдено, собрано на месте, что ещё имеется в учреждениях и у частных лиц» (11).

В число членов-учредителей ТОИМК вошли краеведы и работники музеев из различных городов округа, но по неизвестным причинам представителей Верхотурья среди них не было. Интересно отметить, что в работе ТОИМК участвовали бывшие верхотурцы, оставившие заметный след в истории города в годы революции и Гражданской войны. Учёным секретарём был избран директор Нижнетагильского педагогического техникума Б.В.Пигулевский, в 1916-1918 г.г. он был директором Верхотурской мужской гимназии, в 1917 году возглавлял Комитет общественной безопасности города, избирался гласным городской Думы. Среди учредителей общества были инструктор окружного Соцвоса И.Я.Черемных (председатель Верхотурской уездной земской управы до мая 1917 года) и служащий окружного Союза кооператоров Н.А.Безхмельницын (председатель Верхотурской уездной земской управы при белых).

14 августа 1923 года Тагильский окружной исполком принимает решение об открытии Тагильского окружного краеведческого музея. С этого времени все районные музеи становились его филиалами. Принимается Устав окружного музея, в который была включена

инструкция, регламентирующая деятельность районных музеев. В ней записано следующее:

« А. Общие положения.

1) Районные музеи организуются с целью подбора и хранения вещественных и литературных материалов, характеризующих естественные производительные силы района, его экономику и быт в прошлом и настоящем, а также с целью вовлечения широких масс в краеведческую работу и просветительскую деятельность. Районные музеи одновременно являются учреждениями, помогающими Окружному музею в подборе для последнего материалов, характеризующих район в указанных отношениях.

2) Область деятельности районного музея определяется границами его района.

3) Районный музей является учреждением, действующим на правах отделения Окружного музея, под его непосредственным наблюдением и инструктированием.

4) Районный музей для осуществления своих целей имеет право:

а) производить сбор коллекций рукописей, книг и прочих материалов, характеризующих район,

б) организовывать лаборатории, кабинеты, библиотеки и прочие вспомогательные учреждения,

в) устраивать собрания, диспуты, лекции, доклады и т.д.,

г) организовывать стационарные и передвижные выставки,

д) участвовать своими экспонатами в разного рода выставках, организуемых другими музеями,

е) организовывать экспедиции и экскурсии,

ж) участвовать в охране памятников старины, природы и искусства.

5) Районные музеи представляют отчёты о своей работе Окружному музею в установленные последним сроки.

Б. Средства районных музеев.

1) Районные музеи содержатся на средства, ассигнуемые по сметам соответствующих районных исполкомов, по столам отделов народного образования.

2) Денежная отчётность, наряду с представлением таковой в Окружной музей, представляется и в районные исполнительные комитеты.

3) Для посещения районным музеям должны быть отведены и передаваемы на твёрдых основаниях районными исполкомами здания, вполне безопасные в пожарном отношении.

4) Районные музеи имеют право принимать денежные и вещественные пожертвования, субсидии общего и специального назначения – временные и постоянные – от учреждений, организаций и частных лиц, получать доходы от входной платы, от постановки спектаклей, концертов и т.д.

В. Управление районных музеев.

1) Во главе управления районным музеем находится заведующий, назначаемый районным исполкомом и утверждаемый советом Округного музея.

2) Сообразно местным условиям районный исполком может предложить заведующему музеем организовать совет музея, по конструкции аналогичный совету Округного музея и видоизменённый районным исполкомом сообразно потребностям места и момента. В этом случае совет районного музея выдвигает кандидатуру заведующего, утверждаемого советом Округного музея.

3) Совет музея состоит из заведующего музеем, хранителя, учёного секретаря, руководителей отделов, представителей партийных и общественных организаций района.

4) При расширении районного музея его совет может учреждать, по соглашению с районным исполкомом, должности заведующих отделениями и вспомогательными учреждениями, избирать хозяйственный комитет и ревизионную комиссию.

5) Заведующий районным музеем следит за правильностью и успешностью работы музея, ведёт сношения и переписку по всем его делам, распоряжается средствами музея, несёт ответственность за хранение в целости научного имущества музея, как в смысле предохранения от хищений, так и в смысле предохранения от порчи, и принимает меры к его реставрации.

Г. Об имуществе районного музея.

1) Окончательное распоряжение научным имуществом районного музея принадлежит совету Округного музея, который имеет право в целях планомерного распределения материалов перемещать таковые из одного районного музея в другой, а также перемещать экспонаты, имеющие окружное значение, в Округной музей.

2) Решения о перемещении экспонатов из района в район и в Окружной музей рассматриваются советом Окружного музея в присутствии заведующих теми районными музеями, которых это перемещение касается. На данном заседании эти заведующие районными музеями пользуются правом решающего голоса. Утверждение вопроса о перемещении экспонатов производится Тагильским окружным исполкомом.

Д. О ликвидации районного музея.

1) Ликвидация районного музея может произойти по постановлению районного исполкома или совета районного музея, каковые постановления затем рассматриваются советом Окружного музея и с мотивированным заключением последнего представляются на утверждение Окружного исполкома.

2) В случае установленной неправильности работы районного музея и невозможности её выправления, бесхозяйственности ведения дел музея, отказа районного исполкома в снабжении музея зданием или средствами и невозможности изыскать их из других источников совет Окружного музея может вынести постановление о ликвидации этого районного музея. Мотивированное заключение совета представляется на утверждение Окружного исполкома.

3) При ликвидации районного музея по причинам, указанным выше, всё имущество и инвентарь ликвидируемого музея поступает в распоряжение Окружного музея. Совет последнего намечает путь дальнейшего использования этого имущества, что выполняется с утверждения Окружного исполкома» (12).

Централизация музейного дела в округе самым негативным образом отразилась на положении Верхотурского музея. В конце января 1924 года окружные власти и правление Нижнетагильского общества изучения местного края принимают решение об обследовании музеев округа. Целью работы являлось выявление в них экспонатов окружного значения, передача их в Тагильский окружной краеведческий музей, а также изъятие из музеев всех имеющихся ценностей. 2 февраля на основании постановления Нижнетагильского окружного исполкома создаётся комиссия по обследованию Верхотурского музея. В её состав вошли заведующий окружным политпросветом И.С.Оносов, хранитель (директор) Тагильского музея А.Н.Словцов, представитель Верхотурского горисполкома А.Я.Двинянинов. В акте, составленном комиссией 16 февраля 1924 года, говорится следующее:

«Мы, нижеподписавшиеся, проводили обследование Верхотурского музея краеведения, при чём установили нижеследующее:

1) Общее число научных предметов в музее, по заявлению хранителя Е.М.Засецкого – 1800. 2) Инвентарных книг, как общих, так и систематических, не имеется. 3) Есть инвентарная опись, незаверенная, нумерованная и не прошнурованная, составленная при приёмке музея гражданином Засецким от Л.М.Каптерева. Эта опись включает в себя 718 предметов, которые, за небольшим исключением, имеются в наличии все. 4) В опись не включены и не заприходованы некоторые вещи, как-то: аметисты и другие ценные камни (негранёные), кварц со включениями нескольких самородков золота от ничтожных размеров до величины в 3-4 золотника, оружие и т.д. 5) Имеются сомнительные обозначения, например – по инвентарной описи значится «пряжка с сапфирами», между тем имеющаяся пряжка, по-видимому, украшена лишь синим стеклом. Также сомнительна и оригинальность «Мадонны», относимой, по заявлению гражданина Засецкого, художником И.Грбарём к раннему итальянскому Ренессансу. 6) Библиотека имеет до 7000 томов, в том числе довольно много книг характера не музейного, как-то: новая беллетристика, новая политическая литература и т.д.

Здание музея деревянное, собственно музейные коллекции занимают четыре небольших комнаты. В момент обследования музей был закрыт для осмотра, т.к. не было дров.

При проверке финансовой отчётности по получению и расходованию сумм за время с 1 сентября 1922 года по 31 декабря 1923 года установлено следующее: 1) Суммы на расходы по музею, в большинстве случаев, составлялись от сбора пожертвований по подписным листам, а также других добровольных пожертвований. Причём два подписных листа не были засвидетельствованы в исполкоме, но подписка безусловно проводилась с ведома председателя исполкома, т.к. первым пожертвователем подписывался он. 2) Уплачено за оборудование здания музея электрическим освещением 18 пудов хлебопродуктов. Расписки в получении не имеется, но здание музея действительно оборудовано электрическим освещением и стоимость этой работы, как убедились в этом члены комиссии по обследованию, вполне соответствует показанному расходу. 3) Приход от продажи фотографических принадлежностей составил 300 рублей, приходного документа нет. По заявлению

хранителя музея эти принадлежности пожертвованы лично им музею и тут же проданы, поэтому он счёл излишним составлять приходный документ. 4) Выручено от продажи различных хлебопродуктов 185 рублей. Приходного документа также нет, но деньги заприходованы, поэтому можно судить, что операция совершена правильно, принимая во внимание остаток хлебопродуктов по продуктовой ведомости и стоимости продуктов в момент продажи. 5) Уплачено в фотографию 300 рублей за снимки с картин, нет расходного документа. По заявлению хранителя музея, это те самые 300 рублей, для получения которых он пожертвовал музею свои фотографические принадлежности.

Больше никаких важных нарушений не обнаружено, кроме того все указанные выше недочёты не носят характер злоупотреблений, являясь лишь нарушением формальной стороны» (13).

На следующий день, 17 февраля, членами комиссии в присутствии хранителя музея Засецкого и помощника начальника верхотурской милиции Рылова было произведено изъятие ценностей из музейной коллекции. Среди изъятых предметов значатся: крест нагрудный архимандритский с 7-ю аметистами и 3-мя аквамаринами, а также звёздочкой из тяжеловесов; напестольный серебряный крест с 6-ю эмалевыми образками и с украшениями; дарохранительница серебряная с ковчегом; кадило серебряное, подарок царя Алексея Михайловича; сосуд с подвесками из серебряных рублей; серебряные корцы – 3; потир серебряный; солонки серебряные; напестольные серебряные кресты – 4; фермуар из тяжеловесов; крестик из тяжеловесов; Евангелие в лист, с серебряными крылышками; кусок кварца с самородками золота, числом около 10-ти; аквамарины мелкие в стеклянной трубочке, негранёные – 15; аметист расколотый, негранёный; изумруды негранёные, бледной окраски – 2; кристаллы горного хрусталя, небольшие – 2 (14). Все ценности подлежали сдаче в финансовый отдел исполкома на хранение, музей был временно закрыт, а само здание опечатано.

Эти события самым негативным образом отразились на состоянии здоровья хранителя музея Засецкого. 15 марта он обратился в медицинскую контрольную комиссию для предоставления отдыха по состоянию здоровья. Комиссия, освидетельствовав Засецкого, поставила диагноз «неврастения» и предоставила ему месячный отпуск. В это время впервые начинает подниматься вопрос о закрытии музея. 20 мая директор Тагильского музея Словцов писал в окружной

отдел политпросвещения: «Можно ещё говорить, чтобы оставить музей в Верхотурье, с изъятием экспонатов окружного значения в Тагильский музей, потому что Верхотурский музей может быть научно разработан местным Обществом изучения Верхотурского края. Если это общество не будет проявлять научной деятельности, то и самое существование музея в Верхотурье потеряет всякий смысл с научной точки зрения, да и вообще он стал бы там бесполезным, так как Верхотурье находится вдали от рабочих центров и представляет из себя, в сущности, небольшое село» (15). Однако местные власти были иного мнения о судьбе музея и 21 мая на заседании президиума Верхотурского районного исполкома было принято решение о возобновлении его работы, Засецкий вернулся к своим обязанностям (16).

7 июня 1924 года руководством Тагильского музея и ТОИМК составляется инструкция по изъятию из Верхотурского музея экспонатов окружного значения, из которой видно, что музей обладал богатым историческим материалом. Согласно инструкции подлежали изъятию:

«1) Воеводский архив и все другие рукописи.

2) Все рукописные книги.

3) Книги бывшей Нижне-Тагильской Сан-Донатской библиотеки (на них есть штемпеля или надписи чернилами или тиснение на переплёте: «Сан-Донатская библиотека», «Библиотека князей Сан-Донато», «Библиотека П.П. или А.Н. или Е.П.Демидова, князя Сан-Донато», «Библиотека Тагильских заводов», «Библиотека Тагильского горного округа» таких-то владельцев и просто «Библиотека Тагильского горного округа», «Библиотека Главного правления имений Демидовых, князей Сан-Донато», «Библиотека Тагильского заводского собрания», и др., а также «П.П.Демидов», «П.П.», «П.П.Д.»).

4) Месяцесловы с 1731 года с подписями протоиерея Троицкого Верхотурского собора о различных событиях.

5) Картина «Мадонна» эпохи Ренессанса.

6) Энциклопедический словарь Брокгауз-Эфрон.

7) Портреты председателей Верхотурской уездной земской управы.

8) Из числа сданных на хранение в финансовый отдел г.Верхотурья вещей изъять: большое Евангелие с подписью на серебряной доске о пожаловании его царём Алексеем Михайловичем;

кадил (?) серебряных с такою же надписью; апостол в серебряных досках; крест напрестольный серебряный с такою же надписью. Остальные вещи и камни передать музею. Если есть несколько крестов (хотя бы медных) с надписями о пожертвовании их каким-либо из воевод, то один из них изъять, если нет дубликатов – воздержаться.

9) Изъять кости мамонта, сложенные в коридоре музея на полу – все; если в них найдутся зубы и клыки (бивни) мамонта хорошей сохранности, а в музее таковые найдутся лишние, то по одному экземпляру изъять; если лишних нет – воздержаться. Если будет возможно – записать где, когда и кем найдены кости, на какой глубине, в какой почве.

10) Изъять все хранящиеся при музее фотографические негативы и те из отпечатков, которые не выставлены в музее. Дубликаты оставить. При этом просить хранителя музея составить список тех снимков, которые будут для музея нужны.

11) Если в числе этих негативов нет снимков со вскрытия мощей Симеона Верхотурского, то изъять имеющиеся в музее готовые отпечатки и протокол, причём не брать заготовленных увеличенных снимков с этой сцены. Если негативы окажутся в числе перечисленных в пункте 10, то снимков не брать.

12) Из оружия (считая и две пушки на крыльце) изъять лишь то, что окажется несомненно относящимся ко времени стрельцов и воевод.

13) Желательно взять 5-6 черепков, найденных в курганах в верховьях реки Полуденки (208-й квартал Тагильской дачи) при раскопках Тагильского музея 5 июня 1924 года, произведённых по его разрушению С.П.Топорковым при участии Б.Жирова, В.Попова, М.Пастухова, К.Шестакова и прочих, глубина от 1 до 3 аршин, почва песчаная, ниже – подзолистая.

Также, согласно мандата, надлежит изъять из архива бывшей Верхотурской земской управы, хранящегося в райисполкоме, нижеследующее:

1) Весь печатный материал.

2) Рукописный материал за первые 12 лет существования земства (1864-1876).

3) Если этот архив находится в таком состоянии, что найти рукописи, материал требуемых лет не представляется возможным, то опечатав архив, вручить ключ от него председателю правления

Верхотурского общества изучения местного края Николаю Михайловичу Каптереву и просить его принять на себя охрану и разработку архива, на что ему будет выслан мандат. Ему же передать ключ и после изъятия материала, в случае если архив разобран.

4) Необходимо произвести опрос сведующих: нельзя ли разыскать материалы, касающиеся старца Макария, Григория Распутина и Федотушки-душителя. Если это будет невозможно, то просить местное Общество краеведения в лице Н.М.Каптерева обратить особое внимание на расследование эпохи Федотушки и Распутинады. Навести также справки – где находятся подлинники протоколов вскрытия мощей Симеона Верхотурского после революции и более раннего; если подлинники есть – изъять их» (17).

Окружной отдел политпросвещения выписал Николаю Васильевичу Ульянову (инструктору Тагильского окружного союза потребительских обществ) мандат на изъятие экспонатов, согласно данной инструкции. Также ему поручался просмотр и разбор архива Верхотурской уездной земской управы, в помощь себе он мог привлекать работников просвещения и учащихся.

Местные органы власти выступили в защиту музея. Была создана комиссия по выявлению в музее экспонатов окружного значения. В её состав вошли: Засецкий (заведующий музеем), Юрлов (заместитель председателя райисполкома), Каменских (работник райисполкома), Дудин (работник райкома РКП(б), Рылов (начальник милиции). Комиссия обратилась в Окружной исполком с ходатайством о сохранении Верхотурского краеведческого музея и его коллекций. В документе говорится:

«В музее Общества изучения Верхотурского края хранятся следующие коллекции и отдельные экспонаты: а) минералогическая коллекция, б) геологические образцы типичных для Верхотурского края пород, в) палеонтологическая коллекция (части скелетов мамонта, тура и других ископаемых животных), г) археологическая коллекция (предметы старины, церковная утварь, оружие, нумизматическая коллекция и прочее), д) коллекция по истории Верхотурья и уезда в фотографиях, негативах и литературе, е) библиотека, состоящая главным образом из разрозненных изданий самого разнообразного содержания.

Детально осмотрев все экспонаты музея и обменявшись мнениями, комиссия нашла, что предметов, имеющих окружное значение в Верхотурском музее не имеется, а те предметы, которые

находятся в музее, носят почти исключительно местный характер, тесно связаны с историей самого города Верхотурья и в Окружном музее будут оторваны от местных памятников старины (примером могут служить предметы церковной старины). В палеонтологической коллекции хранится до 100 костей, принадлежащих мамонту и другим ископаемым животным, но и за ними комиссия не усматривает окружного значения по следующим причинам: кости мамонта встречаются на территории округа в массовом количестве и Тагильский музей, может употребить деньги, предназначенные им на перевозку костяка мамонта из Верхотурского музея, на приобретение его в другом месте. От этого он не только не проиграет, а наоборот выиграет ввиду того, что кости мамонта, находящиеся в Верхотурском музее, представляют из себя фрагменты костей, от чего, безусловно, уменьшается их ценность как окружного экспоната. При раскопке скелета не была применена самая элементарная осторожность, раскопки производились без участия представителей музея. Кости эти, благодаря кропотливой и долгой работе хранителя музея, реконструированы из обломков при помощи клея и при перевозке безусловно развалятся.

В настоящее время, когда Верхотурский музей только что начинает выявлять себя как малую научную единицу, комиссия находит вредным и крайне преждевременным что-либо вообще передавать, так как это будет равносильно закрытию музея.

Экспонаты Верхотурского музея приобретались на средства, собранные среди местных любителей, теперь и весь музей содержится на их средства. У местных работников, положивших свои труды и средства на собирание музея, после перевода части его коллекции в Нижний Тагил пропадёт всякое желание продолжать работу и тогда о дальнейшем развитии музея не может быть и речи.

Среди местных любителей сильно развит интерес к музейной работе и они, идя навстречу музею, ремонтировали новое, более подходящее для него каменное здание в центре города, затратив на это средства. Такое проявление интереса к сравнительно новому делу необходимо поддержать. Изъятием части музейных экспонатов весь интерес к делу пропадёт.

Комиссия, обсудив всё выше изложенное находит, что в Верхотурском музее экспонатов окружного значения не имеется и перевод даже самой незначительной части его вредно отразится на всей работе, не принеся пользы и Тагильскому музею, а потому и

решила, со своей стороны, просить Нижнетагильский окружной исполком пересмотреть ещё раз вопрос о Верхотурском музее и дать ему возможность продолжать начатую им работу в близком общении с Тагильским музеем на равных началах» (18).

Вопрос о судьбе музея неоднократно рассматривался Верхотурским райисполкомом. 1 июля президиум райисполкома принял решение согласится с доводами, высказанными комиссией, и просить Окружной исполком оставить экспонаты в Верхотурском музее. 19 сентября принимается постановление о том, что передача экспонатов может производиться при участии специальной комиссии и только в обмен на равноценные предметы.

О проблемах Верхотурского музея шла речь на заседании совета Окружного краеведческого музея в Нижнем Тагиле 24 ноября 1924 года. В начале Е.Засецкий сделал сообщение о работе музея: «Устройство музея началось при помощи Общества изучения Верхотурского края, которое начало свою деятельность с 1921 года. В настоящее время музей оборудован и имеет до 4000 экспонатов, среди них гербарий из 400 экземпляров, пожертвованный приват-доцентом Казанского университета Арефьевым». Далее выступили члены совета окружного музея. И.Черемных сообщил о своём посещении Верхотурского музея, который производит чрезвычайно благоприятное впечатление, имея большое количество хорошо подобранных экспонатов, библиотеку до 7000 томов, богатые архивы. Г.Максимов возбудил вопрос о переводе Верхотурского музея в Нижний Тагил, как центр округа, находя нецелесообразным его существование в маленьком городе, удалённом от путей сообщения и не имеющего перед собой перспектив для развития. По этому поводу произошёл обмен мнениями, в результате чего было принято постановление: «Признавая в настоящий момент нецелесообразным закрытие музея в городе Верхотурье, принять доклад к сведению, причём просить заведующего окружным политпросветом тов. Оносова обеспечить дальнейшее существование музея в Верхотурье» (19). Таким образом, вопрос о закрытии Верхотурского музея на ближайшее время был отложен. Что касается музейных экспонатов, то часть из них, по-видимому, пришлось отдать в окружной музей, хотя документов об этом обнаружить пока не удалось. Известно только, что в марте 1926 года в окружной музей вывезли библиотеку уездной земской управы, которая хранилась в районном исполкоме.

9 апреля 1925 года музей посетила очередная комиссия во главе с председателем окружного исполкома Ледковичем. Если год назад о состоянии музея были довольно благоприятные отзывы, теперь ситуация начинает меняться. После обследования музея члены комиссии сделали неудовлетворительные выводы о его работе:

«Палеонтологический отдел находится в стадии организации, происходит реставрация отдельных частей мамонта. Из особо ценных частей можно отметить первую пару шейных позвонков и хорошо сохранившиеся зубы. При этом следует отметить, что показ экспонатов – это выставка отдельных частей, отсутствуют письменные объяснения к отдельным экспонатам. Предмет изучения отдела малодоступен для понимания массового посетителя.

Отдел церковно-археологический представляет из себя ряд вещей, переданных во время изъятия ценностей из монастырей и церквей. Наибольшую церковную историческую ценность представляет большое Евангелие с серебряно-позолочёной оправой, издание 1796 года, весом 2 пуда 10 фунтов. Материальную ценность имеют напрестольный серебряный крест с украшениями бирюзой и тяжеловесами, и архимандритский крест с семью аметистами, тремя аквамаринами и со звёздочкой из тяжеловесов. Состояние этого отдела неудовлетворительно со стороны надзора за экспонатами, материалы для антирелигиозной пропаганды служить совершенно не могут.

В музее совершенно отсутствуют отделы сельскохозяйственный, этнографический и исторический. Что касается отдельных экспонатов по истории, имеющих в наличии, то они не приведены в известность и определённую систему. Определить значение и ценность музейного архива не представляется возможным ввиду его полной спутанности. Точно также нельзя определить значение и ценность музейной библиотеки ввиду отсутствия каталога. Ученье находящееся в кладовой не представляется возможным ввиду неимения надлежащего списка. На взгляд в кладовой имеется куча книг, остатки минеральных коллекций, некоторые портреты и т. п.

Приступая к определению общего состояния дел музея комиссия установила, что при передаче музея бывшим председателем Общества по изучению Верхотурского края товарищу Засецкому никто из представителей общественных организаций не присутствовал. Передача музея происходила по инвентарному списку, никем не засвидетельствованному, и составленному во время передачи.

Нет никаких непосредственных документов, на основании которых можно было бы установить действительное наличие экспонатного имущества, а также действительность факта пожертвования тех или иных вещей. Акт о передаче научного оборудования, хозяйственного инвентаря, библиотеки также не был никем заверен и передача всего этого производилась без представителя общественной организации, причём на поступившие вещи нет никаких документов. Каталога на книги при передаче не было, хотя ещё в сентябре 1922 года в губернский музей сообщалось, что каталог создаётся и в скором времени будет выслан. Денежных дел до 1922 года не велось. Состояние дел после 3 сентября 1922 года в отношении музейного инвентаря, описи научного и хозяйственного оборудования не изменилось.

Все пожертвования, которые поступали с сентября 1922 года по настоящее время, заранее установленным порядком не регистрировались. Имеется лишь тетрадь с надписью: «Список пожертвований Обществу изучения Верхотурского края», в которой значатся одновременно записанные фамилии жертвователей (48 человек). При этом расписок жертвователю, даты пожертвования нет. Мер к составлению инвентарных описей с сентября 1922 года не было принято несмотря на то, что предыдущая ревизия в феврале 1924 года ненормальности эти констатировала и подчеркнула перед правлением музея неотложность проведения инвентаризации. Тоже следует сказать в отношении библиотеки, научного оборудования и имущества. При данной проверке, как и при ревизии в 1924 году, фигурировали в качестве справочных документов вышеупомянутые инвентарные описи без регистрации последующих изменений. Совершенно отсутствует какая-нибудь официальность документа о передаче в музей церковных ценностей.

Директор музея товарищ Засецкий объясняет это явление большими затруднениями в финансовых условиях существования музея при невнимательном отношении со стороны общественных организаций. При проверке финансового положения музея оказалось следующее: музей ни на каком бюджете не состоит, доходными источниками являются подписные листы и случайные поступления. Точного учёта всех подписных листов не было. Денежные операции, как приход, так и расход, вёлся совзнаками, причём была обнаружена большая потеря сумм, благодаря падению курса рубля.

За 1924 год поступило всего 701 руб. 76 коп., в то же время израсходовано 586 руб. 55 коп., остаток выражается в сумме 115 руб. 16 коп. За 1925 год поступило по день ревизии 100 руб., израсходовано, согласно документам 342 руб. 70 коп., таким образом оказался перерасход 127 руб. 54 коп., что подтверждает отсутствие правильного финансового плана. При разборе расходных документов выяснилось, что музеем при его стеснённых условиях материального существования производились совершенно нецелесообразные расходы, такие как: издание записок по ботанике, выдача аванса 70 руб. автору Арефьеву и неиздание записок до конца; фотографирование лодки (6 руб.); переплёт книги; приобретение роскошных папок; покупка книг; выдача аванса Лебедеву в сумме 20 руб. на приобретение фотографических принадлежностей в коих он по настоящее время не отчитался. Принимая это во внимание, комиссия устанавливает, что при таких финансовых условиях музея можно было бы вполне найти возможность для обеспечения абсолютно необходимой работы по инвентаризации музея.

Комиссия попутно устанавливает:

1) Совершенно недопустимый факт незаконной командировки Засецкого В.М. (брата директора музея) в Сибирь и другие местности с подписной книгой, длящейся уже 5 месяцев.

2) Купленный инвентарь в 1924-1925 годах никуда не заносился.

3) Имеется ряд расписок неподписанных.

4) Денежная приходно-расходная тетрадь никем не заверена и приходные, а также расходные документы на сумму 177 руб. никуда не записаны.

5) При сверке полученных музеем церковных ценностей не оказалось второго серебряного ящичка у дарохранительницы.

6) Числящейся на основании акта от 27 апреля 1922 года древней иконы Николая Чудотворца при передаче имущества не оказалось.

7) Все предметы научного оборудования, за исключением термометра Цельсия, негативов, стеклянной посуды, письменного прибора, равновеса комиссии представлены не были. Нет подтверждающих документов, что недостающие вещи находятся в чьём-либо пользовании.

8) Правление Общества по изучению Верхотурского края не собиралось и ревизионная комиссия совершенно не приступала к работе, дело таким образом, велось безотчётно и бесконтрольно.

Принимая во внимание всё вышеизложенное, комиссия постановляет:

1) Дальнейшее функционирование музея без немедленного тщательного учёта имущества считать невозможным.

2) В случае разрешения первого условия благоприятно, музей нуждается и должен будет провести коренную реорганизацию всего содержания работ музея в смысле действительного обслуживания населения и привлечения к краеведческой работе крестьянских масс района.

3) Система управления музея должна быть в корне изменена по подобию Тагильского общества краеведения, создания коллективного аппарата в виде музейного совета, правления и т.д.

4) В случае выполнения всех вышеуказанных условий должно быть произведено включение оплаты директору музея и техническому работнику из существующих средств.

5) Обратит внимание райисполкому на изыскание минимальных средств для обеспечения учёта научного оборудования и хозяйственного обследования музея» (20).

Несмотря на попытки окружных властей закрыть музей он продолжает свою работу. Летом 1925 года решением районного исполкома Засецкого отстранили от должности хранителя музея за неудовлетворительную работу, а его функции были возложены на помощника хранителя Бердникова. В 1925 году музей и местные краеведы по требованию ТОИМК составляют исторические справки и художественное описание архитектурных памятников города и района: стен и ворот кремля, Троицкого собора, воеводского дома, Воскресенской и Одигитриевской церквей, Николаевского монастыря, часовен Петра и Павла (ямской) и Спаса Нерукотворнорго, Михайло-Архангельской церкви в селе Меркушино, Петропавловской церкви. Также по заданию райисполкома работники музея занимались сбором материалов об ущербе, нанесённом району гражданской войной. В 1925 году музей получил новое помещение на территории кремля, о чём уже долгое время просили местные краеведы. В его собственность было передано бывшее здание присутственных мест.

Летом 1926 года музей возглавил Анатолий Иванович Щербаков, по профессии – учитель. Он родился в 1898 году в городе Иваново-

Вознесенске. Имел два образования: законченное среднее химикотехническое и незаконченное высшее сельскохозяйственное. Краеведческой работой начал заниматься ещё будучи студентом Иваново-Вознесенского политехнического института. В январе 1923 года вынужден был оставить учёбу, работал на сельскохозяйственном факультете института в качестве технического сотрудника и, одновременно, научным сотрудником почвенно-геологического отделения в Иваново-Вознесенском институте по изучению природы края. Летом 1923 года принимал участие в экспедиции профессора Красюка, проводившей исследования почв северной части Костромской губернии. Затем по неизвестным причинам был выслан в административную ссылку, которую отбывал в Верхотурье. Здесь он работал учителем в семилетней школе, а летом 1926 возглавил краеведческий музей. Постановлением Особого совещания при коллегии ОГПУ от 4 февраля 1927 года Анатолий Иванович был освобождён от ссылки с лишением права проживания в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Ростове-на-Дону, Одессе, Иваново-Вознесенске и соответствующих губерниях сроком на 3 года (21).

В сентябре 1926 года он принимал участие в 1-ой окружной конференции краеведческих и музейных организаций Тагильского округа, где выступил с докладом о работе Верхотурского краеведческого музея: «Общество по изучению Верхотурского края организовано в январе 1921 года, музей открыт в августе 1921 года. Членов Общества в 1923 году было 96 человек, сейчас – 12. Интерес к работе снизился вследствие увоза в Тагильский музей части экспонатов Верхотурского музея. До этого момента хранителем музея был Засецкий, который был отстранён распоряжением районного исполкома летом 1925 года и уехал, не сдав музей заместителю Бердникову. Осенью 1925 года музей был пополнен и составлена инвентарная опись. Зимой 1925 года музей был закрыт за отсутствием средств на отопление. С осени 1926 года предполагается повести компанию за увеличение количества членов Общества. Штат музея сейчас – заведующий и сторожика. Последние пополнения музея – предметы из Верхотурского монастыря и кости мамонта. Музеем охраняется ряд зданий (церкви, кремль и «дворец»)» (22).

Шла на конференции речь и о судьбе вывезенных из Верхотурья музейных предметов. На вопрос об их количестве Щербаков ответил, что он еще не принял музея и поэтому не в курсе дел об изъятии. Л.Каптерев (заведующий музейным подотделом областного отдела

народного образования) заявил, что причиной изъятия части экспонатов из Верхотурского музея было недостаточно правильное хранение материалов. В настоящее время инвентаризация там поставлена на должном уровне и Тагильский музей не будет настаивать на удержании у себя этих предметов. Хранитель Тагильского музея А.Словцов также подтвердил незаинтересованность в удержании верхотурских экспонатов и выразил надежду, что Окружной исполком благоприятно разрешит вопрос об их возвращении Верхотурскому музею. Представитель Главнауки сообщил, что Главнаука не закрепила эти экспонаты за Тагильским музеем и если будет представлен подробный план использования их Верхотурским музеем и если он будет вполне обоснован, то экспонаты будут возвращены. Однако документов о том, произошло возвращение или нет, не сохранилось.

В 1926 году по решению Окружного исполкома в Верхотурье была закрыта Одигитриевская церковь. Предметы церковного обихода и утварь, имеющие музейную ценность передали на хранение в Верхотурский музей. Среди них значатся: 1) Евангелие средней величины, в бархатном переплёте, изданное по повелению царя Алексея Михайловича в 1663 году, 2) Евангелие с медной оправой, средней величины, издание 1662 года, 3) Евангелие большое в бархатном переплёте времён царствования Анны Иоанновны, 4) иконостас с иконами различных размеров, деревянных и на полотне в количестве 16-ти штук, 5) два чайника красной меди, кованых, 6) венец жестяной без украшений, 7) риза шёлковая с холстинной подкладкой, 8) жертвенник с двумя сорочками, 9) тарелки оловянные, две чистые, одна с гравированным рисунком, 10) дарохранильница жестяная, 11) подсвечник деревянный (23).

В архиве сохранился отчёт о работе музея Общества изучения Верхотурского края за 1926-1927 годы, составленный А.Щербаковым (24). Согласно отчёту в музее работали отделы: биологический, сельскохозяйственный, бытовой и историко-археологический.

Бюджет музея в отчётном году составил 94 руб. 19 коп. Приходная часть была сформирована из остатка от прежних лет – 71 руб. 92 коп., вступительных взносов – 6 руб. 75 коп. и членских взносов – 15 руб. 52 коп. Расходы музея составили: приобретение экспонатов – 10 руб., приобретение инвентаря – 2 руб., хозяйственные расходы – 4 руб. 24 коп., канцелярские расходы – 1 руб. 50 коп., почтовые расходы – 1

руб. 61 коп., разъезды – 7 руб. 68 коп., погашение долгов – 32 руб. 50 коп., другие расходы – 10 руб.

Помещение достаточное и вполне соответствует своему назначению, размер 29 на 9 метров, кубатура 848 кв. метров. Ремонт не производился, необходима окраска крыши. Здание с 1925 года закреплено постановлением районного исполкома за музеем на правах собственности.

Коллекция музея характеризует край в его прошлом и настоящем. Научно –исследовательскую и культурно-просветительскую работу обеспечивает не вполне. Необходимо оборудовать краеведческую лабораторию. Витрины имеются, но не в достаточном количестве, что мешает росту коллекции музея.

Штат музея состоит из заведующего и технического работника (он же сторож). В правлении музея 5 человек: председатель, три члена правления и секретарь. План научной работы выполнен на 40%, причина невыполнения – отсутствие необходимых средств. Ведётся подбор коллекций по крестьянскому быту, по полезным ископаемым, производится сбор материала по вогульской стоянке на реке Неромке, обследовано нижнее течение реки Калачик. Заданий от плановых органов не было, организовано четыре исследовательских похода.

В плане культурно-просветительской работы проведено три беседы с пионерами об истории Верхотурья, 39 бесед о Верхотурском крае. Выставки не устраивались, в музее проведено 46 экскурсий, которыми охвачено 1014 человек. Библиотека обслуживает только работающих в музее. Посещаемость музея по месяцам: октябрь 1926 года – 344 человека, ноябрь – 13 (с 3 ноября музей был закрыт из-за отсутствия отопления), февраль 1927 года – 239, март – 278, апрель – 299, май – 275, июнь – 381, июль – 453, август – 352, сентябрь – 348. Всего 2982 посетителя.

Подготовка научных и музейно-краеведческих работников не велась, издательской деятельности не было. Велась работа совместно с этнографическим музеем и с музеем Главнауки по археологии. Посылался представитель на краеведческую конференцию в Нижний Тагил.

В июне 1927 года на 2-ой окружной музейно-краеведческой конференции Щербаков сообщал, что число членов ОИВК увеличилось с 36 до 68 человек. Усилиями Общества организована школьная краеведческая ячейка из 52 человек. В ближайшее время начнёт действовать комсомольская ячейка. Музей не получает

никаких средств из бюджета, приходится часть здания отдавать под школу, чтобы исполком отапливал здание и содержал сторожа. С начала года музей посетило 1498 человек, три месяца музей не работал по причине переоборудования экспозиции, в частности здесь был установлен иконостас из закрытой Одигитриевской церкви. Также коллекция пополнилась предметами домашнего обихода из дерева, крестьяне охотно дают свои вещи. В результате археологических исследований, проведенных школьниками, музейная коллекция пополнилась образцами керамики с вогульских стоянок, костями шерстистого носорога. Велись фенологические наблюдения за сельскохозяйственными растениями и метеорологические наблюдения, которыми уже 30 лет занимается краевед Меньшенин. В музее работали шесть отделов: биологический, сельскохозяйственный, бытовой, кустарно-промышленный, археологический и лесной, общее количество экспонатов – около 500. Активное участие в создании отдела сельского хозяйства принял агропункт, кредитное товарищество пожертвовало несколько экспонатов по пчеловодству, пионерский городок – скелет борова. В летний период планируется собрать коллекцию монолитных образцов местных почв, провести ряд разведок в целях выявления естественных и производительных сил района, пополнить музей бытовым материалом. К 10-й годовщине Октября предполагается создать революционный отдел, в который будут собраны архивные материалы по революции 1905 года, гражданской войне и рассказы очевидцев. Если будут отпущены необходимые средства на содержание персонала и хозяйственные расходы, планируется вывести из здания посторонние организации и расширить отделы (25).

Обсуждали участники и вопрос о судьбе ОИВК. Некоторые предлагали, чтобы оно стало филиалом Тагильского общества. В ответ Щербаков заявил, что у ОИВК в прошлом имеются большие заслуги, оно старше ТОИМК, в настоящее время его работа оживает. Общество не может быть филиалом ТОИМК, но готово посылать туда двух своих представителей, чтобы быть в курсе вопросов окружной краеведческой работы. В ходе голосования делегаты конференции поддержали мнение Щербакова.

На 3-ей окружной конференции в июне 1928 года присутствовали два делегата от Верхотурья: заведующий музеем Щербаков и член ОИВК Гурьев Виктор Дмитриевич (заведующий культурно-социальной частью райисполкома). Щербаков говорил о том, что

авторитет музея, подорванный в 1925 году, восстанавливается. Отношение к музею у большинства организаций сочувственное. С музеем ведут совместную работу школы, агропункт и ветеринарный участок. Население изменило взгляд на местный музей и уже начинает само приносить экспонаты. За истекший год проведены две выставки: сельскохозяйственная и историко-революционная. Первая затронула все отрасли сельского хозяйства, экспонатов было 650. Историко-революционная собрала 220 экспонатов поры установления Советской власти в районе. Выставки посетило более 2000 экскурсантов. Организован уголок живой природы, производится учёт памятников старины, начаты обследование крестьянских хозяйств и работы по статистическому описанию района. Кружок юных краеведов собрал археологические, палеонтологические и зоологические материалы, работал в уголке живой природы. Ведутся фенологические наблюдения, сводки отправляются в Свердловск и Ленинград. Музей вёл активную краеведческую и просветительскую работу на территории Верхотурского района, летом 1928 года при пяти избах-читальнях в районе были организованы краеведческие кружки. Намечается произвести описание и фотографирование памятников археологии по району (26).

Отчёт о работе за 1928-29 годы фиксирует следующее состояние музея. В нём имелось три отдела: природы, человека и промышленности, а также библиотека и уголок живой природы. Бюджет музея за этот период составил 1121 руб. 98 коп. (поступления из местного бюджета – 1017 руб., специальные средства – 85 руб. 27 коп., остаток от прошлого года – 24 руб. 11 коп.), расходы – 1120 руб. 90 коп. Музей занимал двухэтажное каменное здание бывших присутственных мест в кремле. На нижнем этаже находились квартира для сторожа и агропункт. Ремонт здания в отчётном году не проводился. Количество экспонатов следующее: отдел природы – 250, отдел человека – 756, промышленный отдел – 100, архив – 670, живой уголок – 14, всего – 1790. Библиотека пополнилась на 55 томов, общее количество книг – 3587. В первой половине августа 1928 года произведена поездка по району, продолжительностью 17 дней. Пройдено 312 км по маршруту: Верхотурье – деревня Копанская – Болотово – Махнёво – Прокоп-Салда – Верхотурье. Состоялся выезд в деревню Пия на четыре дня и посёлок Корещиха на один день. Все поездки проводились Щербаковым с учащимися семилетки. Из местного бюджета израсходовано 4 рубля, так как снаряжение

экспедиции (лошадь, упряжь, экипаж, инвентарь) были предоставлены частными гражданами и местными учреждениями. Во время поездки обследован молочный скот в двух деревнях, попутно проводились почвенные исследования, изучался быт крестьян 18-19 веков. Полученный материал обработан. Кроме того, по заданию окружного исполкома проведено обследование верхотурского рынка. Научных командировок и собраний не было, подготовка научных работников не велась, печатные работы не издавались. У музея существовала хорошая связь с агропунктом, выражалась она в совместном ведении работ по оформлению экспозиции сельскохозяйственного отдела. Посетители: одиночные – 4639, экскурсанты – 1366, проведено 36 экскурсий, изменение по сравнению с прошлым годом – 101%. Библиотека обслуживала только работников музея, фотографический кабинет кроме музейной работы выполнял задания районного исполкома (27).

На заседании совета Тагильского окружного музея 18 апреля 1929 года Щербаковым был поставлен вопрос о возвращении в Верхотурский музей вещей изъятых согласно постановления окружного исполкома. Среди них значились: Евангелие времён царя Алексея Михайловича, Евангелие в серебряных досках, кадила, пожалованные Алексеем Михайловичем, сосуд для освящения, серебряные кресты, архимандритский крест, кольчуга, знамя Верхотурского ополчения, бердыш, пороховница, пистолет времён Николая 1-го. При голосовании большинство членов совета высказалось против передачи экспонатов в Верхотурье. На этом же заседании приняли решение о выделении Верхотурскому музею 350 рублей на продолжение работ по исследованию почв Верхотурского района (28). В 1929 году в Обществе изучения Верхотурского края состояло 56 человек, работало оно независимо от ТОИМК, делегируя туда двух своих представителей. Члены Общества вели работу в области изучения известняков, исследование молочного скота, комплексное изучение района (29).

Оживление музейной работы в Верхотурье оказалось недолгим. Ещё в 1926 году Верхотурье было лишено городского статуса и переведено в разряд сельских населённых пунктов, что конечно негативным образом сказалось на состоянии музея. В конце 20-х годов в стране изменяется отношение к краеведческим обществам. Они всё сильнее начинают подвергаться идеологическому и политическому давлению со стороны Советской власти. В краеведении набирает силу

новое «производственное» направление. Его сторонники утверждали, что целью краеведения в пролетарском государстве не может быть модное в прошлое время «гробокопательство и идеалистическое любование окутанного дымкой прошлого». Гуманитарные изыскания, как ненужные, изгоняются из музеев. Основной упор в краеведческой работе теперь делается на изучение природных ресурсов, что может принести практическую пользу для экономики страны. Многие краеведы и музейные работники становятся жертвами репрессий.

Со стороны местных властей музей встречает всё меньше поддержки и понимания. Всего лишь несколько раз на заседаниях Верхотурского поселкового Совета затрагиваются вопросы работы музея. 28 ноября 1928 года для оборудования постоянной выставки по сельскому хозяйству при музее президиум Совета выделяет 150 рублей. На заседании 13 марта 1929 года рассматривается ходатайство о выделении средств на работу музея из местного бюджета. Принимается постановление: «Председателю сельского Совета точно выявить необходимость и цель расходования и в случае крайней необходимости выдать нужную сумму до утверждения сметы» (30).

Нередко заведующему музеем Щербакову приходилось сталкиваться с негативным отношением представителей власти. В письме директору Тагильского музея Словцову 6 марта 1928 года он писал: «Замечены мной некоторые безобразия в Иоанно-Предтеченской (Походяшинской) церкви. По собранным мной сведениям эти проделки устраиваются воспитанниками верхотурского пионергородка. Мной об этом поставлен в известность районный исполком, запросил мнение по этому вопросу у Л.М.Каптерева, просил в письменной форме пионергородок обратить на это внимание и провести беседу о важности исторических памятников. Сегодня беседовал с Загайновым, но ведь вы его знаете и поэтому догадаетесь, какие результаты имел разговор. Он по обыкновению много говорил о ненужности церкви и о контрреволюции (это его любимое слово). Он, в конце концов, не допускает, чтобы воспитанники пионергородка могли делать это и даже обещал отдать меня под суд, якобы по его мнению, за клевету. Конечно, имея свидетелей, я не боюсь, но всё-таки это сильно действует на нервы и, в результате, приходишь к заключению, что самое лучшее – уйти подальше от музейной работы, а то наживёшь таких врагов в лице заведующего пионергородка и труддома, что потом не расхлабаешься. Такие, как Загайнов, способны на всё» (31).

Летом 1929 года Щербаков сообщает Словцову ещё об одном инциденте: «1 августа был организован слёт Осоавиахима с проведением военной тактической игры. Наряду с другими боевыми единицами была создана и артиллерия, и по распоряжению руководящего слётом штаба, снабжена старинными пушками, лежавшими у входа в музей. Об этом распоряжении я узнал только когда явился на слёт. Пробовал сказать, что нецелесообразно использовать старинные пушки, так как, во-первых, есть опасность, что во время стрельбы они могут быть разорваны, как это было с такой же пушкой в 1927 году 1 мая, а во-вторых, одна из пушек заклёпана, а для целей стрельбы необходимо заклёпку убрать. На это мне председатель исполкома товарищ Кононов авторитетно заявил, что пушкам ничего не сделается и за их сохранность отвечает он. После этого пришлось уступить, помня пословицу, что плетью обуха не перешибёшь. Для приведения заклёпанной пушки в состояние пригодное для стрельбы первоначально пытались зубилом вынуть заклёпку, она в верхней части своей сломалась. Тогда пытались высверлить её сверлом, и тут неудача – сломалось сверло. Вслед за этим решили сделать новое отверстие в половине длины пушки, каковое и было просверлено. После такого рода подготовительных работ пушки были перетащены на место, откуда должна производиться стрельба, это саженьях в 100 от музея, где они почивают и до сего дня. Я бы хотел Александр Николаевич разъяснения, могут ли музейные экспонаты использоваться подобным образом. Если могут, то в следующий раз протестовать против их использования я не буду. Если не могут, то считаю необходимым получить от вас на то соответствующий документ, чтобы можно было оградить музейные предметы от использования их подобным образом» (32).

В начале 1930 года Щербаков был снят с должности заведующего Верхотурским музеем. В ответ на увольнение он направил письмо в Тагильскую окружную комиссию по чистке советского аппарата при Рабоче-Крестьянской Инспекции: «Постановлением президиума Верхотурского районного исполкома от 23 января 1930 года, протокол №50, я был освобождён, как лишенец, от занимаемой мной должности заведующего Верхотурским краеведческим музеем. Увольнение считаю незаслуженным, так как моя деятельность была направлена в сторону доставления максимума пользы пролетариату... Будучи выдвинут в сентябре 1926 года Верхотурским районным исполкомом на должность заведующего музеем, я постарался придать музею

истинно краеведческий характер. Понимая музей как место, где не только хранятся экспонаты и предлагаются публике для осмотра в надлежащим образом смонтированном виде (то есть музей является школой на краеведческой основе), но и центр, около которого вращается научно-исследовательская мысль, положил много энергии на то, чтобы музей поставить на рельсы научно-исследовательской, имеющей практическое значение, работы. Осуществить это удалось только летом 1928 года. Вопросами, затронутыми изучением, были исследование почв района и обследование крупного рогатого скота. Исследование почв в настоящее время является законченным, и как следствие этого, составлена в черновике почвенная картина Верхотурского района и пишется мной характеристика района в почвенном отношении. Эта работа даёт более ясное представление о том субстрате, на котором базируется сельское хозяйство, а при осуществлении пятилетнего плана поможет более конкретно наметить те мероприятия в области сельского хозяйства, которые дадут наибольшую рентабельность хозяйству, развивающемуся на том или ином почвенном типе. Предварительное обследование скота обрисовало довольно интересную картину состояния скотоводства в Верхотурском районе, а в настоящее время, когда колхозы перестраивают свои хозяйства на скотоводческие, эта работа послужит ключём к разрешению многих вопросов в этом направлении. Весной 1928 года начаты работы по изучению метисации на повышение продуктивности крестьянской курицы и по изучению метисов разных пород в различных степенях метисации. Работа в настоящее время не закончена. Летом 1929 года начаты работы по заданию Уральского областного бюро краеведения и Уралплана по проведению показательного комплексного обследования Верхотурского района, во время производства которого собран материал по известнякам, обнаружен мрамор и найдена белая глина. Перечисленные горные породы безусловно должны получить в самом непродолжительном времени применение для целей поднятия урожайности, как например, известняки или для обслуживания металлургической промышленности, как белая глина, могущая по причине наличия в ней талька применяться в качестве огнеупоров. Ценность находки усугубляется ещё и тем, что месторождение находится в 4 км от железнодорожной станции. В настоящее время Райпромотделом составляется план эксплуатации указанной глины, как сырья для изготовления белой гончарной посуды. Осенью начата

работа по изучению потребности местных почв в известковании. Работа обещает дать конкретный материал о количестве потребной извести и имеет, по мнению районного агронома товарища Нерослова, большой практический интерес. Указанные работы выполняются при минимальной затрате средств. Несмотря на то, что все работы имеют тот или иной практический интерес, ни со стороны исполкома, ни со стороны Верхотурского поселкового Совета, на бюджете которого музей состоит с 1928 года, они не встретили интереса. Так, за период с сентября 1926 года по настоящее время на заседаниях президиума райисполкома доклады о работе музея ставились только два раза и то по моему настоятельному требованию. Верхотурский же сельский Совет, несмотря на неоднократное моё предложение сделать доклад на его заседаниях о работе музея, за этот период не удосужился заслушать таковой. Кроме отсутствия со стороны райисполкома и сельского Совета интереса к работе музея, имели место случаи, показывающие прямое непонимание сущности музея. Так, например, 1 августа 1929 года было дано распоряжение председателем исполкома товарищем Кононовым об использовании для стрельбы двух старинных пушек, что повлекло за собой порчу одной из них. Второй случай указывает на недооценку важности краеведческой работы. Во время сбора материалов по обследованию района учительница школы посёлка Красная Гора товарищ Лебедева на мой вопрос о причине задержки выполнения работы ответила, что был товарищ Кононов и сказал: «Оставьте краеведческую работу, а выполняйте инвентаризацию». Во время зимней конференции учителей я просил дать мне несколько минут для беседы с учителями о комплексном обследовании района, чтобы дополнительно получить от них некоторый материал, но в заседании вечером 28 января сего года товарищем Кононовым в предоставлении мне времени для беседы было отказано. В таких тяжёлых условиях приходится вести краеведческую работу. Хотя я и лишенец, но стремлюсь быть полезным Советскому Союзу своими знаниями и опытом, за что лучше всего говорит содержание перечисленных работ. Кроме работ краеведческого значения я за истекший период пребывания моего в Верхотурье принимал активное участие в общественной работе, выражающееся в организации в школах кружков краеведческого и военного, в работе клуба, пионеротрядов, Осоавиахима и в целом ряде других работ» (33).

О своём увольнении Щербаков писал в Тагильский музей Словцову: «Срок моего ограничения в правах въезда в 7 городов кончается 4 февраля. Надеюсь, что то или иное решение комиссии по чистке советского аппарата при РКИ не замедлит поступить. В постановлении райисполкома, кроме желания лишить меня заработка, я усматриваю стремление использовать моё безработное положение для того, чтобы приравнять меня к кулакам, попам, монахам и прочему нетрудовому элементу, выселить меня из Верхотурья, как из района сплошной коллективизации. Конечно, чёрт с ним, с Верхотурьем. Не я в нём буду нуждаться, обо мне не раз ещё вспомнят. Скверно то, что при процедуре выселения производится опись всего имущества и его конфискация. Хотя у меня и немного чего имеется, всё же жаль, так как нажито своим трудом, благодаря тому, что я человек не пьющий и не гуляка» (34).

В январе 1930 года на должность заведующего музеем назначается выпускник Нижнетагильского педагогического техникума Богомолов. Согласно отзывам представителей окружного музея несмотря на неопытность нового руководителя работа в музее шла неплохо. Музею предполагалось выделить новое большое здание, в нём начинает активно разворачиваться антирелигиозная работа (35).

С этого времени сведения о работе Верхотурского музея в архивах не встречаются. В 1932 году журнал «Советское краеведение» в №1 опубликовал статью представителя Центрального бюро краеведения Н.Ловцова «Урало-Кузбасс и уральское краеведение», где шла речь о краеведческой работе в современных условиях. Вместо сохранения музея, писал автор, краеведы Верхотурья должны заниматься выявлением точных данных о зарослях и урожаях кедровника, чтобы помочь народному хозяйству страны в выявлении ценного, с точки зрения получения растительного масла, растения.

Вопрос о дате закрытия Верхотурского краеведческого музея пока остаётся открытым. Из приведённых документов видно, что по крайней мере до начала 30-х годов музей и Общество изучения Верхотурского края продолжали свою деятельность несмотря на многочисленные трудности. Возрождение музея состоялось 12 июля 1973 года, когда Верхотурский районный исполком принял постановление об организации районного краеведческого музея.

Примечания:

1. Журналы Верхотурского Уездного Земского Собрания за 1907 год. С.221.

2. НТГИА. Ф.9, оп.1, д.166, л.9.
3. НТГИА. Ф.10, оп.1, д.226, л.68-69.
4. НТГИА. Ф.9, оп.1, 166, л.196.
5. НТГИА. Д.240, оп.1, д.2, л.67.
6. НТГИА. Ф.10, оп.1, д.267, л.42-44.
7. Там же. Л.45-48.
8. Там же. Л.51.
9. Там же. Л.52.
10. Там же. Л.59.
11. НТГИА. Ф.26, оп.1, д.36, л.2-5.
12. Там же. Д.37, л.83об-85об.
13. НТГИА. Ф.26, оп.1, д.12, л.33.
14. Там же. Л.34.
15. Там же. Л.114.
16. НТГИА. Ф.240, оп.1, д.1а, л.70об.
17. НТГИА. Ф.26, оп.1, д.12, л.82-83.
18. НТГИА. Ф.240, оп.1, д.1а, л.92.
19. НТГИА. Ф.26, оп.1, д.12, л.4-5об.
20. Там же. Д.86, л.1-2об.
21. НТГИА. Ф.24, оп.1, д.37, л.19об.
22. НТГИА. Ф.211, оп.1, д.39, л.126.
23. ГАСО. Ф.102, оп.1, д.346а, л.24.
24. НТГИА. Ф.26, оп.1, д.141, л.13-14.
25. «Материалы по изучению Тагильского округа». Выпуск 1. Нижний Тагил, 1927.
С.81- 82
26. «Материалы по изучению Тагильского округа». Выпуск 2. Нижний Тагил, 1928.
С. 80-81
27. Архив НТМЗ. Ф.57, оп.1, д.18, л. 6-6об
28. Архив НТМЗ. Ф.57, оп.1, д.35, л.36-36об
29. НТГИА. Ф.26, оп.1, д.141, л.50-50об
30. НТГИА. Ф.37, оп.1, д.3, л.21
31. Архив НТМЗ. Ф.57, оп.1, д.18, л.18
32. Там же. Л.19-19об
33. Там же. Л.23-26
34. Там же. Л.23-23об
35. Там же. Л.24

Репрессии против священнослужителей и верующих в Невьянске (1917-1937 гг.)

На долю людей, живших в нашей стране в первой половине прошлого века, выпали тяжелейшие испытания - революции, братоубийственная гражданская война, две Мировые войны, а в период недолгой мирной передышки – массовые политические репрессии, по сути начавшиеся сразу после Октября 1917 года. Жертвами их стали самые разные люди, в том числе тысячи и тысячи истинно верующие, церковнослужители, монахи. Эти люди с самого начала не вызывали доверия новой Советской власти – они практически не поддавались «идейной перековке», кроме того, священнослужители часто имели высокий авторитет в обществе и были серьёзными оппонентами представителям новой власти в том, что называется общественным настроением.

Вот и в Невьянске, как установили историки Екатеринбургской епархии, 16 августа 1918 года в Спасо-Преображенском соборе вместе с тремя прихожанами был убит диакон отец Вячеслав Луканин (канонизирован в лике новомучеников). 26 августа 1918 года в собственном доме был расстрелян священник Иовлев Пётр Иванович, предположительно за участие в невяньском июньском восстании против Советов в 1918 году. 2 декабря 1920 года, уже после окончательного установления в Невьянске власти большевиков, был приговорён к расстрелу священник Прокопиевской церкви села Федьковка Вишневский Иван Всеволодович. Вот так начинались взаимоотношения Советской власти со священнослужителями в Невьянске.

С начала 1920-х годов в городе планомерно шли классовые чистки против «бывших», в том числе и духовенства. Этим людей лишали избирательных прав, превращая их в новую категорию советских граждан - лишенцев. В «Списке лиц, лишённых избирательных прав по всем округам...12 августа – 3 октября 1925 года» перечислены более чем двести жителей Невьянска, в т.ч. и священники: Андрей Попков, Максим Баглаев, Павел Ломаков, Евгений Дюков, Константин Осокин, Василий Киселёв, Иван Посыпкин, Н.Н. Яблонских, А.А. Бирюков, С. Орлов, М.В. Абрамов, К.С. Овчинников (1).

Список этот отражает состояние дел лишь на короткий период - 1925 год. Наверняка, этот список пополнялся за счёт новых священников-лишенцев, проследить динамику процесса сложно из-за малодоступности, подчас и просто отсутствия источников.

В 1931 году арестовали на четыре месяца настоятеля Спасо-Преображенского собора и благочинного церковей Невьянского округа Ивана Федоровича Покровского.

В феврале 1933 года в Невьянском районе была «раскрыта» группа «Истинно-православных христиан» численностью в 48 человек, проживавших в Невьянском районе в Федьковке, Обжорино, Таватуге. Следствие напрямую увязало деятельность ИПХ с вредительством в новоорганизованных колхозах. Общину квалифицировали как «контрреволюционную нелегальную организацию» с чётко определённой структурой правления, со своими материальными средствами, подпольной типографией в деревне Федьковка, литературой и т.д. (2). В действительности эта христианская секта выступала противником государственного атеизма, и советское правосудие не могло не представить её как контрреволюционную. На следствии руководитель ИПХС Урала и Сибири Семёнов Евдоким Семёнович определил позицию сектантов так: «Советскую власть мы, истинно православные христиане, рассматриваем как власть антихриста. Наше учение запрещает нам брать на руки документы, вступать в колхоз и прочие организации. Необходимо проживать без документов, не вступать в Красную Армию, дезертировать из РККА...» (3). Следствие установило, что члены ИПХС делились на две части. Находящиеся на легальном положении - ходили на работу, имели документы, укрывали нелегалов-странников, обеспечивая им жильё, хлеб, книги, транспорт, связь. Находящиеся же на нелегальном положении - ночевали в сараях, на покосах, в банях, молились и проповедовали непримиримость к Советской власти. В невянскую общину ИПХС входили мужчины и женщины в возрасте от 20 до 66 лет, вот их имена и фамилии: Кожевников Василий Иванович (1892 г.р.), Коновалов Григорий Павлович (1885 г.р.), Масленников Лука Васильевич (1853 г.р.), Саканцев Евстропий Севастьянович (1870 г.р.), Трифонова Ольга Васильевна (1893 г.р.), Трифонов Павел Владимирович (1911 г.р.), Черных Степан Николаевич (1867 г.р.), Шишкин Анисифор Клементьевич (1881 г.р.), Швецова Екатерина Никитична (1864 г.р.), Шибakov Николай Александрович (1865 г.р.), Шибакoва Мария Андреевна (1866 г.р.), Рязанов Александр

Дмитриевич (1896 г.р.), Рязанов Дмитрий Михайлович (1869 г.р.), Рязанов Леонид Васильевич (1912 г.р.), Рязанов Петр Дмитриевич (1895 г.р.), Рязанов Федор Егорович (1855 г.р.), Рязанова Александра Ивановна (1896 г.р.), Рязанова Анна Васильевна (1904 г.р.), Рязанова Васса Ивановна (1899 г.р.), Рязанова Мария Павловна (1910 г.р.), Рякшина Екатерина Васильевна (1883 г.р.), Зелютин Иван Яковлевич (1906 г.р.), Дарьинцев Семен Семенович (1897 г.р.), Углова Александра (Анна) Ульяновна (1870 г.р.), Трифонов Владимир Дмитриевич (1882 г.р.), Федоров Яков Кондратьевич (1876 г.р.), Бурдин Петр Федорович (1873 г.р.), Бурдин Василий Петрович (1891 г.р.), Бородина Наталья Васильевна (1883 г.р.), Балчугова Федосья Ивановна (1863 г.р.), Петунина Федосья Ивановна (1865 г.р.), Кабаков Николай Кузьмич (1867 г.р.), Багданова Агния Васильевна (1906 г.р.), Симбирцев Василий Михайлович (1878 г.р.), Симбирцев Николай Иванович (1898 г.р.), Симбирцев Николай Михайлович (1863 г.р.), Симбирцев Павел Васильевич (1913 г.р.), Симбирцева Анфиса Федоровна (1869 г.р.), Симбирцева Елизавета Федоровна (1869 г.р.), Симбирцева Лидия Михайловна (1901г.р.), Пепеляев Николай Васильевич (1903 г.р.), Пилецких Мария Васильевна (1898 г.р.), Богданов Дмитрий Семенович (1876 г.р.), Богданов Александр Дмитриевич (1898 г.р.), Орлов Андрей Васильевич (1867 г.р.), Коновалов Иван Павлович (1887 г.р.), Коновалова Анна Николаевна (1887 г.р.), Кремлева Александра Григорьевна (1867 г.р.).

7 апреля 1933 года Тройкой при ОГПУ по Уралу «за нелегальную контрреволюционную деятельность и вредительскую деятельность в колхозе» все 48 человек были осуждены по ст.58\11 УК на 5 лет ссылки вместе с семьями в Коми-Пермяцкий округ. Реабилитированы они были только 16 января 1989 года Указом Президиума Верховного Совета СССР.

В 1935 году в Невьянском районе был закрыт нелегальный Введенский монастырь в деревне Сербишино. Это был последний монастырь на Урале. Его священника Ивана Георгиевича Вяткина (иеромонах Иоиль) 3 ноября 1936 года приговорили к 5-ти годам лагерей, сроки заключения получили и несколько человек из монастырских служителей.

С середины 1930-х годов маховик репрессий усиливается, увеличивается количество осужденных, ужесточаются наказания. Вот и в Невьянске органы НКВД в середине 1930-х годов сфабриковали дело церковников-контрреволюционеров, «членами» её оказались

самые мирные люди, не приемлющие никакого насилия – священники, дьяконы, псаломщики, церковные певчие, сторожа, члены церковных советов, прихожане Невьянских храмов. Следствие «выяснило», что в 1935-1936 годах «...группа церковников служителей культа Субботин, Финодеев, Овчинников и Хлопотов Павел Кирьянович вели организованную контрреволюционную деятельность, проводили контрреволюционные сборища в церкви и на квартирах, занимались к/р пропагандой и распространяли провокационные слухи: о наступлении войны, неизбежности падения Советской власти... призывали к организованной борьбе церкви с Советской властью в момент (будущей) войны... Контрреволюционная деятельность каждого обвиняемого доказана достаточно...» (4). По результатам следствия Специальной коллегией Свердловского облсуда от 9.04.1937 года были осуждены на следующие сроки заключения: Х.А. Субботин – к 7 годам, по ст.58/10-1; П.Г. Финодеев – к 7 годам по ст.58/10-1; Г.Т. Овчинников – к 5 годам по ст.58/10-1; П.К. Хлопотов – к 4 годам по ст.58/10-1. Для 1937 года приговор очень мягкий. Кто были эти люди? Вот что удалось выяснить.

Харитон Авдеевич Субботин – настоятель Свято-Троицкой единоверческой церкви. Родился в 1861 году в Черноисточинском заводе в крестьянской семье. Малограмотный, беспартийный, на протяжении 25 лет – псаломщик, с 1923 – священник единоверческой церкви. В 1932 году задерживался на 20 дней органами ОГПУ за произнесённую в церкви проповедь «контрреволюционного содержания». Имел дочь Марию Еркину 50 лет, а сын Семён за службу в Белой армии был расстрелян ещё в 1918 году. Обвиняли отца Харитона, помимо «политических преступлений», и в том, что будто бы разрешал в церкви торговлю поддержанными обувью, одеждой, продуктами, среди которых, по мнению следствия, возможно, было и краденое. На следствии Харитон Авдеевич признал: «...я как настоятель церкви допустил...спекуляцию и притон бродящего элемента и был случай, что сам купил в церкви у одного мужчины ложки...» Если вспомнить, что рядом с храмом располагалась тогда базарная площадь, то эти факты не удивляют. Есть в деле и материалы доноса на Субботина: будто бы однажды в разговорах со своей дочерью Марией, расхваливающей жизнь при существующем строе, Субботин предрекал, «что Советская власть просуществует недолго», ещё он «вёл контрреволюционные по

содержанию беседы с хозяйкой квартиры Сивковой о несостоятельности колхозов...высмеивал стахановское движение и стахановцев...осмеял живущего (с ним) в одной квартире рабочего стахановца Черепанова...». Первоначально отец Харитон привлекался к делу как свидетель, но уже с 14 февраля 1937 года как обвиняемый. Срок ему (7 лет ИТЛ) исчисляли с момента первого задержания по делу – с 27 апреля 1936 года. Пережил ли немолодой священник заключение и как сложилась его судьба после заключения неизвестно.

Пётр Гаврилович Финодеев – псаломщик Свято-Троицкой единоверческой церкви.

Родился 8 января 1866 года в селе Балакино Нижнетагильского района в семье крестьян-середняков. Малограмотный. Сельский староста. Жена – Александра Ларионовна, 1868 г/р. Два сына служили у белых - Павел был расстрелян красными, а Николай отступал в составе Белой армии до Владивостока, домой вернулся в 1923 году. П.Г. Финодеев с 1924 года был лишён избирательных прав. В 1930 году находился под арестом, в следующем году был раскулачен и выслан на трудпоселение. В 1935 году был подвергнут штрафу в 100 рублей, как сказано в деле - за спекуляции. Третий сын Сергей (1902г/р) продолжал оставаться на трудпоселении. Одно из преступных деяний Петра Финодеева заключалось в том что, как признал сам обвиняемый на следствии, однажды, когда проходила перерегистрация–обмер лошадей, он сказал: «... дожили при Советской власти до того, что лошади стали как скелеты, а разве раньше в старое время когда мы не были раскулачены такими были лошади...» Тем самым, по мнению следствия, он высмеивал колхозы и Советскую власть, т.е. совершал преступление по статье 58 УК, за что и получил срок - 7 лет ИТЛ.

Гавриил Трифионович Овчинников – на момент ареста - сторож станции Невьянск.

Родился 13 июля 1878 года в селе Южаково Нижнетагильского района в семье крестьянина-середняка, имевшего дом, двух лошадей, двух коров, пашни 4 десятины, сенокоса 4 десятины. Гавриил Овчинников до революции сам имел 5 лошадей, 4 коровы, пашни 8 десятин. После революции зачислен в категорию «кулак-твердозаданец», лошадь, корова и дом были конфискованы (дом передан в колхоз). В Южаково был церковным старостой. В

Невьянске проживал на улице Привокзальной, 2-9, жена его работала уборщицей на станции Невьянск.

Павел Кириянович Хлопотов – сторож-трапезник единоверческой Свято-Троицкой церкви города Невьянска.

Родился 7 декабря 1904 года. Русский. В Невьянске проживал на ул. Пролетарской, 18. Образование – 2 класса сельской школы. Бывший монах, с 1921 года трапезник. С 1923 года – на воспитании у Харитона Авдеевича Субботина (тот объяснял следователю: «как за сына, а он меня за отца»). Вот такие совершенно типичные для уральского рабочего городка незатейливые судьбы людей, имевших несчастье жить в эпоху перемен.

Проверка архивно-следственного дела 1 февраля 1993 года показала, что в действиях обвиняемых состава преступления не было, и спустя десятилетия они были реабилитированы.

В 1937 году в Кировоградском районе, куда в то время входил Невьянск, следственные органы «разоблачили» ещё одну контрреволюционную фашистскую повстанческую организацию церковников (5), якобы созданную в 1936 году настоятелями Александро-Невской церкви (в с. Шурала под Невьянском) Хлопотовым и невьянской Вознесенской церкви Лобановым по заданию свердловского епископа Петра. Лучше всего о характере «дела» говорят его материалы. Так сам владыка (*Пётр Савельев, 1887 г/р, имел высшее духовное образование, епископ Тихоновской ориентации*) на допросе 20 августа 1937 года показал: «В начале 1936 года после ареста Макария Звездова и Глеба Покровского я...стал руководящим лицом Тихоновской епархии свердловской области...я развернул вербовку в состав повстанческой организации...После приезда в марте 1936 года от Сергия Старгородского мне удалось вовлечь в состав фашистской организации более 20 священников...» Будто бы эта «...организация, ставила своей целью свержение советской власти и восстановление капиталистического строя в России...Практическая...деятельность (невьянской организации) заключалась в следующем: проводилась вербовка новых членов, создавались повстанческие группы в других поселках, и осуществлялось руководство деятельностью согласно установок уральского областного повстанческого центра... Лобановым и др. созданы контрреволюционные фашистские группы в г. Невьянске, с. Шурала, п.п. В-Нейвинске и Лёвиха с вовлечением в их члены 29 членов участников...в целях подготовки населения к открытому

вооруженному восстанию против Советской власти...велась пропаганда клеветнического и пораженческого характера. Проводились специальные нелегальные собрания, беседы с проработкой к/р (контрреволюционной) монархической литературы и читались контрреволюционные проповеди в церкви...хранилась в церкви и распространялась среди населения литература контрреволюционного монархического содержания». В деле имеется список этой литературы, в нём по большей части перечислены православные периодические журналы и сборники дореволюционного издания, год выпуска от 1843 по 1915 годы. Всего изъяли 646 экземпляров указанной литературы. Также «добросовестное» следствие «установило», что «проводилась подготовка к...предстоящей избирательной компании...намечались кандидатуры в местные органы Советской власти от церковных общин...

члены...организации Кичигин и Коровин проводили по заданию епископа Петра Савельева сбор сведений шпионского характера и доставку их от Савельева агенту одного из иностранных государств Лебедеву Александру Васильевичу (*заведующему канцелярией патриархата*)). Как следует из дела: «Осужденные Иванов и Коровин во всех своих показаниях категорически отрицали своё участие в контрреволюционной деятельности. Остальные осужденные вину свою признавали...». Всего по делу обвинялись восемь человек: Григорий Иванович Лобанов (*благочинный, настоятель Вознесенской церкви города Невьянска*), Михаил Филимонович Хлопотов (*священник Шуралинской Александро-Невской церкви*), Василий Степанович Просвиряков (*председатель церковного совета Шуралинской Александро-Невской церкви*), Константин Павлович Кичигин (*член церковной ревизионной комиссии при Александро-Невской церкви*), Мария Федоровна Кириллова (*певчая Александро-Невской церкви*), Татьяна Фёдоровна Щелконогова (*монашка, псаломщик Александро-Невской церкви*), Николай Иванович Иванов (*дьякон Вознесенской церкви города Невьянска*), Леонид Михайлович Коровин (*священник Вознесенской церкви города Невьянска*). - Вот они «враги Советской власти», создавшие такую «мощную контрреволюционную организацию» в Невьянске, странно, что им не удалось свергнуть Советскую власть. К слову сказать, ни у одного из членов страшной мятежной организации не нашли даже оружия. Следствие было проведено стремительно, никто, конечно, и не

старался установить истину, обвинение основывалось не на действительных фактах, а на самоговоре подследственных под давлением следователя. По Постановлению Тройки УНКВД по Свердловской области от 25 сентября 1937 года «за участие в религиозной фашистско-повстанческой контрреволюционной организации, по заданию которой вели антисоветскую пропаганду» все были приговорены к расстрелу, 29 сентября 1937 года в 24 часа все обвиняемые были расстреляны. Вот что мы знаем о них.

Григорий Иванович Лобанов - протоиерей Вознесенской церкви города Невьянска и благочинный Невьянского округа. Родился в деревне Серебрянка под Кушовой в 1881 году. Родители были крестьянами среднего достатка (имели дом, лошадь, корову, пахотной земли 4 га, красильную мастерскую) и сумели дать педагогическое образование сыну. В 1909 году стал священником. Жена - учительница. В 1919 году отец Григорий эвакуировался с колчаковскими войсками в Омск, а затем в Китай – в русско-китайский город Харбин, куда добирался 2 месяца. Здесь он надеялся на помощь родственницы по материнской линии Домны, однако, напрасно, она уже умерла. Три года проживал у квартирных хозяев тётки – Владимира и Нины Рыковых. Служил в швейной мастерской по пошиву церковной одежды, около года трудился по профессии – учителем начальной школы, позже служил в Никольской церкви Харбина. Семья продолжала оставаться в России и в 1922 году при помощи Рыкова смог отец Григорий в качестве проводника на продовольственном поезде № 3 выехать на родину за семьёй, Лобанов мог вернуться в Китай уже вместе с семейством, но такой возможностью он почему-то не воспользовался, а остался в Свердловске. Во время следствия в 1937 году факт проживания в Китае стал основанием для обвинения в связях с японской тайной полицией и китайской полицией. После возвращения отец Григорий служил священником в разных церквях г. Свердловска, с 1927 года – в Надеждинске, в 1927-29 гг. - в Билимбае, Первоуральске, в 1930-31 гг. на Михайловском заводе, где был осужден к 1 году ИТЛ, который заменили высылкой до 1933 года в Гаринский район, где ему, чтобы выжить, приходилось опять заниматься шитьём верхнего платья. С апреля 1933 по февраль 1934 года проживал в нижнесалдинском селе Северное, после в Ялutorовске 3 месяца. В 1934 году отец Григорий исполнял временно обязанности личного секретаря (на время болезни постоянного секретаря Павла Федорина) у епископа Макария

Звездава. С июня этого года связал свою жизнь отец Григорий с Невьянском, начав службу в Вознесенской церкви на кладбище. Семья продолжала оставаться в Свердловске, где жена (Гребнева Мария Александровна, 1892 г/р) и старшая дочь Вера (23 лет) работали учителями, а дочери Магдалина (19 лет), Надежда (13 лет) и сын Иван 17 лет учились. В Невьянске он проживал в доме № 44 по улице Коськович в Невьянске. При аресте у отца Григория были изъяты книги на славянском языке, учебник английского языка, два штампа и печать благочинного, список верующих, половина цейсовского бинокля, а также рюмка, ложечка, ящичек, футляр, ручной крест из серебра. Всё это, по мнению сотрудников НКВД, могло свидетельствовать о преступной деятельности священника.

Леонид Михайлович Коровин – протоиерей Вознесенской церкви г. Невьянска.

Родился в Верхотурье 2 апреля 1889 года в семье священника. В 1910 году окончил Духовную семинарию в городе Пермь. В 1911 году принял сан. Проживая в Надеждинском заводе, наряду со службой отец Леонид преподавал Закон Божий. После революции Коровин несколько раз находился под стражей: в Верхотурье в 1923 году, в Надеждинске в 1926 году. В 1928 году о. Леонид (проживал в Надеждинске на улице Некрасова, 11) был впервые осуждён по доносу «гражданина завода Надеждинска Мелькова». Признаки преступления в действиях Коровина усмотрели в том, что благочинный и «...настоятель Спасо-Преображенского собора г. Надеждинска протоиерей Леонид Коровин 10 октября 1928г. во время заседания церковного совета вёл среди присутствующих членов агитацию за оказание материальной помощи священникам, сидящим в тюрьмах, говоря, что сейчас везде и всюду идут аресты священнослужителей и нет никакой гарантии за то, что сегодня или завтра арестуют и нас...» (6). Тем самым, по мнению следствия (оно началось уже 18 октября), Коровин «...используя религиозные предрассудки массы, старался подорвать авторитет Советской власти, т.е. совершил преступления...» по статье 58/10-11. Из показаний самого отца Леонида: «...в соборе стоят две кружки: одна в пользу заключённых, другая в пользу бедных. Из кружки в пользу заключённых церковный староста периодически вынимает деньги, закупает на них продуктов и относит заключённым...при Надеждинской адмчасти. Арестованным священникам из этой кружки помощь никому не оказывал...».

С 22 октября отец Леонид находился в Тагильском исправтруддome, дело его было направлено в Коллегию ОГПУ на предмет внесудебного рассмотрения. И 18 января Особое совещание при Коллегии ОГПУ приняло решение: «...Коровина Л.М. выслать на Урал, сроком на три года, считая срок с 22.10.1928 года...», по отбытии срока наказания лишить права проживания в 12 пунктах Уральской области с прикреплением к определённому местожительству сроком на 3 года. Отбывал срок о. Леонид в Тюменском округе.

6 августа 1937 года, уже проживая в Невьянске на улице Горно-Валовой, 29, о. Леонид был вновь арестован как участник «контрреволюционной фашистско-повстанческой организации церковников». Так как Коровин сразу же отверг все обвинения следствия в участии в деятельности контрреволюционной организации, следователь предъявил ему обвинение в «собственных о. Леониды преступлениях». На что Коровин ответил: «...Предъявленную мне изъятую у меня при обыске тетрадь моей рукописи я опознаю...её содержание собственноручно мною писаное является контрреволюционным, направленное своим существом против построения социализма и коммунизма, а также дискредитирует вождей ВКП (б) и советское правительство...». Вторым преступлением Коровина стала его связь с высланным епископом Макарием Звездовым, которому о. Леонид помогал в ссылке «...что безусловно является с моей стороны также контрреволюционной деятельностью...»(!). Признал за преступление Коровин проживание в церкви «и на квартирах коллектива нашего духовенства разного монашествующего и церковного элемента до 12 человек...в числе их лично у меня на квартире проживал 3 месяца один бывший священник по фамилии Бузунов я его приютил как странника не имеющего ни родных, ни дома, а также и работы...». А ещё «...наличие изъятых у меня 115 книг дореволюционного издательства я признаю». Как и все фигуранты дела Коровин Л.М. был расстрелян, у него осталась семья: жена – Анна Даниловна 44 лет, дочери – Вера 21 года и Ольга 9 лет.

Николай Иванович Иванов – дьякон Вознесенской церкви.

Родился 28 апреля 1906 года в г. Пскове, где закончил 3 класса начальной школы в семье торговца кондитерскими изделиями собственного производства. С 1928 года – служитель культа. В Невьянске, перед арестом, проживал на улице Крупской, 6. Арестовывался он неоднократно: в 1927 году в городе Осташков, в

1930 году в Муроме, когда был осужден на 3 года ссылки по ст.58/10-11. Наказание отбыл полностью. К моменту ареста имел семью: жену - Екатерину Попову, 30 лет, сыновей – Геннадия, 8 лет, и Арсений, 3 лет. При аресте 5 августа 1937 года у дьякона было изъято много предметов архиерейского облачения, религиозной литературы, а также печати, кресты, сберегательная книжка на имя Макария Звездова на сумму 800 рублей, блокноты, библия, фотографии, деньги – 800 рублей, письма, квитанции перевода и посылок, рукописи, паспорт, военный билет и т.д. Из показаний Иванова стало ясно, что в основном это принадлежало Макарию Звездову. Николай Иванович служил у него и, как сказано в деле, «вместе проживал 11 лет», поддерживал с ним связь до самого ареста, оказывал ему помощь, с разрешения епископа Петра Савельева даже навестил Макария в ссылке. Вместе со Звездовым и Лобановым (тогда секретарём Макария) в 1936 году совершил поездку по Уралу – в Н.-Тагил, Невьянск, Златоуст, Туринский рудник, Большой Исток, Надеждинск и др. (Это позже стало поводом для обвинения в сборе шпионских сведений) Преступлением Иванова стал и такой факт: в его семье жила подруга жены – Галина Михайловна Сутоцкая, жена священника же, который был осужден на 10 лет. Эта женщина имела переписку с дядей, проживавшим в Прибалтике, от него она получала деньги, посылки, поддерживала связь, следовательно, «собирала и отправляла шпионские сведения». Бывая в доме церковного старосты Ивана Ивановича Ведунова («два его сына были участники контрреволюционного Невьянского эсеровского восстания за что оба являются расстрелянными...»), где собирались на именины хозяина благочинный Лобанов, священник Коровин, псаломщик Григорий Пономарёв, тем самым Иванов присутствовал на «нелегальных сборищах». Кроме того, Иванов устраивал «...приют-притон в церкви и по квартирам бродячего монашествоующего и другого элемента, не занимающихся общественно-полезным трудом и не имеющих постоянного местожительства...». Вот так обычные факты милосердия к которым всегда особенно расположены священнослужители становились преступлениями.

Повторное следствие 1950-х годов показало, что дело от начала до конца было сфальсифицировано, а признательные показания получены под давлением. Тамакулов Александр Александрович, на чьих показаниях основывалось обвинение 1937 года, в 1954 году

показал, «...что его показания относительно контрреволюционной деятельности Хлопотова и других сфальсифицированы, а сам он подвергался избиениям и суточному допросу». *На момент ареста в 1937 году ему было всего 19 лет, по второму делу о «церковной контрреволюционной фашистско-повстанческой организации» в том же 1937 году, где Тамакулов проходил уже как обвиняемый, он получил срок 10 лет, отбыл его; в 1949 году вторично был арестован и сослан на поселение.* На повторном следствии 1950-х гг. были допрошены и работники НКВД Казанцев и Сапожников, проводившие расследование 1937-го года, «на допросе в 1954 году по существу они признали, что следствие вели тенденциозно, что им вообще не известно существовала ли в действительности фашистско-повстанческая контрреволюционная организация на Урале...»(!) По Постановлению Президиума Свердловского областного суда от 13.12.1956 года обвинительный приговор был отменён, а дело в отношении всех прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления. Однако, это произойдёт значительно позже, а тогда 9 сентября 1937 году помощник оперуполномоченного постановил: «...рассмотрев следственное дело нашёл: что...помимо привлечённых 8 человек...в организацию входили и вели активную контрреволюционную деятельность и другие лица...материал обвинения в отношении 20 человек выделить в особое следственное производство на предмет ареста и привлечения к уголовной ответственности и дело принять к своему производству». Началось новое «следствие», фигурантами второго дела (7) стали:

1. Тамакулов Александр Александрович (1917 г/р, уроженец с. Шурала, из семьи крестьянина, русский, б/п, образование б-кл. неполной средней школы, проживал в с. Шурала на ул. Первомайской, 20, певчий церковного хора),
2. Горбунов Иван Степанович (1892 г/р, уроженец Старо-Уткинского завода Шалинского р-на Свердловской области, с 1925 года – псаломщик Верхневинской церкви, с образованием в 3 кл. начальной школы),
3. Пономарёв Григорий Александрович (1914 г/р, уроженец г. Шадринска Челябинской области, сын священнослужителя, дьякон Вознесенской церкви г. Невьянска, образование домашнее),
4. Кулаков Иван Григорьевич (1914 г/р, уроженец Добрянского с/с, Тугулымского р-на Челябинской области, из крестьян-

- средняков, грамотный, псаломщик, одинокий, малограмотный, подрабатывал кучером невьянской аптеки),*
5. Кириллов Николай Трофимович (1903 г/р, уроженец с.Шурала, из крестьян, русский, грамотный, б/п, осужден в 1925 году к 2-м годам ИТЛ за «хулиганку», проживал в с.Шурала, верующий, инструктор завода №68),
 6. Морозов Иван Николаевич (1884 г/р, уроженец с.Шурала, из рабочих, член церковного совета, рабочий-забойщик «Уралзолото»),
 7. Мохов Николай Михайлович (1898 г/р, уроженец с. Быньги, из кустарей, грамотный – 2 кл. сельской школы, б/п, по 23 августа 1918 года служил в Белой армии, член церковного совета, проживал в с. Шурала, работник с/х комбината завода №68),
 8. Бревенников Иван Степанович (родился 23 июня 1874 года, уроженец с. Колчедан, Каменского района Челябинской области, закончил городское училище, с 1899 года священник в Верхнем Тагиле; отец имел 10 лошадей, 3 коровы, землю, дом, отступал с белыми из Шадринска до Новосибирска),
 9. Комаров Абрам Филиппович (родился 10 ноября 1876 года, уроженец с.Комарово Махнёвского района, грамотный – городское училище, русский, псаломщик Верхнетагильской церкви),
 10. Заев Прокопий Семёнович (родился 11 июля 1899 году, уроженец с. Быньги, русский, грамотный, с 1921 по 1929 гг. был лишён избирательных прав, проживал в Нейво-Рудянке, с 1934 года работал на Нейворудянском лесохимическом заводе плавильщиком),
 11. Арапов Тимофей Андреевич (родился 21 февраля 1874 года, уроженец с. Шурала, русский, грамотный, б/п, из крестьян, член церковного совета, проживал в с.Шурала, работал плотником на Кировградской подстанции).

В ходе несправедного «следствия» виновными себя признали все, за исключением Арапова и Мохова («вину» признали частично). Формулировка обвинения такая же, как и в предыдущем деле, единственное дополнение, что, якобы, «в контрреволюционную фашистско-повстанческую организацию церковников, существовавшую в Кировградском районе, входил ряд контрреволюционных повстанческих групп». Такая форма обвинения давала возможность увеличивать и число обвиняемых, и количество

новых следственных дел. Большая часть обвинённых по делу были расстреляны, остальные получили немалые сроки заключения.

Вот таковы лишь некоторые факты истории репрессий в Невьянске, своего рода эпизоды войны тоталитарного государства против глубоко религиозных людей, неписавшихся в «прокрустово ложе» новой атеистической идеологии. Исследование по теме ещё не закончено, и мы всё ещё в долгу перед поколениями, на долю которых выпало столько испытаний, наша задача установить имена и фамилии всех, несправедливо наказанных и казнённых за веру, за убеждения.

Примечания:

1. ГАСО. Ф.Р. - 88, оп. 9, д. 33, т. 1, л. 222 - 225.
2. ГААОСО. Ф. 1, оп. 2, д. 30814, 40156.
3. Кириллов В.М. «Жертвы репрессий. Нижний Тагил. 1920-80-е годы». Екатеринбург, 1999. С. 142.
4. ГААОСО. Ф. 1, оп. 2, д. 47826.
5. Там же. Д. 20939.
6. Там же. Д. 24645.
7. Там же. Д. 13027.

Гунгер Юрий Владимирович

Богословское пароходство

В 1885 году была построена железная дорога Екатеринбург – Тюмень, ставшая продолжением Уральской горнозаводской (Пермь – Екатеринбург) дороги. Это подтолкнуло главноуправляющего Богословского горного округа Александра Андреевича Ауэрбаха выдвинуть идею постройки в Богословском горном округе чугуноплавильного и сталелитейного завода и соединении его узкоколейкой с вышеназванной железной дорогой или рекой Камой. Уже весной 1885 года «было приступлено к производству изысканий железнодорожной линии от Богословска на Березники, конечный пункт на Каме Луньевской ветви Уральской железной дороги». По результатам изысканий «оказалось возможным перейти Урал без особых затруднений и дорого стоящих работ, при длине линии в 240 верст». Постройка дороги не состоялась, т.к. некоторые владельцы земель, «по коим дорога должна была проходить», «поставили такие условия отчуждения, какия принять было невозможно». Пришлось

ограничиться выходом Богословского округа к реке Сосьве, продлив построенную в 1883 году узкоколейную железную дорогу Богословский медеплавильный завод (ныне г. Карпинск) – Турьинские рудники (ныне г. Красноурьинск) до Филькинской пристани (ныне г. Серов) на реке Сосьве. Уже в 1886 году ветка была построена (1). Вся дорога получила название Богословско-Сосьвинской. Очередь была за освоением водного пути.

Еще в 1850-х годах сибирские реки активно осваивались пароходчиками. Один из пионеров этого вида транспорта – тюменский купец Наум Тюфин – в 1857 году по Тоболу, Тавде и Сосьве (также и по Лозье) доставил 10 тысяч пудов муки из «хлебных» уездов Тобольской губернии на пристани Всеволожских. Уже через год Тюфин с другим тюменским купцом Иваном Решетниковым имел 10-летнюю «привилегию на организацию пароходства по р. Тавде, Сосьве и Лозье с тем, чтобы закупаемый в Ишимском и Тарском уездах хлеб сплавлять на барках до Тобольска, а оттуда буксировать пароходами по вышеуказанным рекам до казенных Богословских заводов и частных Всеволожских». Компаньоны собирались конкурировать с «зимним подвозом хлеба из селений Верхотурского, Ирбитского и Туринского округов в эту потреблявшую ежегодно до 500 тыс. пуд. хлеба горнозаводскую местность», несмотря на «предстоящие немаловажные издержки» (2). Как пошли купеческие дела в дальнейшем – неизвестно. А тогда, в 1886 году, пришлось начинать сначала.

А.А. Ауэрбах свидетельствует: «Хотя и раньше бывали примеры доставки хлеба пароходами до Филькина, но так как эти пароходы рисковали ходить туда лишь во время половодья, то существовало мнение, что по Сосьве судоходство невозможно в течение всего лета. Чтобы убедиться насколько это мнение справедливо, мы решились совместно с сибирскими пароходчиками П.П. Ширковым и И.И. Игнатовым произвести исследование рек Сосьвы и Тавды, каковые работы были поручены горному инженеру Л.И. Подгаецкому и были начаты весной 1886 года и окончены осенью 1887 года» (3). Добавим, что Ширковы – известные в Сибири тобольские купцы. Иван Иванович Игнатов – легендарный тюменский купец, судостроитель, пароходовладелец и благотворитель; дядя М.М. Пришвина (мать писателя – Мария Ивановна Игнатова); у него на квартире в 1876 году останавливались немецкие ученые-биологи Альфред Брем, Отто Финш и граф Карл фон Вальдбург-Цейль; с ним не преминул

встретиться и флотоводец С.О. Макаров, посетивший Тюмень в 1897 году.

Анонимный корреспондент «Екатеринбургской недели» в статье «Северная экспедиция 1887 года» писал: «...мы поймем, насколько важны эти исследования, так как с введением на этой реке судоходства, которое г. Подгаецкий считает возможным, и с проведением через Северный Урал Богословской жел. дороги, Кама и Волга будут соединены с Обью, – Европейская Россия с Сибирью. Этот новый транзитный путь, несмотря на то, что длиннее пути через Пермь, Тюмень и Тобольск на 500 верст, будет все же выгоднее последнего, так как большая часть его состоит из рек и только 280 в. приходится на железную дорогу, отчего стоимость перевозки по нему грузов будет значительно дешевле» (4).

И снова А.А. Ауэрбах: «Результаты этих работ оказались самые утешительные, то есть показали, что пароходное сообщение по Сосьве вполне возможно в течение всей навигации». Отныне Богословский горный округ получил возможность отправлять свою продукцию как в Сибирь, так и «в Тюмень, а оттуда по железной дороге в Пермь. Хотя этот последний путь несравненно длиннее, чем гужом до Кушвы, но благодаря дешевизне водяных сообщений он не многим дороже и притом ставит... вне зависимости от состояния грунтовых дорог» (5).

В январе 1890 года А.А. Ауэрбах и И.И. Игнатов снова предлагали владельцу округа Александру Александровичу Половцову, государственному секретарю и сенатору, продлить Богословско-Сосьвинскую железную дорогу до Камы, точнее до Чердыни на Колве. И даже по предложению Игнатова компаньоны намеревались организовать проход судов по неиспользовавшемуся с 1818 года Северо-Екатерининскому каналу. С апреля 1890 года дорога называется уже Сосьвинско-Вычегодской (а также Филькино-Керчемской и Богословской) (6). Будущий великий географ и абсолютный мировой лидер по числу названных в его честь географических объектов Ю.М. Шокальский произвел гидрографические исследования и съемки рек Вычегды, Джурич, Южная Кельтма и Северо-Екатерининского канала. Далее, проследовав в Богословский горный округ, Юлий Михайлович произвел рекогносцировку рек Сосьва и Тавда (7). Проект был многообещающим. Кроме сибирских грузов на Архангельск, владельцы железной дороги хоть и на коротком участке (Чердынь – Керчесь) получили бы огромный объем волжских грузов,

перспективы же Игнатова, вообще, можно назвать фантастическими: баснословное увеличение грузооборота по сибирским рекам и никем пока не освоенные северные реки Вычегда и Северная Двина. Дело, упиравшееся, главным образом, в финансы, медленно, но верно двигалось в высоких инстанциях...

Но тут произошло событие, в корне перевернувшее направление сбыта продукции округа: началось строительство Великой Сибирской трансконтинентальной железной дороги. Географическое же положение Богословского горного округа по отношению к другим горным предприятиям Урала было более благоприятно тем, что с реки Сосьвы, служащей его восточной границей и судоходной для определенных судов, открывался водный путь к великой транспортной артерии Западной Сибири – Оби. Отныне для округа наиболее выгодным рынком стала «Сибирь, а не Европейская Россия» (8).

Половцов, используя свои связи, в 1893 году добился правительственного заказа на поставку рельсов для восьмистысячекилометровой дороги. Всего Богословский округ должен был поставить 82000 тонн рельсов (!), в том числе уже в навигацию 1896 года – 8000 тонн (9). Ауэрбах у впадения Каквы в Сосьву спешно строил Надеждинский сталерельсовый завод. У акционерного общества «Коломенский машиностроительный завод» был куплен Сосьвинский чугуноплавильный завод.

Рельсы были произведены в срок, и даже более чем планировалось – 10 тысяч тонн. Такой «кусок» Половцов просто не мог отдать И.И. Игнатову – было образовано собственное Богословское пароходство.

В 1898 году в пароходстве насчитывалось 8 пароходов с осадкой от 11,5 до 30 вершков: «Александр» (45 л.с.), «Барнаулец» (240 л.с.), «Богословец» (120 л.с.), «Добрыня» (640 л.с.), «Заметный» (800 л.с.), «Петр» (135 л.с.), «Походяшин» (180 л.с.) и «Сотрудник» (120 л.с.); 29 барж длиной от 40 до 80 м, с осадкой от 24 до 60 вершков, грузоподъемностью от 20000 до 110000 пудов: «Барнаулка», «Белая», «Бийская», «Вагран», «Волга», «Вторая», «Вычегда», «Вятка», «Жадунка», «Иртыш», «Каква», «Кама», «Каракан», «Колонга», «Лобва», «Ляля», «Надежда», «Обь», «Первая», «Северная Двина», «Сосьва», «Тавда», «Третья», «Тура», «Турья», «Урал», «Чернь», «Четвертая» и «Чулым»; 11 паузков длиной 50 м, с осадкой от 24 до 36 вершков, грузоподъемностью от 22000 до 25000 пудов: «Казанер», «Камешок», «Качканар», «Кваркуш», «Кеть», «Кумба», «Кыртым»,

«Ница», «Пышма», «Тобол» и «Томь»; 8 рудовозок длиной от 45 до 55 м, с осадкой от 34 до 44 вершков, грузоподъемностью от 25000 до 35000 пудов: «Вогул», «Зырянин», «Марсята», «Остяк», «Пермяк», «Самоед», «Черемис» и «Якут» (10).

«В первый рейс, во время половодья», пароходы могли «брать» до 1 млн. пудов грузов, за навигацию («считая 3 рейса») – 6 млн., но «вследствие неимения обратных грузов, задержек в пути полонками или ожиданием грузов» перевозка в обе стороны не превышала 2 млн. пудов. Управление Богословского пароходства пребывало в Тюмени, хотя были предложения перенести его в Сосьвинский Завод или на Филькинскую пристань (11).

В 1894 году в Тюмени открылась первая городская телефонная станция, в числе первых обзавелись телефонами Сибирский торговый банк, судостроительные заводы Гуллета и Игнатова и управление Богословского пароходства (12).

В 1896 – 1900 года управляющим Богословским пароходством был Михаил Петрович Сажин (псевд. Арман Росс), ученик анархиста М.А. Бакунина, участник Парижской коммуны, участник Герцеговинского восстания, осужденный по «Процессу 193-х» к каторжным работам, затем – к ссылке в Култук. В 1882 году в Киренске женился на ссыльнопоселенке Евгении Николаевне Фигнер (13), один из братьев которой – Петр Николаевич Фигнер – был управителем Богословского медеплавильного завода. Возможно, именно родственная связь повлияла на назначение Н.П. Сажина управляющим пароходством.

Интересные свидетельства о Богословском пароходстве остались благодаря уральской экспедиции Д.И. Менделеева 1899 года.

Дмитрий Иванович писал: «...сам я с С.П. Вуколовым намеревался отсюда (из Кушвы – Ю.Г.) отправиться на Богословские заводы, чтобы спуститься потом по Тавде, которую надобно видеть, так как о ее лесах шло много разговоров. Предложение это состоялось, однако, не в полном виде, как сперва было надумано... Из Богословского завода от барона Клодта пришли депеши, извещающие о том, что пароход по Тавде пойдет и нас возьмет. ...Поездка на Благодать опять попортила мое хилое здоровье, и следующий день, когда хотел ехать в Богословск, должен был смиренно лежать в своей каюте вагона. Притом, опять стало холодно, и я решил оставить мысль о личной поездке в Богословский округ и по Тавде, о чем и телеграфировал барону Клодту и С.П. Вуколову, которого просил

проехать по Тавде в Тобольск, куда предположил сам отправиться» (14).

Далее свидетельствует уже Семен Петрович Вуколов: «Для перевозки своих грузов Богословское общество имеет восемь пароходов и значительное число барж и паузков. Пароходы спускаются по Сосьве и Тавде до Тобола, а затем идут или по Иртышу до Семипалатинска, или по Оби до Бийска – двух наиболее хлебных местностей Западной Сибири, частью же заходят по Туре до Тюмени. Главная контора пароходства находится в Тюмени».

«29 июня, поблагодаривши барона Клодта за гостеприимство и за содействие, которое он оказывал нам при осмотре заводов, мы сели на пароход «Петр», который шел с грузом рельс до Тюмени. На пароходе мы встретили самый радушный прием со стороны капитана А.Ф. Польковского, который в течение 6 дней пребывания нашего на пароходе очаровал нас своею любезностью, вниманием и заботливостью. 30 июня мы пришли в Сосьвинский завод, где пароход должен был взять груз. Река Сосьва от Филькинской пристани до завода очень извилиста, и капитану в течение всего перехода нужно быть очень внимательным, чтобы не посадить свою баржу на берег или самому не сесть на мель».

«...Мы в тот же день вечером поплыли дальше. Река Сосьва стала заметно делаться шире; на другой день, 1 июля, около полудня мы дошли до слияния ее с Лозьвой, где начинается река Тавда. Вода Тавды отличается от воды Сосьвы; она бурого цвета, и сама река гораздо шире Сосьвы... Тот дремучий лес, который стеной стоит справа и слева, когда спускаешься по Тавде, есть одна грандиозная декорация. Берега реки мало населены, деревушки лежат в большом расстоянии одна от другой и часто состоят только из нескольких дворов. Население остяцкое и русское, занимается хлебопашеством, охотой и сплавом леса. Дикий, пустынный и суровый край! 5 июля утром мы пришли в Бочалино – пристань на Тавде, которая отстоит от Филькинской пристани на расстоянии 1083 верст (по реке) и от Тобольска в 100 верстах по тракту. Здесь мы распрощались с своим капитаном, унося самые лучшие воспоминания о Богословском крае. В Тобольск мы приехали вечером, и нашли там Д.И. Менделеева, который поджидал нас» (15).

Снова слово Дмитрию Ивановичу: «...Тобол представляет глубокий фарватер, но Тура сейчас так мелководна, что только такой легкий и неглубокий пароход, как наш, идет без остановок, грузовые

же и с баржами часто стоят ночи, чтобы не садиться на мели. Доказательство налицо представил нам пароход Богословского общества, на котором ехали по Тавде С.П. Вуколов и В.В. Мамонтов, потому, что они оставили пароход около устьев Тавды, доехали до Тобольска, пробыли в нем почти целые сутки, и все же мы его обогнали на Туре» (16). Возможно, именно этот «пароход с баржой», т.е. уже упоминавшийся «Петр», запечатлен на одном из снимков иллюстрирующих отчет Д.И. Менделеева (17).

В приложениях к отчету Д.И. Менделеева опубликован обзор «Об экономическом значении реки Тавды, впадающей в реку Тобол», составленный неким И.В. Воробьевым, который в июле 1899 года «имел возможность проехать на пароходе по реке Тавде, на всем ее протяжении, и заполучить интересующие меня сведения, относящиеся как до этой реки, так и до окружающих ее местностей, имеющих то, или иное значение с экономической точки зрения».

Воробьев писал: «Хотя Тавда в общем и представляет из себя довольно удобную и многоводную реку, не требующую пока искусственных улучшений к углублению ее фарватера, тем не менее и к ней Богословским заводоуправлением, пароходы которого только и ходят по этой реке, прилагаются некоторые меры к более беспрепятственному судоходству: так от времени до времени, иногда зимой, а иногда и летом, производится расчистка фарватера от наносного леса, карчей и завалов с берегов. На всем протяжении Тавды, до самого Сосьвинского завода, раз навсегда установленных пристаней, где бы пароходы могли причаливаться, нет, и остановки бывают лишь на местах нагрузки дров».

И еще: «Рейсирующие по Тавде пароходы Богословского округа – разных размеров: некоторые из них только в 45 сил, а другие в 250. Последние в большую воду перевозили за собой груза до 450 тыс. пудов» (18).

Река Сосьва была судоходна только от впадения в нее Каквы, т.к. «по самой Сосьве дрова сплавляются модем к Филькинскому углевыжигательному заведению, где устроена заплавь, поставлены устройства для выгрузки дров из реки, действующие как лошадиной, так и паровой силой», – писал еще один участник экспедиции Д.И. Менделеева – Владимир Викторович Мамонтов. «По реке Турье дрова сплавляются модем до пруда Богословского завода, где устроена заплавь и где собравшиеся дрова нагружаются в барки, в которых за

пароходом и доставляются через Богословский пруд к заводским углевыжигательным печам (5 верст)» (19).

В 1899 году заведующим Филькинской пристанью и Сосьвинским районом пароходства был назначен Иван Прокопьевич Амвросов, бывший до того заведующим Тюменской пристанью (20). В 1903 году на этих постах его сменил капитан парохода «Добрыня» Павел Иванович Веглин (21).

В начале XX века Богословское пароходство стало структурным подразделением образованного в 1896 году Богословского горнозаводского общества, наряду с Богословским горным округом, Богословской железной дорогой, торговыми складами и Судженской концессией.

В отчете «О состоянии Богословского горного округа в 1905 году», хранящемся в Федоровском геологическом музее, можно почерпнуть следующие сведения:

«Богословское Пароходство содержит товарное (и в некоторых случаях пассажирское) сообщение по рекам Сосьве, Тавде, Тоболу, Туре, Иртышу и Оби, между Филькинской пристанью (конечный пункт Богослов.-Сосьвинск. Желез. Дор.), Сосьвинским заводом, Тюменью, Бочалинской пристанью, Семипалатинском, Тобольском, Томском, Бийском и Барнаулом. Весь флот Богословского Общества состоит из 10 пароходов, могущих буксировать 1250000 пуд. (21000 тонн), около 60 баржей, паузков и рудовозок с общей грузоподъемностью свыше 2500000 пуд. (42000 тонн). Рейсировка этих судов ежегодно изменяется в зависимости от конкретных условий судоходства и потребностей транспорта. Главное Управление пароходства находится в Тюмени». Из 7,5 млн. пудов грузов перевозимых пароходством на долю Богословского округа приходилось 7 млн. (22).

К числу вышеперечисленных пароходов добавились «Ольга» и «Эмилия». Интересно было бы связать с Богословским пароходством рейсирующий по Оби пароход «Горный инженер Воронцов» (23), т.к. Владимир Васильевич Воронцов был в 1896-98 годах главноуправляющим Богословским горным округом. Но, очевидно, пароход имел отношение к Камско-Воткинскому горному округу, которым Воронцов управлял в 1902-08 годах.

К 1905 году Богословское горнозаводское общество построило ширококолейную Богословскую железную дорогу, соединившую на станции Гороблагодатская Богословский горный округ с «рельсовой сетью Империи» и резко сократившую объем грузов округа

перевозимых пароходством. С того времени пароходством на нужды округа перевозилась железная руда для Сосьвинского завода, железо Сосьвинского завода на рынки Западной Сибири, рельсы Надеждинского завода для Сибирской железной дороги и «хлебные грузы» из Западно-Сибирских губерний (24).

Но именно это обстоятельство позволило Богословскому пароходству «расширить свои операции по перевозке посторонних грузов, до сих пор являвшихся лишь дополнительными и случайными» и уже в навигацию 1905 года перевезти 1 млн. 200 тыс. пудов «посторонних в крупных партиях грузов», заработав 170 тыс. рублей. В ту же навигацию 1905 года пароходство совершило рейс по Оби в бухту Находка, перевезя в Томск около 125 тыс. пудов грузов, доставленных «туда морским путем из Гамбурга». Что называлось «фактом, открывающим новые горизонты для товарообмена Сибири с Западной Европой» (25).

Для торговли продукцией Богословского горного округа Богословское горнозаводское общество имело «одиннадцать складов железа... – в С. Петербурге, Риге, Тюмени, Новониколаевске, Томске, Омске, Семипалатинске, Бийске, Иркутске, Сосьвинске, кроме того, ...комиссионных представителей в Харбине, в Москве (с районом, обнимающим Нижний Новгород и Приволжский край) и Харьков» (26).

«Главное Управление всей торговой организации для Сибири» находилось также в Тюмени. Торговля шла «весьма удовлетворительно, так что на рынке размещалось обыкновенно все производство заводов Общества, и последнему не приходилось даже во время наибольших застоев в торговле, подобно иным железоделательным предприятиям России, накапливать на своих складах большие запасы изделий» (27). В 1914-17 годах «Новониколаевская транспортная контора Богословского горнозаводского общества и «Товарищество Западно-Сибирского пароходства и торговли» фактически монополизировали перевозки по рекам Западной Сибири» (28).

8 февраля 1918 года вышел в свет декрет Совета народных комиссаров о национализации флота (29), а в марте 3-й Всесибирский съезд водников в Томске тоже запоздало провозгласил: «Долой капиталистов-пароходчиков! Да здравствует пролетарский флот Сибири!». В кратчайшие сроки в собственность Государственного

пароходства («Госпара») были отчуждены 250 пароходов частных пароходных компаний, в т.ч. и Богословского пароходства (30).

Пароходы бывшего Богословского пароходства так или иначе приняли участие в Гражданской войне. 13 июня 1918 года 1-й Омский офицерский отряд штабс-капитана Н.Н. Казагранди, продвигавшийся на пароходе «Семипалатинск» от села Карташево вниз по Иртышу, встретил, «удравший от красных», пароход «Ольга». По свидетельству очевидца, поручика Феофилова: «Большевики открыли по беглецу огонь, убили лоцмана, но парохода остановить все-таки не могли. Прислуга парохода имела испуганный и в то же время радостный вид» (31). Казагранди отправил «Ольгу» с донесением в Омск (32). 27 июня застава того же отряда в селе Бочалино на Тоболе задержала пароход «Походяшин» с двумя баржами груженными железом: «Красных не обнаружено» (33).

9 мая 1919 года главный начальник снабжения Сибирской армии генерал-лейтенант А.П. Будберг, сопровождавший А.В. Колчака в поездке в Екатеринбург, записал в своем дневнике: «День отдыха; адмирала уговорили отдохнуть, и наш поезд передвинули на ближайшую станцию Исеть, где предлагали организовать охоту и рыбную ловлю, но скверная погода нарушила все эти планы... Вечер провел в обществе управляющего пароходством Богословского горного округа Федотова, который познакомил меня с современным положением Урала, дал деловую характеристику наиболее видных уральских деятелей, рассказал про возмутительную деятельность омского военно-промышленного комитета, про мерзости и беззакония, творимые местными агентами министерства продовольствия и снабжения» (34).

Коль скоро он попал в сферу нашего внимания, приведем сведения и о пароходе «Горный инженер Воронцов»: на 1 октября 1919 года в городе Камне (ныне Камень-на-Оби) «Воронцов» выполнял функцию эвакуационного пункта 1-го полка польских стрелков им. Костюшко полковника Болдока (35). (Впоследствии «Горный инженер Воронцов» затонул в Оби около Бердска) (36).

В 1921 году Богословское райметаллправление неоднократно ходатайствовало «о передаче в его ведение находящегося ранее у бывшего Богословского горнозаводского общества водного транспорта с его пароходами, баржами, пристанями, складами и командой», чего, как известно, не случилось (37).

Примечания:

1. Ауэрбах А.А. О постройке в Богословском округе Надеждинского завода. СПб, 1897. С.1-2.
2. Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. // hist.dcn-asu.ru. С.296.
3. Ауэрбах А.А. О развитии горнозаводского дела в Богословском горном округе за последние семь лет, т.е. с 1881 по 1888 год. // Горный журнал. Т.3. СПб, 1888.
4. Северная экспедиция 1887 года // Екатеринбургская неделя. Екатеринбург. №18. 10 мая 1887. С.370.
5. Ауэрбах А.А. Указ. соч.
6. Дзюбинский Л.И. А.А. Ауэрбах. Выдающийся горный инженер России. Серов, 2004. С.168-169.
7. Шокальский Юлий Михайлович // www.booksite.ru
8. Ауэрбах А.А. О постройке в Богословском округе Надеждинского завода. СПб, 1897. С.2.
9. Там же. С.3.
10. Мещерин Н.Ф. Богословский горный округ Богословского горнозаводского акционерного общества. СПб, 1898. С.40-41.
11. Там же. С.42.
12. Тюменские связисты второй профессиональный праздник отмечают скромно // www.tradecable.ru
13. www.biografija.ru
14. Менделеев Д.И. Начало поездки по Уралу // Менделеев Д.И. Сочинения. Т. 12. Работы в области металлургии. Л.-М., 1949. С.551-553.
15. Вуколов С.П. Поездка в Богословский горный округ, по Тавде и на Кутимский завод // Менделеев Д.И. Сочинения. Т. 12. Работы в области металлургии. Л.-М., 1949. С.361-363.
16. Менделеев Д.И. Последняя часть поездки по Уралу // Менделеев Д.И. Сочинения. Т. 12. Работы в области металлургии. Л.-М., 1949. С.582-583.
17. Менделеев Д.И. Поездка в Тобольск // Менделеев Д.И. Сочинения. Т.12. Работы в области металлургии. Л.-М., 1949. С.581.
18. Воробьев И.В. Об экономическом значении реки Тавды, впадающей в реку Тобол // Менделеев Д.И. Сочинения. Т. 12. Работы в области металлургии. Л.-М., 1949. С.648-652.
19. Мамонтов В.В. Материалы для определения значения сплавных рек в деле эксплуатации северных пространств для целей железной промышленности Урала // Менделеев Д.И. Сочинения. Т. 12. Работы в области металлургии. Л.-М., 1949. С.874.
20. Бессонов М.С. Материалы биографического словаря Уральского Севера // Сплетались времена, сплетались страны: Сб. статей Уральского генеалогического общества. Вып.18. Екатеринбург, 2007. С.74.

21. Бессонов М.С. Материалы биографического словаря Уральского Севера // Сплетались времена, сплетались страны: Сб. статей Уральского генеалогического общества. Вып.23. Екатеринбург, 2008. С.60.
22. О состоянии Богословского горного округа в 1905 году. С.28. // Архив Федоровского геологического музея.
23. Исаев В. Многие порывались качать авиатора // www.wap.aviaww.forum24.ru
24. О состоянии Богословского горного округа в 1905 году. С.28-29.
25. Там же. С.29.
26. Там же. С.30.
27. Там же. С.31.
28. Годы Первой мировой войны и Февральской революции // www.nskfoto.h10.ru
29. Соловьёва Ю.А. ОАО «Обь-Иртышское речное пароходство»: Страницы истории // www.oirp.ru
30. Петрушин А. Именем «Госпара» // Родина. №11. М., 2009.
31. Феofilов. Письма с фронта (Омск – Тара – Тобольск – Тюмень) // Сибирский стрелок: Издание 18-го Тобольского Сибирского стрелкового полка. №12. Усолье, 4 марта 1919.
32. Симонов Д. Ишимский полк: Из истории белогвардейских вооруженных сил в Сибири (1918 год) // Коркина слобода. Краеведческий альманах. Выпуск 4. Ишим, 2002. С.48.
33. РГВА. Ф.39636. Оп.1. Д.44. Л.8.
34. Будберг А.П. Дневник белогвардейца. М., 2001. Сс.30-31.
35. www.wap.siberia.forum24.ru
36. Нагаева З.Б., Озерова Е.Ю. История сибирского транспорта: Дайджест краеведческой информации. Томск, 2005.
37. ГАСО. Ф.95-р. Оп.1. Д.984.

Фомичёв Игорь Алексеевич

Православные приходы города Надеждинска

29 января 1885 г. была образована Екатеринбургско-Ирбитская епархия. Территория епархии подразделялась на несколько благочиний, возглавлявшихся благочинным протоиереем. Он осуществлял надзор за состоянием церковных служб, качеством духовных проповедей, настроением прихожан и духовенства. Как правило, благочиния, располагавшиеся в границах уездов, делились на духовные округа. В Верхотурском уезде их насчитывалось пять: Верхотурский, Алапаевский, Нижнетуруинский, Верхнесалдинский и

Богословский. Последний включал в себя территорию Богословского Горного Округа. Благочинный протоиерей, настоятель Максимовской церкви Стефан Попов (отец изобретателя радио А.С.Попова) проживал в селении Турьинские рудники. 29 мая 1894 года он отслужил молебен при закладке Надеждинского сталерельсового завода. С 1896 по 1919 годы благочинным округа был протоиерей Василий Словцов - настоятель Введенского собора Богословского завода.

Необходимость в строительстве церкви в селении Надеждинского завода возникла почти сразу же с появлением посёлка, так как его жители изначально были людьми верующими. До открытия собственного храма все религиозные обряды проводились священниками, приезжавшими из Богословского завода (Карпинск) и Турьинских рудников (Краснотурьинск). По крупным церковным праздникам в Надеждинский завод подавался специальный поезд Богословско-Сосьвинской железной дороги, на котором все желающие могли ехать на церковную службу в Богословский завод (1).

К строительству церкви в поселке приступили только в 1896 году, когда в основном завершилось строительство сталерельсового завода. Работы продолжались два года. Храм строился на средства владелицы Богословского горного округа Н.М. Половцовой. Летом 1898 года благочинный протоиерей Василий Словцов освятил здание нового однопрестольного храма «Во имя всех святых в земле российской просиявших» - Всехсвятской церкви. Надеждинский православный приход вошел в состав Пятого благочиннического округа Верхотурского уезда Екатеринбургской епархии.

Деревянное здание церкви вмещало до 500 человек. Автором проекта был петербургский архитектор В. Н. Пясецкий. Кроме церкви Владимир Николаевич спроектировал для поселка здания гостиницы, начальной школы, больницы, пожарного депо, бани. Некоторые из них мы можем видеть и сегодня. Всехсвятская церковь располагалась напротив старого железнодорожного вокзала. Сейчас на этом месте находится агломератный цех металлургического завода. Стараниями прихожан церковь была весьма благоустроена, о чем свидетельствовало внутреннее убранство храма. На пожертвования мирян приобрели колокол, металлические хоругви, образ Николая Чудотворца в серебряной позолоченной ризе, образ Святого преподобного Серафима Саровского, потир (чаша из благородного

металла для причащения), запрестольный крест, образ Казанской Божьей матери и т.д. (2).

Первым настоятелем Всехсвятской церкви был священник Александр Рязановский, выпускник Костромской духовной семинарии, преподававший Закон Божий в Надеждинском народном земском училище. Кроме него в церкви служили диакон Александр Алексеев, псаломщики Николай Павлов, Леонид Сотсков, Владимир Бахтеев, Стефан Груздев, Неофит Поздняков. С 1903 года деятельностью прихода руководил священник Африкан Богомолов, человек во многом одаренный и талантливый. Он вел церковную летопись, куда заносил наиболее примечательные события из жизни посёлка. С увеличением численности населения в поселке по ходатайству настоятеля Всехсвятской церкви Африкана Богомолова в храме открывается вакансия второго священника. По распоряжению святейшего Синода от 17 сентября 1904 г. ее занимает священник Владимир Павлинов.

До 1905 года население посёлка было религиозно настроенным. Во время службы церковь постоянно заполнялась народом. Ситуация изменилась в годы первой русской революции, когда начались конфликты между рабочими и заводоуправлением, в ходе которых священники выступали на стороне администрации завода и призывали рабочих к законопослушанию. Объективно оценивая ситуацию в стране, отец Африкан провёл молебен в память о жертвах событий 9 января 1905 года в Петербурге. В своих проповедях он призывал к недопущению подобной трагедии в посёлке, обличая революционный экстремизм.

В рабочей среде появились кощунственные выходки, оскорбляющие как духовных лиц, так и традиции православия в целом: не снимание шапок перед религиозными процессиями, курение в храме, грубость и угрозы в адрес священников. А однажды во время венчания в церкви двое пьяных юношей учинили драку, из-за чего пришлось остановить службу. Африкан Богомолов, проводивший обряд, распорядился отправить их в полицию. На следующую ночь в его доме хулиганы выбили стекла в окнах. К сожалению, подобная практика сведения счетов со стороны нерадивых пролетариев в отношении священнослужителей привела к печальному результату. Африкан Богомолов отказался служить в храме. Владимир Павлинов перешел в другой приход. Заменявший их Иоанн Пономарев прослужил всего два месяца. В августе 1907 года во Всехсвятскую

церковь епархиальное управление назначило новых священников Андрея Носова и Николая Любомудрова.

7 июня 1908 года в церкви случился пожар. Огонь был настолько сильным, что расплавились все колокола. Церковь выгорела до основания. Причину пожара установить не удалось. По воспоминаниям очевидцев, это происшествие многие надеждинцы восприняли как «гнев Божий». Пожар способствовал значительному повышению религиозности населения, хулиганские действия в адрес священников прекратились. На месте сгоревшей церкви в 1916 г. построили каменную часовню, освящённую 18 сентября благочинным округа. В середине 1930-х годов при расширении завода часовню уничтожили.

После губительного пожара более стремительными темпами стал возводиться Спасо-Преображенский собор. Процедура его закладки состоялась 16 сентября 1905 года в присутствии епископа Екатеринбургского и Ирбитского Владимира. По первоначальному проекту архитектора Маковского предполагалось построить храм в строго выдержанном византийском стиле. Однако вследствие дороговизны проекта в него пришлось внести серьезные изменения. В результате Спасо-Преображенский собор построили в смешанном русско-византийском стиле по плану пермского архитектора А.Б. Турчевича на средства супругов Половцовых, администрации БГО, пожертвования прихожан. 30 ноября 1908 года в трапезной части храма был освящён временный престол в честь Преображения Господня и в нём начались богослужения. В должности настоятеля Спасо-Преображенского собора вернулся к своим обязанностям священник Африкан Богомолов. Собор имел форму вытянутого с востока на запад прямоугольника длиной 53 метра, шириной 25 метров. Стены были выложены из красного кирпича на бетонном фундаменте. Железную крышу венчали позолоченные купола: вокруг большого центрального купола на высоте 37 метров располагались четыре малых. Колокольня высотой 46 метров состояла из трех ярусов, поставленных друг на друга, имела шесть колоколов – большой благовестный весил 101 пуд 13 футов, остальные меньше. Последний ярус заканчивался шпилем. Внутри собора стены были оштукатурены и выбелены. Помещение отапливалось железными печами. Средний иконостас в три яруса был покрыт клеевой краской, с золочёными Царскими вратами и включал в себя 27 икон. Малые иконостасы – деревянные, грубой кустарной работы, окрашенные

белой краской – насчитывали по 13 икон. В иконостасах имелись образа работы художников Новотихвинского Екатеринбургского монастыря (3). Спасо-Преображенский собор был трехпрестольный. Главный престол освятили в честь Преображения Господня, южный придел – во имя Святителя Николая, архиепископа Мирликийского, северный – во имя святого праведного Симеона Верхотурского. Окончательно собор достроили в 1917 году. К Спасо-Преображенскому храму относились часовня на старом кладбище, на месте сгоревшей Всехсвятской церкви, и Власьевская церковь в деревне Еловка, в 8-ми верстах от Надеждинска (4).

Первоначально в состав духовного причта храма входили два священника, диакон Александр Алексеев, два псаломщика. Вскоре, как показала практика, такое количество священников явно было недостаточно. Бесконечная вереница хозяйственных дел отвлекала Африкана от церковных служб. Ему приходилось довольно часто ездить в Епархию, отсутствуя дома по несколько дней. Оставшийся на службе священник не всегда справлялся с возросшим количеством духовных треб населения поселка. Поэтому в 1912 году по настоянию Африкана Богомолова открывают третью вакансию священника. Ее занимает выпускник Пермской духовной семинарии Леонид Коровин, которого переводят по его желанию из Александро-Невской церкви Верхне-Турьинского завода к новому месту службы.

Наряду со своими основными обязанностями священнослужителя Леонид Михайлович преподавал Закон Божий в некоторых учебных заведениях Надеждинского завода. В период деятельности Комитета общественной безопасности в 1917 году он представлял интересы духовенства в этом новом органе местного самоуправления. Годы Гражданской войны стали временем тяжелых испытаний для многих клириков русской православной церкви. На восток из Надеждинска с Белой армией в июле 1919 года эвакуировались благочинный протоиерей Василий Словцов, священники Африкан Богомолов, Владимир Павлинов, диакон Александр Алексеев и другие. Обязанности настоятеля Надеждинского Спасо-Преображенского собора стал исполнять священник Леонид Коровин. Но только в августе 1920 года состоялось официальное утверждение отца Леонида в новой должности распоряжением епископа Екатеринбургского Григория. Через два месяца с благословения и изволения Патриарха Московского и Всея Руси Тихона Леонид Коровин вступает в должность благочинного пятого округа, центром которого становится

Надеждинск, получивший статус города 15 сентября 1919 года (5). 23 февраля 1925 года епископом Кунгурским Аркадием священник Леонид Коровин возведен в сан протоиерея. Леонид Михайлович Коровин родился 2 апреля 1889 года в Верхотурье, в семье священника Михаила Ивановича Коровина. В 1910 году с отличием окончил Пермскую духовную семинарию, направлен заведующим церковно-приходским училищем в село Балакино Верхотурского уезда, где прослужил один год. В 1911 году рукоположен в сан священника и определён к Александро-Невской церкви Туринского завода. Через год переведён в Спасо-Преображенскую церковь Надеждинского завода. Проживал по адресу: 7-я линия Старого посёлка (ул. Некрасова), дом №11.

В 1920-е годы в Спасо-Преображенском соборе служили также священники Михаил Титов, Константин Лазарев, Григорий Лобанов, Петр Порошин, Дмитрий Патрикеев, Михаил Комаров. Михаил Михайлович Титов родился 30 января 1882 года. В Надеждинск приехал в 1916 году и жил здесь до 1925 года. Преподавал Закон Божий в начальном земском мужском училище. Автор воспоминаний о жизни посёлка в период революций и Гражданской войны. Григорий Иванович Лобанов родился в 1881 году в деревне Серебрянка Верхотурского уезда, в семье крестьянина. Окончил гимназию, преподавал в начальных народных училищах. С 1909 года – священнослужитель. После Гражданской войны оказался в эмиграции в Китае, в 1922 году вернулся в Россию. Служил в храмах Свердловска, в январе 1927 года направлен в Надеждинск. Всего один год прослужил здесь отец Григорий, оставив по себе добрую память прихожан. Помогая настоятелю Леониду Коровину в решении хозяйственных вопросов, Лобанов руководил инженерными работами по монтажу системы парового отопления в храме. После Надеждинска Григорий Лобанов был приходским священником в церквях Билимбая, Первоуральска, Михайловска, Невьянска. В храме действовал церковно-приходской совет, имевший право приглашать священников и диаконов занимать свободные вакансии. В его состав входили священники Леонид Михайлович Коровин (председатель) и Михаил Михайлович Титов, дьяконы Николай Романович Глухов (секретарь) и Александр Григорьевич Жаворонков, прихожане – Антон Васильевич Карпинский (служащий), Иван Яковлевич Полуэктов (мастер цеха), Андрей Михайлович Попов (безработный), Лаврентий Макарович Кулёв (мастер цеха), Евлампий Андреевич

Татаринов (рабочий), Иван Андреевич Пономарёв (рабочий), Матвей Иванович Кирпиков (рабочий), Алексей Петрович Некрасов (домохозяин), Сергей Васильевич Голубев (служащий БГО), Иван Дмитриевич Смирнов, Николай Михайлович Соловьёв (торговец-домохозяин) (6). Участие в приходском совете не всегда приветствовалось органами Советской власти и заводской администрацией. Так, например, Пономарёв И.А. вынужден был выйти из совета, так как администрация отобрала у него профсоюзный билет.

По приглашению церковно-приходского совета, в 1925 году в Надеждинск прибыл священник Михаил Ратьковский, занявший место второго священника. Михаил Николаевич родился в 1889 году, в 1908 г. окончил курс Псковской духовной семинарии. Состоял псаломщиком при церкви Рождества Богородицы в селе Турова Псковской епархии. С 1909 года отец Михаил - законоучитель Новоржевской женской гимназии. Епископом Псковским Евсевием он был рукоположен в сан священника и определен к Александровской церкви города Новоржева. С 1925 года отец Михаил служил в Надеждинске. В новой должности он был утвержден епископом Курнгурским Аркадием. Дяконами в храме были Николай Глухов, Адриан Анциферов и Александр Жаворонков, которые совмещали свои должности с обязанностями псаломщиков. Адриан Афанасьевич Анциферов родился в 1890 году. Окончил земское начальное училище. В 1922 году согласно прошения епископом Григорием определён псаломщиком к церкви села Черемховского Камышловского уезда, через год рукоположен в сан диакона. В 1924-1925 годах – диакон Спасо-Преображенского собора города Шадринска. 2 февраля 1926 года по ходатайству общеприходского собрания переведён на должность диакона Спасо-Преображенского собора города Надеждинска. Николай Романович Глухов окончил псаломническую школу в Екатеринбурге, в 1914 году определён псаломщиком в церковь села Конёво Екатеринбургского уезда. В 1918 году епископом Григорием рукоположен в сан диакона и направлен в Максимовскую церковь посёлка Турьинские рудники. С 1920 года служил в Спасо-Преображенском соборе города Надеждинска (7).

В 1921 году в Поволжье разразился страшный голод, охвативший до 5 миллионов человек. Для его ликвидации необходимо было срочно закупить продовольствие за границей, источником финансирования могли стать церковные ценности. Новая власть

решилась на изъятие церковной утвари из драгоценных металлов. Русская Православная церковь отчасти поддержала Декрет ВЦИК и не осталась в стороне от этого бедствия. В феврале 1922 года патриарх Тихон обратился ко всем верующим православной церкви, указывая, что «необходимо использовать находящиеся во многих храмах драгоценные вещи, не имеющие богослужебного употребления (подвески в виде колец, цепей, браслетов, ожерелий и другие предметы, жертвуемые для украшения святых икон, золотой и серебряный лом), на помощь голодающим»... Духовенство Надеждинского уезда и прихожане Надеждинских церквей, собравшиеся на свой съезд 2 мая 1922 года также решили со своей стороны принять посильное участие в деле помощи голодающим и поддержали обращение Патриарха. «Эта мера вызвана той бедностью, в которой находится наша страна... она необходима для спасения жизней голодающих наших братьев и сестёр... Пусть каждый осмотрит свой Храм и всё находящееся из драгоценного отдаст на дело помощи голодному. Необходимую для Богослужения утварь, сделанную из драгоценных металлов, заменяйте другою – из менее ценных! Богу приятна всякая жертва. По завету Христа, разделим со страждущим ближним последний кусок». От имени съезда Духовенства Надеждинского уезда обращение подписали священник Коровин, дьякон Агишев члены приходского совета А. Некрасов, Е. Татаринов (8). В то же время Глава Русской Православной церкви Тихон призывал духовенство к защите церковного имущества от откровенной сплошной конфискации, что вызывало в ряде мест столкновения верующих с властями. На территории Надеждинского уезда эта акция прошла спокойно. Согласно описям Губфинотдела из церквей Надеждинского уезда изъяли 3 пуда 39 фунтов 60 золотников серебра (65,2 кг) и 10 золотников 75 долей золота (45,9 г) (9).

В мае 1922 года при содействии органов ОГПУ в русской православной церкви произошел раскол. Группа московского духовенства во главе с епископом Антонионом (Грановским), отстранив от власти патриарха Тихона, образовала Высшее церковное управление - ВЦУ. Сторонники церковных перемен ратовали за осуществление ряда реформ, которые, по их мнению, должны были приблизить церковь к задачам и потребностям современной жизни, 37 архиереев из 73-х присоединились к расколу. С этого времени сторонников церковных перемен стали называть обновленцами, тех, кто сохранил верность патриарху Тихону – староцерковниками. В

1927 году обновленцы пытались учредить должность епископа Надеждинского, пригласив на неё епископа Череповецкого Сергия (Озерковского), однако Синод это решение не утвердил (10). В первых числах октября 1922 года состоялся съезд благочинных епархии. Из общего числа присутствующих (21 человек) 18 священников признали ВЦУ, трое высказались «против», среди них - благочинный священник Леонид Коровин. Большая часть духовенства и мирян Богословского Горного Округа хранила верность Патриаршему престолу и в этом немалая заслуга благочинного Леонида Коровина, т.к. многие рядовые священники, особенно сельские, держались первого видимого им авторитета – благочинного, всецело доверяя ему в выборе священноначалия.

В 1928 году отец Леонид был арестован по доносу жителя Надеждинска Мелькова. Признаки преступления в действиях Коровина усмотрели в том, что благочинный 10 октября во время заседания приходского совета вёл среди присутствующих агитацию за оказание материальной помощи священникам, находящимся в тюрьмах, говоря, что «сейчас везде и всюду идут аресты священнослужителей и нет никакой гарантии в том, что сегодня или завтра не арестуют и нас». Тем самым, по мнению следствия, начавшегося 18 октября, Коровин используя религиозные предрассудки масс, старался подорвать авторитет Советской власти, то есть совершил преступление по статье 58/10-11 Уголовного кодекса РСФСР. Помимо устного призыва, батюшка будто бы собирал средства для оказания материальной помощи репрессированным священникам (11). На самом деле в соборе стояли две кружки для подаяния: одна – в пользу заключённых, другая – в пользу бедных. Из первой церковный староста периодически вынимал деньги и закупал продукты, которые относил заключённым при Надеждинской административной части. Вот этот факт и был буквально за уши притянут к «преступлению» Коровина. Несколько месяцев, пока рассматривалось его дело, отец Леонид находился в Тагильском исправтруддome. 18 января 1929 года Особое совещание при коллегии ОГПУ приняло решение: «Коровина Л.М. выслать за Урал сроком на три года, а по отбытии наказания лишить его права проживания в 12-ти пунктах Уральской области, с прикреплением к определённому месту жительства» (12). Отбывал срок отец Леонид в Тюменском округе. С середины 30-х годов Леонид Коровин жил в городе Невьянске, служил протоиереем Вознесенской церкви. После ареста

Коровина благочинным 5-го округа и настоятелем Спасо-Преображенского собора до его закрытия служил протоиерей Дмитрий Патрикеев.

В 1929 году в Советском Союзе были приняты законы, согласно которым религиозная пропаганда объявлялась государственным преступлением, священники и члены их семей лишались гражданских прав. Местные органы власти получали право решать судьбу культовых зданий. В сентябре-октябре 1929 года на предприятиях и учреждениях Надеждинска прошли собрания рабочих и служащих по вопросу закрытия самого большого храма города - Спасо-Преображенского собора. Тональность их была в основном антирелигиозная, преобладало мнение, которое озвучил один из рабочих Уралпромстроя: «...веками вбивался поповский дурман, трудно с ним вести борьбу. Культы ведут работу среди малокультурных людей и помогают буржуазии подорвать строительство Советской страны, религиозные обряды способствуют распространению заразы». В резолюции собрания на Уралпромстрое говорилось: «...церковь построенную на насильно удержанные средства рабочих при царизме...и как оплот темноты и невежества...отобрать. Здание...использовать под вновь открываемый техникум...». Подобными были резолюции и на других предприятиях и учреждениях Надеждинска. Редко, но раздавались на этих собраниях голоса в пользу сохранения церкви как места отправления культа: «церковь не нужна...для всех, (но) есть ещё люди, которые от церкви не отказываются и верят в бога, поэтому церковь закрывать не следует...церковь нам не мешает» (13).

Власти не прислушались к мнению трудящихся использовать здание под учебное заведение, и Постановлением Президиума Уральского облисполкома от 17 января 1930 года, санкционированного Президиумом ВЦИК, Спасо-Преображенский собор закрыли, сняли с него кресты и колокола, а в ночь с 12-го на 13-е июля 1931 г. церковь взорвали. В письме в Комиссию по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР, отправленном 27 августа 1935 года председателем горсовета Козырьковым, говорилось: «Здания церкви и находившихся при ней служебных помещений полностью до основания разобраны. На месте ликвидированной церкви из материалов от её разборки металлургическим заводом и завкомом металлургов возводится большое кирпичное здание профтехкомбината. Окончание строительства предполагается в 1936

году» (14). По воспоминаниям старожилов города, на месте храма так и не появилось никакого нового здания, а материал использовали при строительстве жилых домов на площади Metallургов. Сегодня во дворе одного из этих домов рядом с гаражными постройками можно увидеть каменные глыбы. Это все, что осталось от архитектурного шедевра Надеждинска.

После закрытия и последующего разрушения Спасо-Преображенского собора в пользовании общины верующих тихоновского течения оставалась до 1934 года Филькинская Симеоновская церковь, расположенная в 8 км от города. Она была перестроена из часовни, построенной в 1888 году. В 1902 году её освятили во имя праведного Симеона Верхотурского. В 20-е годы здесь служили священники Александр Шистеров, Николай Денисов и Нестор Пехтерев. Александр Матвеевич Шистеров родился 21 ноября 1890 года в Кунгуре, в семье кустика. Окончил городское четырёхклассное училище и педагогические курсы. Учителем работал в разных учреждениях. В 1915 году призван в армию, участник Первой мировой войны, подпоручик. В период Гражданской войны воевал в Белой армии. В 1919 году осужден ВЧК на 5 лет как бывший офицер. Разделял взгляды обновленческого движения, рукоположен в сан священника. После образования обновленческой общины в Филькино направлен на службу в Симеоновскую церковь. Возведен в сан протоиерея. Николай Яковлевич Денисов родился 3 декабря 1903 года в Верхотурье, в семье крестьянина. Окончил четырёхклассное городское училище. С 1927 года – священник обновленческой церкви. В 1929 году в административном порядке отбывал принудительные работы на лесозаготовках в течении шести месяцев. В 30-е годы проживал в Филькино, служил в Симеоновской церкви (15). С 1934 года, после ликвидации общины, религиозное общество тихоновского (староцерковного) направления имелось лишь в посёлке Турьинские рудники при Максимовской церкви (в 35 км от Кабаковска). Филькинская же церковь была передана религиозному обществу обновленческого течения. Верующие, относившие себя к староцерковникам, организовали в городе новую религиозную общину тихоновского направления с наименованием «Спасо-Преображенская». Зарегистрирована она была 27 августа 1934 года, но культового имущества обществу не предоставили, поскольку с ликвидацией в 1931 году Спасо-Преображенской церкви иных культовых зданий в городе не имелось. В заявлении об организации

общины указывались 33 фамилии верующих, которые просили разрешения на собрание членов общины для избрания исполнительного органа и ревизионной комиссии, также верующие просили зарегистрировать в качестве священника Ведрова Михаила Игнатьевича, псаломщиком – Мельчекова Александра Андреевича (16). Однако горисполком запретил Ведрову осуществлять религиозные требы, в силу чего по независящим от него причинам отец Михаил отказался исполнять обязанности «служителя культа». Просуществовала община недолго. Уже 3 ноября 1934 года президиум горсовета возбудил ходатайство перед облисполкомом о ликвидации общества, т.к. «в процессе своей деятельности (оно) систематически нарушало требования закона о религиозных объединениях». Нарушения состояли в проведении «богослужения (панихиды, молебны, крещения, всенощные и т.п.) в домах членов общины поочередно, привлекая на эти богослужения не только членов общины, но и не входящих в неё лиц. Организуя богослужения в непригодных помещениях община не ставила в известность органы власти. Община совершала религиозные обряды под открытым небом на кладбище...» Тем самым будто бы, «устраняла возможность предварительного технического осмотра помещений и проведения профилактических мероприятий в области санитарии, чем нарушала ст. 25 и 33 Инструкции Комиссии при ВЦИК по вопросам культа и Постановление № 57 ВЦИК и СНК от 8 апреля 1929 года» (17). 16 декабря 1934 года Президиум облисполкома своим Постановлением № 2014 удовлетворил ходатайство, и община была ликвидирована (18). Лишь через 13 лет, 20 июля 1947 года, на средства православной общины города Серова на улице Карла Либкнехта, 39 открылся молитвенный дом, освященный епископом Свердловским и Ирбитским Товием во имя святого пророка божия Илии.

Репрессии против священнослужителей практически не прекращались с Октября 1917 года. Вернувшийся из Тобольска в Богословск в 1920 г. протоиерей Василий Словоцов ревтрибуналом был осужден к 5-ти годам лишения свободы. В годы массовых политических репрессий пострадали практически все священнослужители Спасо-Преображенского собора города Надеждинска и Симеоновской церкви села Филькино. Органами НКВД приговорены к расстрелу священники: Николай Любомудров (1930 год), Леонид Коровин (1937), Григорий Лобанов (1937),

Николай Денисов (1937), Александр Шистеров (1937), Африкан Богомоллов (1942). служившие к тому времени в Невьянске в Вознесенской церкви, священники Григорий Лобанов и Леонид Коровин. К заключению в исправительно-трудовые лагеря приговорили священников Михаила Ратьковского (5 лет), Владимира Павлинова (8 лет), Нестора Пехтерева (10 лет). Судьба других надеждинских священнослужителей требует дальнейшего исследования.

Примечания:

1. АОАСГО. Ф.Р-253, оп.1, д.9, л.16.
2. Там же. Л.15
3. АОАСГО. Ф.Р-313, оп.1, д.33а, л.7.
4. Там же. Л.5.
5. Там же. Л.6.
6. АОАСГО. Ф.Р-1, оп.1, д.56, л.26.
7. АОАСГО. Ф.Р-313, оп.1, д.33а, л.7-8.
8. АОАСГО. Ф.Р-150, оп.1, д.79, л.18.
9. Лавринов В.В. «Екатеринбургская епархия. События, люди, храмы». Екатеринбург, 2001. С.21.
10. Там же. С.106.
11. ГААОСО. Ф.1, оп.2, д.24465, л.1-5.
12. Там же. Л.7.
13. АОАСГО. Ф.Р-1, оп.1, д.208, л.18-19.
14. Там же. Д.427, л.62.
15. ГААОСО. Ф.1, оп.2, д.26780, л.1-3.
16. АОАСГО. Ф.Р.-1, оп.1, д.427, л.2 .
17. Там же. Л.18.
18. Там же. Л.52.

Бессонов Михаил Сергеевич

Формирование населения северной части Верхотурского уезда с конца XVI до середины XVIII вв.

По исповедным росписям приходов, располагавшихся на рассматриваемой территории в 1800 – 1801г.г., зафиксировано 8712 жителей. Это приходы церковью Богородицкой села Кошайского (ныне Серовский район), Богоявленской Лялинского погоста (ныне с.Караульское Новолялинского района), Максимовской Турьинских

рудников (ныне г.Краснотурьинск), Петропавловской Петропавловского завода (ныне г.Североуральск), Спасской Николае-Павдинского завода (ныне п.Павда Новолялинского района), Введенской Богословского завода (ныне г.Карпинск) и часть территории относилась к приходу Воскресенской церкви г. Верхотурья (1). В 400-летней истории формирования русского населения на данной территории можно выделить несколько периодов. Хронологические границы первого периода укладываются в рамки с конца XVIв. по 1757г., когда, благодаря усилиям верхотурского купца М.М. Походяшина, начинается промышленное освоение края и второй период формирования населения.

Следует заметить, что еще задолго до прихода сюда русских рассматриваемая территория была заселена вогулами. В Ясашной книге Верхотурского уезда 1626 г. ясачное население было поделено на сотни: 1-я и 2-я Лялинские сотни располагались на р. Ляле, юрты Сосьвинской находились на реках Сосьве, Турье, Вагране, Лангуле и Моче, юрты Лозьвинской сотни на р. Лозьве и юрт косьвинских вогулов на р.Косьве. Всего в количестве 124 человек ясачного населения (2). В дальнейшем были созданы специальные ясачные волости: две Лялинские, Косьвинская, Сосьвинская и Лозьвинская. Человек не был закреплен за определенной волостью и мог переходить из одной волости в другую, мигрировать в пределах Верхотурского уезда и даже за пределы его. В Крестоприводной книге Верхотурского уезда 1682 г. у ясачных людей уже можно отметить появление фамилий, которые в 1800-1801 гг. зафиксированы в исповедных росписях. Это Денешкины, Моросковы, Анисимковы, Антипкины, Есаулкины. Всего по исповедным росписям этих лет выявлены 25 фамилий ясачных вогулов (3).

Что касается русских поселений, то первым из них следует считать Лозьвинский городок возникший в 1589г. на речном пути из Чердыни через Вишеру на Лозьву и Тавду. Лозьвинский городок стал перевалочной базой на пути в Сибирь. Гарнизон городка состоял из нескольких десятков стрельцов и казаков, да в зимнее время здесь скапливалось до 3000 человек временного населения. С открытием более удобной Бабиновской дороги Лозьвинский городок в 1598г. был оставлен, а гарнизон переведен в Верхотурье (4).

Дальнейшее появление здесь поселений было также связано с транспортными путями. Ведь знаменитая Бабиновская дорога проходила по территории современных Карпинского и

Новолялинского района. Уже в 1599г. на челобитную верхотурских торговых людей в Верхотурье присылается грамота царя Бориса Годунова, в которой говорится: «...И нам бы их новых верхотурских жилецких людей пожаловати, велеть бы им для зимнего пути и судового ходу на реке на Косве поставить дворы и амбары для их великия пути. И велети бы той по Косве реке от старые от зимние дороги, куды преж тово была вниз и по островам, и по берегам и по мелким речкам, которые в Косву впали, санными покосы и рыбным и звериными ловлями и всякими угоды владети...» (5). В 1600 г. верхотурские ямщики подают Борису Годунову челобитную, говоря о том, что дорога от Верхотурья до Соликамска дальняя, а корм для лошадей с собой не повезешь, просят разрешения косить сено по дороге на реках Кырье, Косьве и Яйве. На что получили ответ: «...сено косить не помногу, по десяти копен меньших человеку, для своей нужи, а не на продажу...» (6). Сама жизнь говорила о том, что на такой длинной дороге должны жить люди, которые могли бы обеспечивать проезжающих лошадей кормом. Прошло 20 лет и в 1621г. в Дозорной книге Ф. Тараканова мы встречаем запись: «Да в Верхотурском же уезде на Сибирском волоку на Косве реке двор, а в нем живет Ивашко Зенков. Пашни нет, потому что Камень. А санных покосов у него подле Косву реку и на лугех, и на Камени шестьсот копен. А оброку он с тех санных покосов платит на Верхотурье в государеву казну, по рублю на год. А с вогуличи торгует и зверь всякой ловит, а пошлины на Верхотурье не дает, а емлют с него пошлины у Соли Камской, что продает у Соли. На том же Сибирском, на половине, волоку на Ростесе на Кырге реке двор, а в нем живет Тренка да Первушка Усольцы. А санных покосов косят четыреста копен, а оброку с тех санных покосов нет» (7). Постепенно население на Усольском волоку растет. К 1652 г. в Ростесе строится церковь, к приходу которой относятся деревни Косьва и Кырья (8). По переписи Льва Поскочина в 1680 г. здесь уже было 39 дворов и проживало 88 оброчных крестьян (9). В начале XVIII в. при делении территории России на губернии, эта часть Верхотурского уезда вошла в состав Соликамского. Пройдет более 200 лет и только в середине XX в. эта территория войдет в состав уже современной Свердловской области.

После уничтожения в 1598 г. Лозьвинского городка для доставки хлебных и других припасов в Пелым был избран другой путь. Припасы зимним путем доставлялись из Верхотурья на Кошай, находившийся на р. Сосьве, ниже впадения в нее р.Ляли. Для

хранения припасов были построены амбары, при которых находился караул из 5-10 верхотурских стрельцов. К весне строились суда на которых по большей воде припасы доставлялись в Пельым (10). Сюда же, на Кошай, в 1600 г. из Тобольска, для заведения соляного промысла, был прислан пушкарь Ворошилка Власьев (11). И хотя промысел просуществовал всего несколько лет, но потомки тобольского пушкаря закрепились на этом месте. В Писцовой книге Верхотурского уезда М. Тюхина 1624 г. на Кошае записана д. Дорошки (по всей видимости Ворошки), в которой было два двора посадских людей – Васьки Ворошилова и Ивашки Турыты. Здесь же на Кошае находилась и деревня стрельца Тимошки Ворошилова (12).

Примерно в это же время, наверное, впервые взор был обращен на земли находившиеся севернее Верхотурья. Так 15 апреля 1626г. верхотурские вогульский толмач Данила Степанов сын Шавков и ямской охотник Юрий Иванов сын Колода продают землю и рыбную ловлю по р. Ляле верхотурскому стрельцу Зиновию Никифорову (13). Климатические условия, неблагоприятные для производства товарного хлеба, не привлекали пашенных крестьян к заселению земель по рекам Ляле и Сосьве. Поэтому эти места заселяют те, для кого сельское хозяйство не являлось основным средством к существованию, а было вспомогательным, т.е. только для себя. Это верхотурские стрельцы и посадские люди. Особенно интенсивно процесс заселения рек Ляли и Сосьвы проходил во второй половине XVIIв., когда между ясачными вогулами Лялинских и Сосьвинской волостей, с одной стороны, и стрельцами и посадскими, с другой стороны, составлялись закладные кабалы, которые оформляли выдачу в долг денег под залог земельных угодий, в том числе пашенных земель, санных покосов, гаревых и дубровных мест, юртовых и дворовых мест вогульских вотчин. В основном деньги не возвращались и новыми хозяевами земель становились стрельцы и посадские. К 1680г. по переписи Л. Поскочина здесь располагались 17 деревень, в которых было всего 29 дворов. В основном это были деревни однодворки. Только в трех из них жили оброчные крестьяне. И только в одной из них, Молвинской, жили крестьяне, платившие хлебный оброк (14). Ко времени проведения первой ревизии, в 1719-1721 гг., количество деревень увеличилось незначительно. Их стало 22. А вот количество дворов увеличилось почти в три раза, до 80. В 16 из них жили оброчные крестьяне, а остальные были казахи, солдатские и посадских людей (15).

Непривлекательность края в сельскохозяйственном плане сдерживала миграцию извне. Население увеличивалось, в основном, естественным путем. Казалось бы бурное развитие металлургической промышленности на Урале в первой половине XVIIIв. не оставит в стороне и северную территорию. И предпосылки для этого были. На р. Ляле было найдено месторождение медной руды и в с. Караульском в 1723 г. начинается строительство Лялинского медеплавильного завода на строительство которого направлялись крестьяне из различных слобод Верхотурского уезда. Но рудные месторождения истощились и в 1744-1745 гг. завод был закрыт, а заводское население переведено на Гороблагодатские заводы.

В заключение хотелось бы сказать, что если в южной части Верхотурского уезда в XVII в. население формировалось, в основном, пашенными крестьянами, то в северной части уезда население - служилыми и посадскими людьми, и незначительно оброчными крестьянами. И именно промышленное освоение стало основой второго этапа в формировании населения этого региона. В 1757 г. верхотурский купец Походяшин подает в канцелярию Главного заводов правления доношение, в котором просит разрешения построить завод на р. Колонге. За десять с небольшим лет были построены три завода: Петропавловский, Богословский, Николае-Павдинский (совместно с тульским купцом Ливинцовым), открыты Турьинские рудники. Но это материал уже для следующей статьи.

Примечания:

1. ГАСО. Ф.6. Оп.3. Д.1, 3.
2. РГАДА. Ф.214. Д.10. Л.2-22.
3. Там же. Оп.1. Д.748. Л.106-110.
4. Шашков А.Т. К истории возникновения в конце XVIв. первых русских городов и острогов на восточных склонах Урала // Уральский сборник. История, культура, религия. Екатеринбург, 1997. С.177.
- 5.Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII. Составитель Ошанина Е.Н.. М., 1982. Вып.1. С.48.
- 6.Там же. С.77.
- 7.РГАДА. Ф.1111. Оп.4. Д.1. Л.97.
- 8.Иванова В.И. Западно - сибирские поземельные частные акты XVIIIв. в Архиве ЛОИИ СССР (закладные кабалы).// Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С.9.
- 9.РГАДА. Ф.214. Оп.1. Д.697. Л.109 – 116об.
- 10.Верхотурские грамоты...С.74.
- 11.Там же. С.77.

12.РГАДА. Ф.214. Кн.5. Л.204об. – 205.

13.Иванова В.И. Западносибирские поземельные частные акты в архиве ЛОИИ СССР АН СССР (купчие, поступные, вкладные, меновые).// Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С.173.

14.РГАДА. Ф.214. Оп.1. Д.697. Л.22об.- 31об.

15.Там же. Д.1508. Л.115 – 131об. Д.1615. Л. 57об. – 59.

Борисов Алексей Геннадьевич

Деятельность партии социалистов-революционеров в Верхотурье (1917-1918 гг.)

До 1917 года город Верхотурье, по большому счёту, оставался в стороне от бурных политических событий, происходивших в Российской империи. Здесь не было каких-либо серьёзных предпосылок для революционного взрыва. Ситуация постепенно начинает меняться после Февральской революции 1917 года. Находившиеся в городе представители различных политических партий были территориально и организационно удалены от партийных центров и эпицентра революционных событий. Политические силы на местах оказались перед уже свершившимся фактом революции и только по инерции подхватили революционную волну. Лишь после произошедших в Петрограде событий и дальнейшего развития революции можно говорить о появлении политической активности масс. Местные партийные организации очень часто не могли быстро и адекватно реагировать на происходящие события и принимаемые решения, их действия нередко носили интуитивный характер. Партийные функционеры не смогли продемонстрировать наличие своей обоснованной и чётко выраженной точки зрения по вопросу о строительстве новой системы власти. В основном их взгляды строились на программных партийных документах, принятых ещё в начале века, решениях столичных партийных органов и под влиянием статей в партийной прессе. Следование центральному руководству партии говорило не столько о партийной солидарности, сколько о слабости местных партийных организаций.

Сообщение об отречении Николая Второго было получено 1 марта. С этого времени в городе оживляется деятельность представителей

различных политических партий: социалистов-революционеров (эсеров), меньшевиков, большевиков, конституционных демократов (кадетов) и других. 11 марта в Верхотурье прошли выборы в Комитет Общественной Безопасности. По соглашению с КОБом уездный комиссар Временного правительства И.Черемных назначил на пост начальника уездной милиции руководителя местного отделения партии эсеров юриста Владимира Яковлевича Бахтеева. Партия эсеров считала себя выразителем и защитником интересов крестьянства, поэтому представители партии принимали активное участие в работе созданного после революции Верхотурского уездного Совета крестьянских депутатов.

Заметно активизируется общественно-политическая жизнь в городе осенью 1917 года, когда началась подготовка к выборам в местные органы власти и Учредительное собрание (российский парламент). Накануне выборов в Учредительное собрание уездный Совет крестьянских депутатов обратился к крестьянскому населению уезда с воззванием:

«Товарищи крестьяне! Приближается день выборов в Учредительное Собрание, назначенный, как известно, на 17 сентября, а через две недели после этого, т.е. на 30 сентября назначен созыв представителей великой русской Палаты. Учредительное Собрание должно будет установить все законы для Российского государства, должно будет разрешить все основные задачи нашей общественной, политической и экономической жизни, а главное – оно должно разрешить вопрос о земле – вопрос о передаче всей земли в руки тех, кто будет на ней работать. Но для того, чтобы правильно решить земельный вопрос, необходимо собрать точные сведения о составе населения, о землевладении, землепользовании, обработке земли, сельскохозяйственном инвентаре и пр. и пр. И вот, чтобы получить эти статистические сведения, Временное Правительство постановило устроить земельную сельскохозяйственную перепись, которая должна дать будущему Учредительному Собранию материалы для правильного разрешения земельного вопроса. И чем правильнее будут собраны эти сведения, тем яснее осветят они земельную нужду землероба, тем легче будет возможность Учредительному Собранию разрешить земельный вопрос в интересах трудового народа.

Товарищи! На днях по всем сёлам и деревням пойдут счётчики с опросными карточками для собирания необходимых сведений и Исполнительный Комитет просит Вас отнестись к этой переписи с

должным вниманием: Вы должны говорить счётчикам только правду. Разъясняйте своим односельчанам, что только правильно собранные сведения дадут необходимые материалы Вашим народным представителям для правильного решения трудного земельного вопроса» (1).

Верхотурский комитет партии социалистов-революционеров накануне выборов в Учредительное собрание выпустил листовку «Восьмичасовой рабочий день и земельная реформа», в которой излагалась программа, с которой партия идёт на выборы:

«Война опустошила деревню, разгрузила армию безработных в городах. Все работоспособные рабочие силы, не пользующиеся от Правительства льготами по несению воинского долга, взяты на фронт. Не будь этого, и борьба петербургских рабочих за восьмичасовой рабочий день не закончилась бы победой. А если это так, то вполне естественно встаёт вопрос о том, как закрепим в жизни, как удержим после войны то, что сейчас получили. Ведь не подлежит сомнению, что как только вернутся с фронта все те, кто с таким трудом находили себе заработок, борьба за существование обострится. Цены на рабочие руки падут, и падут они в значительно большей степени, чем цены на предметы потребления, на жилище и т.д. Вопросы продовольствия после войны значительно долгое время не потеряют своей остроты, земельная рента, всегда входящая составной частью в квартирную плату, не только не упадёт, а подыметься, так как цены на землю, несмотря на безумную трату народного достояния, и сейчас не только не падают, а всё повышаются. Как быть, что делать, чтобы ослабить борьбу за существование, чтобы построить своё благополучие на прочной основе?

Сейчас, когда поднимается вопрос о закреплении объявленных Временным Правительством свобод слова, печати, союзов и т.д., мы говорим: для закреплении всех этих свобод нам необходима организованная сила. Мы говорим, что нам нужно организовать народ, армию. Организованная сила, вот надёжная опора всех этих свобод. А что же мы скажем, когда подыметься вопрос о закреплении экономических завоеваний? Скажем ли мы, что и здесь всё дело только в силе? Мы скажем что нет! Здесь нужна организация не силы народа, а народного хозяйства. И организация, опирающаяся на иные основания, чем те, какие положены сейчас. Сила нужна нам, только постольку, поскольку она нам обеспечивает свободу в области

экономического творчества. На самом деле представьте себе страну, в которой на каждые сто человек населения приходится 70 человек полуголодных крестьян, почти ничего не покупающих и ничего не вывозящих на рынок; 20 человек нетрудового населения и 10 человек рабочих, нанятых в различных отраслях фабрично-заводского производства, мелких ремесленников и т.д. Все средства производства, земля сосредоточена в руках незначительной кучки населения. При таком использовании народных сил, при такой организации народного хозяйства возможно ли для рабочих сохранить за собою то, что они временно получили? Нет! Нет, потому что им предстоит борьба не только с работодателями, но и с тем полуголодным населением, которое при первом же известии о хорошем житье в городе бросится в города и за незначительное улучшение своего быта станет на место победителей. Это тем более так, что для того, чтобы стать рядовым фабрично-заводским рабочим при низком культурном уровне народного хозяйства, не нужно никакой особой выучки. Один против семи человек не устоишь. Так обстоит дело в этой воображаемой стране. А разве не та же картина и у нас в России, разве не то же соотношение крестьян и рабочих, трудового и нетрудового населения. Ведь по своей организации и по своим целям наше народное хозяйство ничем не отличается от типично барского имения. У барского имения цель – всё для забавы и удовольствия владельца, у народного хозяйства – всё для забавы и удовольствия определённого класса. Первое не увеличивает, а проживает капитал, полученный по наследству, почти также обстоит дело и во втором. Что всё это так, не подлежит никакому сомнению. И мы утверждаем, что при таком строе народного хозяйства, при таких целях его, при наличии полуголодного, сидящего на нищенских наделах крестьянства, рабочие как бы ни были сильны их классовые, профессиональные организации, стачками не улучшат своего положения. Здесь нужна творческая работа в области организации народного хозяйства. Как же это сделать?

Самой идеальной организацией народного хозяйства была бы только та, которая выставила благо всего народа, а не благо группы или отдельного класса. Только при наличии свободного доступа к земле, средствам производства, при производстве, покоящемся на началах социализма, мы можем ждать, что народное хозяйство будет отвечать выставленной общей задаче – благо всего народа, благо человека, как равноправного члена народа. Такой строй был бы

идеальным. Но воплотить его в жизнь сейчас же у нас нет сил. Сейчас перед нами задача иная. Нам нужно в строй народного хозяйства внести нечто такое, что являлось бы отправным этапом в нашем стремлении к идеалу. Что же можно в этом направлении сделать? Мы должны обобществить землю. Уничтожение частной собственности на землю произведёт чрезвычайно важные перегруппировки рабочих сил страны, до неузнаваемости изменит строй народного хозяйства и как раз в том направлении, каковое нам желательно. Первое, что произойдёт как следствие указанной реформы, это правильное использование рабочих сил страны. (В организационном плане хозяйства это чрезвычайно важный момент). Армия безработных будет уничтожена, сельское население, обеспеченное землёю и средствами производства (кредит), будет поставлено в условия более полного использования своих сил. Второе следствие указанной реформы – сельское население, обеспеченное хлебом, получившее в свои руки денежные средства, несомненно увеличило бы производительную силу своих частных хозяйств и тем самым увеличило бы богатство страны. Третье – фабрично-заводская промышленность получит очень прочный и надёжный внутренний рынок (крестьянину нужны будут в большом количестве плуги, машины, железные изделия, благодаря возросшим потребностям – сукна, ситцы и т.д.), значительно увеличит свою производительность и тем опять же увеличит богатство страны. Словом, при этой реформе, мы ставим к производству значительно большее количество рабочих сил и увеличиваем производительные силы страны. Дело увеличения производительных сил страны имеет огромное значение. И эта реформа в первую же очередь скажется благоприятно на экономическом положении городского рабочего класса. Скажется она потому, что 1/3 крестьянства безземельного и малоземельного, получив доступ к земле, будет всецело занята в области сельскохозяйственного производства. А как раз из них всегда и составлялась армия безработных. Следовательно, конкуренция среди рабочих должна будет очень сильно ослабиться. Второе, так как после этой реформы достаток крестьянина значительно повысится, то и заработная плата рабочего будет повышена. Крестьянин не пойдёт в город, если в городе ему будут предлагать плату, не обеспечивающую того благосостояния, какое он имеет дома. Третье – ввиду значительного сокращения количества рабочих, фабриканты и заводчики, чтобы обеспечить своё производство достаточным

количеством рабочих рук, удержать их в городе, должны будут предложить плату и условия труда значительно лучшие, чем те, какие будут существовать в деревне. Четвёртое, пустующая городская земля, обложенная рентным налогом, будет застроена и, тем самым, квартирная плата будет значительно понижена. Ценности, созданные усилиями всего населения, до того в виде ренты поступавшие в руки частных лиц, будут принадлежать самому населению. Это даёт последнему огромные средства для его культурного строительства.

Таким образом, при наличии указанного закона о земле, рабочий класс ставит своё благополучие на твёрдую основу. С этого момента его друзья и сподвижники – экономические законы. Рабочий класс становится на твёрдую почву в своей борьбе за лучшее будущее, так как указанной реформой 100-миллионное крестьянское население окончательно отрывается от класса собственников. Он приобретает себе прочную опору и в деревне. Мы утверждаем, что без этой реформы, что бы рабочий класс ни строил, его здание всегда будет на песке. Подует небольшой ветер – и храмина рухнет.

Вывод может быть сделан только один – рабочий класс в своей борьбе за 8-ми часовой рабочий день и ряд других требований, направленных к улучшению своего существования, в борьбе за лучшее будущее должен выставить на своём знамени тот же клич, какой стоит и у трудового крестьянства. Рабочий класс должен идти с нами, выставившими на своём знамени «Земля и воля», иного пути у него нет! Да здравствует «Земля и воля!» (2).

Руководитель верхотурских эсеров В.Бахтеев на выборах в Учредительное собрание был включён в избирательный список №11 по Пермской губернии, в который входили кандидаты от Трудовой народно-социалистической партии, партий эсеров и меньшевиков. 8 октября прошли выборы в Верхотурское уездное земство, на котором партия эсеров одержала победу. Председателем уездной земской управы стал их представитель И.Г.Морозов. В ноябре прошли выборы в Учредительное собрание. В Верхотурском уезде эсеры одержали победу, получив 41,2% голосов. На втором месте остались большевики, за них проголосовало 38,8% избирателей.

После Октябрьской революции 1917 года в партии социалистов-революционеров произошёл раскол на правое и левое крыло. Левые эсеры поддержали захват власти большевиками и выразили готовность принять участие в строительстве Советского государства. Правые эсеры осудили захват власти большевиками и сотрудничать с

ними отказались. В Верхотурье левые эсеры также выступили с поддержкой действий большевиков. Правые эсеры продолжали свою работу, опираясь на уездный Совет крестьянских депутатов. 19 декабря 1917 года состоялось заседание Совета, на котором был избран исполнительный комитет в составе: Н.Ледов – председатель, И.Кузнецов и Чепурных – товарищи (заместители) председателя, Н.Сиверцева – секретарь. Члены Совета решали в основном организационные вопросы. Вот что записали в протоколе заседания:

«Обсудив вопрос о помещении для исполкома, решили использовать помещение винного склада, предварительно поставив там железную печку. Заседания исполкома будут проходить в помещении Ново-Николаевской волости до того времени, когда будет готово своё помещение. Собираться решено раз в неделю, по воскресеньям в 12 часов дня. С нового года предполагается подыскать человека, который мог бы ежедневно дежурить в помещении в помещении комитета с 5 до 7 часов вечера за небольшое вознаграждение, например в размере 20 рублей в месяц. Желательно предложить эту должность кому-либо из учащих, нуждающихся в заработке. С нового года предполагается выписать следующие газеты – «Дело народа», «Знамя труда», «Известия Крестьянских Депутатов», «Известия Рабочих и Солдат Депутатов», «Новая жизнь» и «Народная воля». Вопрос о последней остался открытым. Ввиду недостатка средств выписка предполагается пока на 3 месяца. Газеты выписать немедленно, чтобы с нового года получать их. Для присутствия на выборах состава городской Продовольственной Управы постановлено дать мандат Якову Егоровичу Глазунову, который выдан ему» (3).

После октября 1917 года некоторое время обстановка в уезде оставалась спокойной. Обострение ситуации началось в январе 1918 года. 9-11 января в Верхотурье прошёл 1-й уездный съезд Советов рабочих и солдатских депутатов на котором началось формирование органов Советской власти в уезде. Одновременно с ним в городе начал работу уездный съезд Советов крестьянских депутатов, ведущую роль на котором играли правые эсеры. Речь шла о тяжёлом положении в деревне. Женщины-солдатки жаловались, что они получают пособие в сумме всего 6 руб. 50 коп. в месяц, а между тем всё дорожает и им очень трудно жить на это пособие. Солдаты, возвращающиеся с фронта, говорили, что они видят, как многие односельчане выделились на отруба и захватили лучшие земли. На

съезде отмечалось, что идёт рознь между переселенцами, прибывшими из разных мест России, и местным населением и что для улучшения жизни переселенцев ничего не делается.

В работе съезда приняли участие трое большевиков из уездного Совета рабочих и солдатских депутатов. В обращении к участникам съезда большевик Дидковский говорил о необходимости признать Советское правительство и объединиться, иначе рабочие и крестьяне могут разойтись в разные стороны. Он предложил съезду крестьян избрать своих представителей в исполком уездного Совета с тем, чтобы составить законную власть в уезде в лице Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Большевиками также была внесена резолюция о том, что крестьянский съезд считает законным роспуск Учредительного собрания, что надо учесть по уезду весь хлеб, излишки его конфисковать, не допускать свободную продажу хлеба на рынке и вести борьбу с теми, кто истребляет хлеб или использует зерно не по назначению. Однако преобладание на съезде правых эсеров определило характер его решений. Выяснилось, что союза между крестьянами и рабочими нет. Съезд не признаёт Советскую власть и стоит за Учредительное собрание.

Обстановка в Верхотурье после этих событий стала накаляться. Противники Советской власти создали в городе стачечный комитет. Руководящую роль в комитете и движении, охватившем местную интеллигенцию и земских служащих, заняли уездные комитеты партий правых эсеров и кадетов. Председателем стачкома стал правый эсер Бахтеев, его заместителем – кадет Виктор Александрович Ардашев (двоюродный брат В.Ленина), известный в городе юрист. Комитет составил и 9 января опубликовал через типографию Селивановой листовку в защиту Учредительного собрания, с призывом к всеобщей политической забастовке против Советской власти и большевиков, бойкоту всех постановлений и мероприятий уездного Совета. В тексте листовки говорилось: «Свершилось великое надругательство над державной волей русского народа: распущено Учредительное Собрание. Разрушительная работа насильников продолжается. Уничтожив все гражданские свободы, залив страну братской кровью, насилием и штыком насаждая и поддерживая своё господство, новые самодержцы надсмелись над народными избранниками, оскорбили заветные надежды измученной страны. Провозгласив верховную власть советов, они готовят новое ярмо для народа, утверждая господство на местах, они куют новые

цепи для свободных граждан, подготавливая почву для самой мрачной реакции. Можем ли мы оставаться спокойными зрителями неслыханных злодеяний кучки насильников? Нет и нет! Мы должны общей забастовкой заявить дружный и решительный протест против посягательств на суверенное Учредительное Собрание, воплощающее в себе святую веру исстрадавшегося народа в справедливое разрешение вопросов о мире, земле и воле, и тем оказать необходимую поддержку нашим избранникам. Мы должны прекратить работы в случае захвата власти насильниками на местах, ибо работа в союзе с ними будет предательством по отношению к родине, изменой делу революции. Забастовка – вот наше средство борьбы. Верхотурский стачечный комитет, избранный учреждениями города Верхотурья, призывает служащих всех правительственных и общественных учреждений города и уезда, а также всех должностных лиц быть готовыми по первому призыву Комитета одновременно во всём уезде объявить забастовку в защиту свободы и права от преступных на них посягательств. Для согласования действий всех служащих уезда необходимо образование Стачечных Комитетов на местах и установление связи с Верхотурским Комитетом. Товарищи и граждане! Будьте тверды и мужественны. С нами справедливость, с нами великая правда» (4). Воззвание подписали: председатель комитета В.Я.Бахтеев, товарищи председателя В.А.Ардашев и П.А.Пятелин, секретарь А.П.Зуйков, казначей К.И.Демидов.

Земская управа распространила листовку по всему уезду. В это же время губернский комитет партии правых эсеров в Перми разослал в свои низовые организации телеграмму, предлагавшую немедленно готовиться к вооружённому восстанию. Возвания и письма с призывом устраивать погромы, забастовки и саботаж были разосланы правыми эсерами по городам и сёлам Урала.

Мирное выступление в Верхотурье получило широкий общественный резонанс. Областное советское руководство в Екатеринбурге, отличавшееся крайним экстремизмом, не потерпело выступления интеллигенции и приказало местным властям подавить это выступление. По распоряжению Дидковского уездный Совет принял решение перевести город на военное положение. Агитаторов предписывалось арестовывать и направлять в Екатеринбург, типографию Селивановой подвергли штрафу в 5 тысяч рублей.

Бахтеев и Ардашев были арестованы и направлены под конвоем в Екатеринбург в распоряжение областного Совета. 15 января Ардашев

был убит, якобы при попытке к бегству. Иначе сложилась судьба председателя стачечного комитета Бахтеева. Областные власти, в конце концов, вынесли неожиданное постановление о прекращении дела в отношении двух верхотурцев. Ардашев был мёртв, а Бахтеев освобожден по малой степени виновности. Впоследствии он долгое время работал юрисконсультom в различных советских учреждениях, пержил репрессии 30-х годов. Скончался он 22 сентября 1955 года в Москве, похоронен на Ваганьковском кладбище.

Уездное земство, возглавляемое правым эсером Морозовым, также не признавало Советскую власть и отказывалось передавать власть уездному Совету. После Октября 1917 года на Урале власть в центре и на местах довольно быстро перешла в руки Советов, уездные и волостные земства сразу или довольно быстро прекратили своё существование. Верхотурское земство оказалось одним из самых стойких. Оно саботировало все мероприятия Советской власти и процесс ликвидации земских учреждений растянулся до марта 1918 года. 5 марта была созвана 37 чрезвычайная сессия уездного земского собрания, на которой обсуждался вопрос о взаимоотношениях с уездным Советом. Председателем собрания выбрали представителя партии правых эсеров М.А.Топоркова. На закрытом заседании после обмена мнениями для выработки итоговой резолюции избрали комиссию из трёх гласных, которые и разработали её текст. В резолюции говорилось следующее:

«Ввиду прямых и косвенных насилий советской власти над земством, явно нарушающих его автономию и парализующих его творческую работу, Верхотурское Уездное Земство прерывает свою деятельность. Чрезвычайное Земское Собрание предлагает Управе передать дела Уездному Совету рабочих и солдатских депутатов и призывает всех земских работников сохранить идею Земства и его традиции. Предвидя разрушение всех культурных ценностей Земства и будучи лишено возможности предотвратить его, Земское Собрание снимает с себя ответственность перед избирателями, которая ложится на тех, кто создал такое положение. Одновременно с этим заявляется, что состав Верхотурской Земской Управы сохраняет своё полномочие только до момента окончательной сдачи всего земского хозяйства» (5). При голосовании резолюция была принята большинством голосов, против подан только один голос. Резолюцию зачитали на закрытом совещании, после чего было объявлено, что чрезвычайное земское собрание прерывает свою работу. Таким образом, под

нажимом советских властей уездное земство вынуждено было сдать свои полномочия.

В отличие от правых эсеров, эсеры левые ещё на 1-ом уездном съезде Советов в январе 1918 года заявили о поддержке большевиков и выразили готовность работать в уездном Совете. Однако в начале марта 1918 года работа Совета оказалась фактически парализованной из-за острых разногласий между входившими в его состав большевиками и левыми эсерами. Причиной раскола стали внешнеполитические события. 3 марта между Советской Россией и Германией был подписан Брестский мирный договор, по которому наша страна ценой больших территориальных уступок выходила из войны с Германией. Отношение к этому договору у большевиков и левых эсеров было совершенно противоположным. Для обсуждения этого вопроса созвали 2-й уездный съезд Советов.

Представители левых эсеров, участвовавшие в работе съезда, выступили с резким осуждением мирного договора с Германией. Они заявили, что этот шаг Советского правительства является полной капитуляцией социалистической революции перед лицом международного империализма. Приняв такое решение, русская революция обезоруживает себя и не сможет вести борьбу как с внутренней, так и внешней контрреволюцией. Эта капитуляция является политическим самоубийством, сводит на нет все завоевания революции в России и положит конец борьбе за мировую революцию. Далее в резолюции фракции левых эсеров говорилось:

«Не будучи в состоянии вести войну в прежнем масштабе тем не менее считаем, что мы, как революционеры, отвергнув коалицию с русской буржуазией, не считаем возможным её начать с германскими империалистами. Перед лицом всего мира заявляем, что мы не сложим оружия, или умрём или выйдем победителями. Мы призываем все революционные силы на борьбу за международную революцию, на борьбу против карательного шествия хищнического капитала. Для этого предлагаем всем Совдепам всего Верхотурского уезда, всем Исполнительным Комитетам и всем комиссарам этих Совдепов категорически не допускать проведение в жизнь исполнения продиктованных германским империализмом требований. Мы настаиваем перед Областным Комитетом о скорейшем назначении съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Уральской области для провозглашения Советской Уральской Республики, как имеющей самостоятельное значение, как

оплота русской социальной революции, находящейся в особом благоприятном экономическом, географическом и стратегическом положении, могущей особенно полно и широко развернуть организацию военных и боевых сил трудового Урала для воспрепятствования проникновению германского хищничества в глубь Советской Уральской Республики и боевой защиты завоеваний трудового народа России. Долой всякое соглашательство с империалистами. Да здравствует международное восстание трудящихся в борьбе за Третий Интернационал!» (6).

Радикальные требования левых эсеров о провозглашении Уральской Советской Республики и продолжении войны с Германией не встретили понимания у большевиков, одобрявших Брестский мир. После бурных и продолжительных дискуссий делегаты 2-го уездного съезда Советов проголосовали за резолюцию, представленную фракцией большевиков. Левые эсеры вынуждены были снять свои требования и согласиться с мнением большинства. Таким образом, удалось предотвратить намечавшийся раскол и возобновить нормальную работу уездного Совета и всех местных органов власти.

25 марта 1918 года в Верхотурье открылся 3-й уездный съезд Советов на котором были сформированы советские органы власти и избран уездный исполнительный комитет из 13-ти человек. Пять человек в нём представляли партию левых эсеров: Черных Иван Афанасьевич (крестьянин) – комиссар сельскохозяйственного отдела, Постников Яков Демидович (крестьянин) – комиссар земледелия, Разсанов Михаил В. – товарищ комиссара земледелия, Лалетин Борис Фёдорович (учитель) – комиссар просвещения, Овчинников Василий Осипович (рабочий) – комиссар финансов (7). Позднее в списках ответственных работников исполкома встречается ещё несколько левых эсеров: Засецкий (фельдшер) – комиссар здравоохранения, Каргаполов – заведующий отделом социального обеспечения, Лебедев – делопроизводитель противопожарного отдела, Прудникова – секретарь исполкома (8). Биографические сведения сохранились лишь о некоторых из них.

Б.Лалетин родился 22 июля 1892 года. В 1914 году закончил Екатеринбургскую художественно-промышленную школу со званием учёного рисовальщика, преподавателя графических искусств в учебных заведениях, также получил специальность мастера-эмальера. В Верхотурье жил с января по сентябрь 1918 года. Первый редактор городской «Рабоче-крестьянской газеты», выходившей с 21 июня

1918 года. Участник 1-го Всероссийского съезда по народному образованию и 5-го Всероссийского съезда Советов, на котором принималась Конституция РСФСР. После Верхотурья работал в Перми, Ирбите, преподавал в художественном училище в Уфе. Последние годы жизни провёл в Первоуральске. 22 апреля 1970 года подарил 392 своих картины Первоуральскому хромпиковому заводу. Много картин, этюдов и рисунков Лалетина хранится в Верхотурском музее-заповеднике.

Я.Постников родился 7 марта 1881 (по другим данным –1880) года в деревне Постниково Верхотурского уезда в семье крестьянина. С 12-ти лет работал в Нижней Салде у купца Треухова, сначала был посыльным, затем приказчиком. Перед Первой мировой войной получил юридическое образование (где учился – неизвестно), в 1915-16 годах работал адвокатом в Нижне-Салдинском заводе. Революционером стал после встреч с революционно настроенными студентами и чтения нелегальной литературы. Занимался агитацией среди крестьян, находился под надзором полиции. Осенью 1918 года, после взятия Верхотурья белыми, был схвачен и расстрелян.

М.Разсанов летом 1918 года ушёл в красноармейский отряд, сформированный из левых эсеров. В октябре 1920 года его имя встречается в списках членов исполкома Надеждинского уездно-городского совета.

3-й уездный съезд Советов объявил земскую управу распущенной и потребовал немедленно передать все дела Совету. На следующий день члены Совета с небольшим красногвардейским отрядом заняли здание земской управы, были распущены все земские учреждения. Уездная земская управа прекратила своё существование и вся полнота власти на территории Верхотурского уезда перешла в руки уездного Совета.

В конце марта 1918 года Советская власть в Верхотурском уезде победила окончательно, но обстановка по-прежнему оставалась сложной. Непримируемой по отношению к новой власти была позиция возглавляемого правыми эсерами уездного Совета крестьянских депутатов, который ещё в январе отказался объединиться с уездным Советом рабочих и солдатских депутатов и выступил в поддержку Учредительного собрания. Не поддерживал он и политику Советской власти в отношении крестьян. На 18 марта был назначен Верхотурский уездный съезд крестьянских депутатов. Ввиду сильного противодействия властей его решили провести не в

Верхотурье, а в Нижнем Тагиле. Многие делегаты не смогли прибыть на съезд, поэтому, из-за недостаточного представительства, съезд объявил себя лишь частным совещанием. Оно решило, что созыв съезда в настоящее время, безусловно, необходим и постановило созвать его в Нижнем Тагиле 2 апреля. К рассмотрению предлагались следующие вопросы: о земле; о власти; о войне и мире; текущий момент. Представительство предлагалось следующее – один делегат от 1000 жителей; селения, насчитывающие менее 1000 жителей также присылали одного делегата. Сообщения о предстоящем съезде рассылались во все волости уезда.

22 марта в здание театра «Одеон», где находились участники совещания, пришли красногвардейцы и объявили совещание закрытым, а само здание опечатали. Исполком уездного Совета крестьянских депутатов вынужден был отложить проведение съезда на неопределённое время и перейти на нелегальное положение. В информационном сообщении исполкома уездного Совета крестьянских депутатов об этих событиях сообщалось: «Товарищи крестьяне! На 18 марта по новому стилю в Н-Тагиле был назначен Верхотурский уездный съезд крестьянских депутатов. Однако этот съезд ввиду того, что приехали представители только от 14 волостей, не состоялся. Состоялось совещание представителей этих 14 волостей и на этом совещании было постановлено созвать съезд на 2-ое апреля по новому стилю, о котором Исполнительный комитет Верхотурского уездного Совета крестьянских депутатов и разослал повестки. Но 22-го марта в здание «Одеон» явились красногвардейцы и от имени Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов в Н-Тагиле объявили наш Исполнительный комитет закрытым, а здание «Одеон», где помещался ранее до перехода в г.Верхотурье наш Исполнительный комитет, запечатали. Таким образом, наша организация посредством грубой физической силы переведена на нелегальное положение. Очевидно этой же силой будет разогнан и наш предполагаемый съезд. Ввиду этого Исполнительный комитет постановил: предполагаемый съезд в Н-Тагиле на время отложить, а о месте и времени его созыва объявить особыми повестками» (9).

В своём обращении к крестьянам Верхотурского уезда члены Совета так охарактеризовали взаимоотношения с местной властью и политическую ситуацию в уезде:

«Товарищи крестьяне! Верхотурский уездный съезд крестьянских депутатов, состоявшийся 10-14 января в городе Верхотурье, занял

определённую платформу защиты Русской революции в интересах трудового народа. На съезде был на очереди вопрос о слиянии Советов рабочих и солдатских депутатов с Советом крестьянских депутатов. Слияния не произошло. Крестьяне видели, что в Совете рабочих и солдатских депутатов проводится диктатура большевиков, которая ведёт к гибели Русскую революцию. Они стали на более правильный путь в защите революции. в интересах трудовых масс. Только ничтожная группа лиц в количестве 5 человек из 97 пошла за большевиками. Они большинству съезда заявили, что они выходят и снимают с себя все полномочия.

Большинство представителей съезда продолжило свою работу. Избрали новый состав Совета и Исполнительный Комитет, которому и поручили вести работу согласно постановлениям съезда. Но для большевиков, Совета рабочих и солдатских депутатов это было недостаточным доказательством, что крестьяне не пойдут за ними. Для них достаточно было того, что на крестьянском съезде побывали три ихних делегата, чтобы именовать себя и Советом крестьянских депутатов. Они самочинно надели маску крестьян и под именем Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов продолжают вести губительную политику и диктатуру большевиков, не считаясь с тем, что у них нет представителей крестьян. У крестьян имеется свой орган. Совет крестьянских депутатов и Исполнительный Комитет не раз заявлял категорический протест против самочинного именованья. Но протест для них ничто. Совет рабочих и солдатских депутатов (большевики) стал тормозом Исполнительному комитету крестьянских депутатов, всячески пытался остановить его работу. Объявили Исполнительный Комитет контрреволюционным. Перехватывали на почте вашу корреспонденцию и не пропускали нашу, которую мы посылали вам в деревню, посредством чего мы были совершенно оторваны от деревни, а вы от центра. А они, пользуясь этим случаем, рассылали своих агентов в сёла и деревни, которые сказали вам, что они от Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, убаюкивали вас разными обещаниями, как-то скорый демократический мир, земля, хлеб и т.д., которые мы сейчас от них видим. Что они нам дали, вместо справедливого демократического мира они дали нам похабный, губительный для России и революции сепаратный мир с империализмом Германии с аннексией и контрибуцией. Вместо справедливого уравнильного пользования землёй (социализации) они подносят вам нелепейшую

коллегализацию (коллективное пользование землёй). Вместо хлеба они дали полное разложение продовольствия и безхлебицу. Они самую хлебобродную полосу на юге России со всеми хлебными припасами отдали немцу. Издан декрет, что всех скупщиков, т.е. тех, кто будет закупать хлеб без их разрешения, беспощадно расстреливать на месте. Они уничтожили всеобщее избирательное право, свободы слова, печати, личности, неприкосновенности жилища и т.д.

Товарищи крестьяне! Где же все эти демократические свободы, которые дала нам февральская революция. Где же то обещание большевиков, которое они обещали народу, когда захватывали власть в свои руки.

Товарищи крестьяне! Мы ваши представители трудового крестьянства, Исполнительный Комитет Верхотурского уездного Совета крестьянских депутатов. Согласно постановления уездного крестьянского съезда мы не можем идти с большевиками, да и считаем гибелью для дела революции, и вели работу согласно съезда. Большевицкий Совет рабочих и солдатских депутатов нас разогнал. И мы сейчас совершенно не имеем возможности выполнять ту работу, которая возложена на нас. Мы хотели созвать крестьянский съезд, большевики нам заявили, что не допустят. И мы не имеем надежды, что наш съезд состоится, потому что в их руках штыки и пули. Съезд отложили.

Товарищи крестьяне! Решайте свою судьбу. Долой что стоит на этом пути! Да здравствует истинное народовластие и социализм!» (10).

Этим заявлением правые эсеры окончательно заявили о своём неприятии Советской власти. Летом 1918 года по Верхотурскому уезду прокатилась волна антибольшевистских крестьянских выступлений. Крестьяне протестовали против политики Советской власти в деревне, против насильственной мобилизации в Красную армию. Восстания продолжались до осени 1918 года, когда территория уезда была занята частями Белой армии. 1 июня исполком уездного Совета принял решение для укрепления Советской власти устранить правых эсеров и представителей других партий из всех местных органов власти.

Левые эсеры продолжали сотрудничать большевиками. Именно с их помощью большевики надеялись контролировать крестьянские массы. Помимо работы в исполкоме уездного Совета, представители партии вошли в состав созданного в июне Военного Совета уезда и

военно-революционного суда. Левый эсер Лалетин стал редактором «Рабоче-крестьянской газеты» (органа Верхотурского уездного исполкома). В первом номере газеты, вышедшей 21 июня, он так определил её задачи: «Газета задалась целью разъяснить рабочим и деревенской бедноте значение Октябрьской революции, а также освещать текущий момент, значение Советской власти».

14 августа в Верхотурье состоялось общее собрание левых социалистов-революционеров и сочувствующих. В протоколе собрания записано следующее:

«Тов. Лалетин, открывая собрание, обрисовал положение двух правящих партий: партии коммунистов-большевиков и левых социалистов-революционеров. Первые уже давно здесь в Верхотурье образовали комитет партии, у нас же, социалистов-революционеров, такого порядка до сих пор не существовало. Задачи сегодняшнего собрания – организация группы независимых социалистов-революционеров-интернационалистов и выборы членов в партийный комитет.

Предлагает на сегодняшнее собрание избрать председателя и секретаря; председателем единогласно избран тов. Худяков, секретарём Васильев.

Председатель собрания объявляет повестку дня: 1) доклад тов. Лалетина, 2) выборы членов в партийный комитет, 3) другие организационные вопросы. Повестка дня принимается.

Тов. Лалетин выступает как докладчик по поездке в Москву, где в это время разрабатывали и утверждали порядок конституционного управления в Российской Федеративной Республике, указывая вкратце те разногласия, которые произошли в центре между партиями коммунистов и левых эсеров.

Тов. Худяков, как председатель собрания, просит присутствовать только максималистов, левых эсеров и им сочувствующих, всех же остальных просит удалиться. После такого предложения председателя оставшихся оказалось 15 человек, список которых прилагается.

Список лиц, бывших на организационном собрании независимых социалистов-революционеров-интернационалистов: 1) Васильев Александр Емельянович, 2) Арефьев Борис Аркадьевич, 3) Десятова Татьяна Ильинична, 4) Татаринев Георгий Иванович, 5) Десяров Степан Васильевич, 6) Холкин Николай Фёдорович, 7) Чумаков Алексей Павлович, 8) Гуцин Николай Фёдорович, 9) Усанин Василий Назарович, 10) Мягков Николай Яковлевич, 11) Мухлынин Павел

Николаевич, 12)Овчинников Василий Осипович, 13)Постников Яков Демидович, 14)Лалетин Борис Фёдорович, 15)Худяков Яков Семёнович.

Тов. Худяков предлагает оставшимся приступить к организации комитета партии независимых социалистов-революционеров-интернационалистов.

Тов. Постников, указывая на темноту в деревенских массах, благодаря чему и было недавнее выступление деревни, которая под давлением деревенской буржуазии попала под их опеку, предлагает немедленно организовать комитет партии социалистов-революционеров независимых, который стоя на защите трудового крестьянства будет призывать их о необходимом участии в партии.

Тов. Овчинников предлагает не задаваться прениями и приступить к организации партийного комитета.

Председатель предлагает наметить из списка лиц, которые должны войти в партийный комитет.

Единогласно постановили, что комитет должен быть из 5-ти лиц. Из выставляемых кандидатур в комитет прошли следующие товарищи: Постников (17 голосов), Овчинников (14), Худяков (13), Лалетин (12), Васильев (9).

Тов. Васильевым предложено ещё избрать и два кандидата к ним. Предложение принимается, избранными оказались Гушин и (?).

Председателем собрания предложен на разрешение вопрос о принятии участия в редактировании «Рабоче-крестьянской газеты», издаваемой в городе Верхотурье.

По означенному вопросу единогласно постановили поручить комитету партии избраться из своей среды лицо для участия в редактировании газеты.

По вопросу о найме помещения постановлено поручить партийному комитету подыскать подходящее помещение.

Общие собрания членов партии постановлено проводить один раз в неделю, а именно в среду в 6 часов вечера нового времени.

По вопросу о взыскании средств постановлено: вступная плата с членов партии 5 руб. и в месяц 13% (?) отчисления с получаемого заработка.

Приём новых членов при поручительстве одного действительного члена партии и таковой вновь прибывший в течении одного месяца должен состоять кандидатом.

Председатель собрания Худяков. Секретарь А.Е.Васильев» (11).

6 сентября 1918 года в Верхотурье открылся 4-й уездный съезд Советов, в котором принимали участие делегаты из Верхотурья, Надеждинска, Турьинских рудников и других населённых пунктов. Всего в работе съезда принимало участие 110 делегатов, 10 из них представляли партию левых эсеров. В начале работы съезд подавляющим большинством лишил права голоса представителей левых эсеров, отказавшихся осудить действия Центрального комитета своей партии, выступившего против политики Советской власти в деревне, и они вынуждены были покинуть зал заседаний.

После этого в рядах левых эсеров произошёл раскол. Часть из них объявила себя «народными коммунистами» и выступила с декларацией, в которой провозглашался тезис о необходимости развития духовно и экономически свободной, критически мыслящей личности. Вместе с тем, они выражали полную готовность поддерживать социалистические преобразования в деревне, проводимые большевиками, признавали правильность внутренней и внешней политики Советского правительства. Основные принципы программы «народных коммунистов» состояли в следующем: 1) общественные формы сельского хозяйства (артели и общины), 2) в Советах принимают участие только трудящиеся (выборное право ограничивается цензом труда), 3) социальная опора – рабочие и крестьяне (трудовая интеллигенция является контрреволюционной), 4) одобрение Брестского мира, 5) создание хорошо организованной армии (12). Во фракцию «народных коммунистов» вошли члены исполкома уездного Совета, представлявшие в нём партию левых эсеров: Овчинников, Засецкий, Постников, Черных и Лалетин.

В сентябре отделом продовольствия и снабжения уездного исполкома составляется инструкция для учёта продуктов урожая 1918 года и определяются нормы, которые следует оставлять на потребности хозяйства на следующий, 1919 год. Все продукты, превышавшие данную норму, должны были изыматься и поступать в распоряжение продовольственного отдела уездного Совета. Указанные в постановлении нормы фактически обрекали крестьян на полуголодное существование до следующего урожая. С этим не были согласны входившие в состав исполкома представители левых эсеров (или «народных коммунистов», как они теперь себя называли). 19 сентября на очередном заседании комиссар сельскохозяйственного отдела Черных и комиссар земледелия Постников заявили о своём выходе из состава исполкома.

В начале октября к Верхотурью приближаются части Белой армии. В городе создаётся эвакуационная комиссия, в которую вошли представители исполкома, в том числе и представитель партии левых эсеров Овчинников. Местом эвакуации был назначен Нытвенский завод в Пермской губернии. 8 октября эвакуируемые, в количестве 721 человека, выехали по железной дороге. Однако эвакуироваться по разным причинам сумели не все. Так, после прихода белых был схвачен и казнён бывший комиссар земледелия левый эсер Постников. Сохранились воспоминания о его аресте: «Когда Верхотурский район был занят колчаковцами, Я.Д.Постников скрывался в лесу, иногда украдкой приходил домой, чтобы взять запас продуктов. В самом селе Постниково колчаковцев не было, они появлялись только наездом. Когда Яков Демидович возвращался из дома опять в лес и шёл по полю к лесу, оттуда выехала колчаковская разведка. Он успел выбросить револьвер, и хотя при нём ничего подозрительного не оказалось, его колчаковцы всё равно повернули и погнали в деревню. В Постникове его никто не признал, не выдал. Тогда погнали дальше, в Прокоп-Салду. Здесь-то и нашёлся человек, который выдал. Расстреляли Якова Демидовича Постникова у сторожевой будки и где похоронили неизвестно».

Ещё один левый эсер, бывший комиссар просвещения Лалетин эвакуировался из Верхотурья вместе с другими советскими работниками. После взятия Перми оказался на территории, занятой Белой армией. В мае 1919 года по доносу он был арестован и заключён в Камышловскую тюрьму. Однако по ходатайству Б.В.Пигулевского – директора Верхотурской женской гимназии, он был освобождён. После Гражданской войны в Верхотурье он уже не возвращался.

После вступления в Верхотурье Белой армии в городе возобновила свою работу Верхотурская уездная земская управа, ликвидированная большевиками в марте 1918 года. Новая власть восстановила полномочия депутатов, прерванные Советской властью. В составе земства не могли работать представители от партий большевиков и левых эсеров, на их места были избраны новые депутаты. Председателем уездной земской управы вновь стал правый эсер И.Морозов.

После того, как в ноябре 1918 года власть перешла к адмиралу А.В.Колчаку, объявившего себя Верховным правителем России, должность председателя уездной земской управы стала называться

«Уполномоченный Временного Правительства по Верхотурскому уезду». Захват власти Колчаком осудили представители меньшевиков и правых эсеров, так как Колчак разогнал Директорию – белое правительство, состоявшее из представителей этих партий. На местах меньшевики и эсеры отказывались сотрудничать с военными властями. Председатель уездной земской управы Морозов, как член партии правых эсеров, был отстранён со своего поста и арестован военными.

После этих событий деятельность правых и левых эсеров в Верхотурье постепенно прекращается. После окончания Гражданской войны сведений о деятельности представителей этих партий в Верхотурье пока не имеется.

Примечания:

1. АОАСГО. Ф.150, оп.1, д.9, л.1.
2. ОФВМ. Д.976.
3. ЦДООСО. Ф.41, оп.1, д.72, л.69об.
4. ТМ. Д.2415, л.20.
5. АОАСГО. Ф.150, оп.1, д.9, л.4.
6. Там же. Д.17, л.7-8.
7. НТГИА. Ф.9, оп.1, д.14, л.109.
8. ЦДООСО. Ф.4, оп.1, д.49, л.32-35об.
9. АОАСГО. Ф.150. оп.1, д.18, л.22.
10. Там же. Л.30-31об.
11. НТГИА. Ф.9, оп.1, д.12, л.22-23.
12. ЦДООСО. Ф.4, оп.1, д.13, л.55.

Фомичёв Игорь Алексеевич

Священник Африкан Богомолов

Одним из крупных религиозных центров Урала, наряду с Верхотурьем, до 1917 года был и Невьянск. Во многих православных храмах Пермской губернии служили выходцы из этого города. Одним из них был настоятель Всехсвятской церкви Надеждинского завода (ныне город Серов) отец Африкан Богомолов.

Африкан Афанасьевич родился в 1878 году в Невьянском заводе. В 1900 году окончил Пермскую духовную семинарию, в 1903 году рукоположен в сан священника и определён к Всехсвятской церкви

Надеждинского завода в связи с отъездом приходского священника Александра Рязановского (1). Надеждинский православный приход Всехсвятской церкви входил в состав пятого благочиннического округа Верхотурского уезда Екатеринбургской епархии, который включал в себя территорию Богословского горного округа.

Отец Африкан был человеком во многом одарённым и талантливым. Он обладал широким кругозором, знал несколько иностранных языков, при необходимости мог оказать врачебную помощь. В период своей службы в посёлке (1903-1919) он вёл церковную летопись. Характеризуя природные условия, в которых проживали надеждинцы в начале 20 века, Богомолов писал: «Климат суровый, зимы продолжительные, лета короткие. Снег выпадает иногда в половине сентября, а в начале октября начинается настоящая зима, снег держится до конца марта. Не раз бывали случаи, когда он выпадал и в середине мая. Почва болотистая, дерновая, подзолистая, суглинок и супесок» (2). Также «Летопись» содержала интересные сведения об истории посёлка и завода, которыми до сих пор пользуются местные историки и краеведы. Отца Африкана по праву можно назвать основоположником исторического краеведения в Надеждинске-Серове.

В его работе можно встретить много интересных фактов, повествующих о быте и жизни прихожан. Большинство населения посёлка, как пишет Богомолов, были людьми верующими. До открытия собственного храма все религиозные требы совершались священниками, приезжавшими из Богословска (Карпинск) и Турьинских рудников (Краснотурьинск). По крупным церковным праздникам в Надеждинский завод подавался специальный поезд для желающих ехать на службу во Введенский собор в Богословск. В 1898 году в посёлке освятили Всехсвятскую церковь, первым настоятелем которой стал отец Александр Рязановский. «Вплоть до 1905 года, - читаем в летописи отца Африкана, - население Надеждинского завода было религиозно настроенное, великодушное, сердечно отзывчивое. В воскресенья и праздничные дни церковь чрезмерно наполнялась народом. Прихожане, не вместившиеся в храм, стояли всю службу на улице под дождём или снегом, пронизываемые холодным ветром» (3). Постепенно религиозная настроенность населения стала падать. Главная причина, по мнению Африкана, фабрично-заводская жизнь, при которой материальные расчёты брали верх над духовными, поскольку в силу условий своей работы рабочий с утра до вечера

трудился в дыму, копоти, пыли, в страшной жаре, с огромным напряжением всех физических сил. Поэтому рабочие, в большинстве своём, думали о земном, а не о небесном. Духовная жизнь постепенно атрофировалась и замирала.

В период первой русской революции 1905 года участились конфликты между рабочими и администрацией завода. В сложившейся ситуации отец Африкан в своих проповедях призывал возмутителей спокойствия к законопослушанию, возлагая всю ответственность за происходившее на рабочих. Такое положение вещей значительно обострило отношение пролетариата к служителям культа в посёлке. Появились кощунственные выходки, как-то: не снятие шапок перед религиозными процессиями, курение в храме, грубость и угрозы в адрес священников. Однажды во время венчания в церкви двое пьяных юношей учинили драку, из-за чего пришлось остановить службу. Африкан Богомоллов, проводивший обряд, распорядился отправить их в полицию. На следующую ночь в его доме хулиганы выбили стёкла в окнах. Это был уже не первый подобный случай. После чтения перед прихожанами послания Святейшего Синода настоятелю Всехсвятской церкви вновь пришлось вставлять стёкла. В одну из ночей кто-то вымазал ворота священника дёгтем, что было неслыханным оскорблением духовной особы. В таких условиях Африкан Афанасьевич счёл невозможным продолжение дальнейшей службы. В середине 1907 года он покинул посёлок и продолжил службу священником Вознесенской церкви Каслинского завода Екатеринбургского уезда.

4 июня 1908 года во Всехсвятской церкви случился пожар, полностью уничтоживший храм. Ещё 16 сентября 1905 года в посёлке, по инициативе Богомоллова, был заложен Спасо-Преображенский собор, ставший архитектурным шедевром каменного зодчества Пермской губернии. После губительного пожара он стал возводиться более быстрыми темпами. Уже 30 ноября 1908 года церковь освятили и в ней начались богослужения. В апреле 1909 года отец Африкан вернулся в посёлок в должности настоятеля Спасо-Преображенского собора, одновременно исполняя обязанности помощника благочинного 5-го округа Верхотурского уезда, с 1910 года – духовный следователь. Первоначально в состав духовного причта храма входили два священника, диакон и два псаломщика. Вскоре, как показала практика, такое количество священников было недостаточно. Бесконечная вереница хозяйственных дел отвлекала Африкана от

церковных служб. Ему приходилось довольно часто ездить в епархию, отсутствуя дома по несколько дней. Остававшийся на службе священник не всегда справлялся с отпращиванием возросших духовных треб. Поэтому в 1912 году по настоянию Африкана Богомолова епархия открывает третью вакансию священника, её занимает выпускник Пермской духовной семинарии Леонид Коровин.

Огромное внимание Богомолов уделял подрастающему поколению, прививая детям идеалы нравственности, гуманизма и милосердия. Батюшка всегда был желанным гостем в школах посёлка Надеждинского завода. Его уроки насыщали внутренний мир ребёнка новым смыслом мироздания. Священник, в силу своих возможностей, пытался оградить детские души, избавить их от пороков взрослой жизни посёлка. Анализируя масштабы и причины пьянства, Богомолов резюмировал: «Трудность работы, хороший заработок, отсутствие культурных развлечений, заразительность худых примеров – всё это способствовало развитию народного пьянства и разгула. Не менее важную роль сыграло в этом и то обстоятельство, что здесь всегда и во всякое время дня и ночи можно достать водки в тайных притонах, в которых в обмен на водку принимаются не только денежные знаки, но и другие, имеющие ценность предметы, вплоть до снятого тут же платья» (4). Невзрачную картину пьянства дополняли невыносимые жилищные условия чернорабочих, способствовавшие падению морали и нравственности.

С 1903 по 1919 год Африкан Богомолов руководил деятельностью православных приходов Всехсвятской и Спасо-Преображенской церковью посёлка Надеждинского завода. Годы революции и Гражданской войны стали временем тяжёлых испытаний для многих клириков Русской Православной Церкви. Захват власти большевиками отец Африкан всячески осуждал в своих проповедях, считая новую власть незаконной. По распоряжению комиссара юстиции Верхотурского уезда Н.Сушкова в мае 1918 года за свою деятельность он был впервые арестован Екатеринбургской ЧК. В ходе следствия Богомолова содержали под стражей в городе Верхотурье. В его защиту выступил епископ Екатеринбургский Григорий. Владыка направил в уездный исполком письмо с просьбой освободить священника или передать его в Николаеский мужской монастырь (5). Следствие по делу Настоятеля Спасо-Преображенского собора затянулось на несколько месяцев. Из под стражи Африкана Афанасьевича освободили 13 октября, когда в город вступили части

Белой армии. В июле 1919 года отец Африкан эвакуировался на восток с Белой армией. Его имущество в декабре 1919 года, в основном это были книги в количестве шести ящиков, по распоряжению Ревкома было передано в библиотеку заведующему культурно-просветительским отделом. В списке числились: энциклопедические словари – 3 штуки, сборники журналов на русском языке – 33, на иностранном – 8, народная энциклопедия – 9, разные учебники – 16, энциклопедия Боньшо – 33, универсальная литература – 8, духовные книги – 19, разные журналы – 37, сборники нот – 27 (6).

В 1920 году отец Африкан вернулся из Сибири на Урал и служил в одной из церквей города Екатеринбург. В мае 1922 года в Русской Православной Церкви произошёл раскол. Группа московского духовенства во главе с епископом Антонионом (Грановским), отстранив от власти патриарха Тихона, образовала Высшее Церковное Управление (ВЦУ). Странники церковных перемен ратовали за осуществление ряда реформ, которые по их мнению, должны были приблизить церковь к задачам и потребностям современной жизни при советском строе. С этого времени сторонников церковных перемен стали называть обновленцами. Отец Африкан всецело переходит на сторону обновленцев считая, что в новых исторических условиях священники должны поддержать Советскую власть, иначе церковь может погибнуть. В связи с арестом архиепископа Екатеринбургского Григория епархией управлял епископский совет, куда входил и священник Африкан Богомолов. Вместе со священником Голубятниковым он создал инициативную группу в поддержку реформ ВЦУ, после чего был вызван в Москву, откуда вернулся в ранге уполномоченного ВЦУ. «В Екатеринбургской епархии дело обновления мы начали одними из последних, - сообщал в интервью газете «Уральский рабочий» в сентябре 1922 года Богомолов, - надо только удивляться близорукости архиепископа Григория, пытавшегося противодействовать этому могучему движению...». В ноябре Африкан Богомолов вновь был арестован Екатеринбургской ЧК по обвинению в содружестве с царской охранкой. Советская власть припомнила ему события октября 1905 года в Надеждинске, когда Африкан, по мнению следствия, был одним из организаторов демонстрации в поддержку Манифеста 17 октября и вдохновителем черносотенного погрома в Народном доме, закончившимся арестом революционеров и ликвидацией местного

Совета. Выдвинутые обвинения значительно подорвали авторитет Африкана в рядах обновленцев, которые не хотели ссориться с Советской властью. Хотя обвинения не были доказаны и Богомолова вскоре отпустили на свободу, Африкан Афанасьевич вынужден был оставить службу в церкви. С 1923 года на гражданской работе в Томске, с 1931 проживал в Новосибирске, с 1932 – в Ленинск-Кузнецке. В 1936 году переехал в город Омск, где работал счетоводом в аптеке №9. 1 декабря 1941 года вновь арестован. 25 марта 1942 года постановлением Особого Совещания при НКВД СССР приговорён к высшей мере. Расстрелян 22 апреля 1942 года в городе Омске. Реабилитирован в 1989 году.

Примечания:

1. «Екатеринбургские епархиальные ведомости» от 1 августа 1903 г. С.384.
2. АОАСГО. Ф.Р-253, оп.1, д.9, л.8.
3. Там же. Л.15.
4. Там же. Л.18.
5. НТГИА. Ф.9, оп.1, д.14, л.89-92.
6. АОАСГО. Ф.Р-183, оп.1, д.1, л.22.

Новиченков Николай Николаевич

Верхотурский воевода князь Д.П.Пожарский-Лопата (1625-1627 гг.)

«...Священные имена их не исчезнут в океане вечности... Они всегда будут воспламенять любовь к Родине в сердцах своих потомков. Завидный удел! Счастливая участь!» – писал В.Г. Белинский о памятнике Кузьме Минину и Дмитрию Михайловичу Пожарскому в Москве. Этот памятник знает, наверное, каждый россиянин с детских лет, он возникает в памяти каждый раз при имени Пожарского. Но ведь род Пожарских древний. Он оставил свой след в русской истории. Одним из забытых ныне представителей этого славного рода был князь Д.П. Пожарский-Лопата.

Пожарские – древний княжеский род, Рюриковичи. В XIII веке князь Иван Всеволодович, правнук Владимира Мономаха, получил прозвище Стародубского, по названию родовой вотчины - города Стародуба-Суздальского. Позже, через пять поколений, начиная с князя Василия Андреевича, Стародубские стали называться

Пожарскими, по имени унаследованного ими городка в Суздальском княжестве. Прежде этот городок назывался Радогость. Но после того, как во время татарского нашествия он был опустошен пожаром, восстановленный городок стал называться «Погар», или «Пожар». Родоначальник фамилии Пожарских – князь Василий Андреевич сражался на Куликовском поле под знаменами Дмитрия Донского (1).

Князья Стародубские-Пожарские стойко охраняли русские рубежи от нашествий кочевников, рубились с «псами-рыцарями».

К XVI веку род Пожарских обеднел, спустился с вершин московской знати, утратил былое значение, несмотря на свое древнее происхождение. Разделы родовых владений, переход земель в собственность монастырей за долги или по дарственным завещаниям на «помин умерших», а так же отчуждение вотчинных сел и деревень в «опричину» при Иване Грозном – все это подрывало имущественное положение Пожарских. В результате этого Пожарские во второй половине XVI века превратились в сравнительно мелких землевладельцев. Вместе с тем они постепенно переставали играть видную роль в государственной жизни, не занимали влиятельных должностей при царском дворе.

Князь Пожарский-Лопата Дмитрий Петрович являлся сыном князя Петра Тимофеевича Пожарского-Щепы.

Как и его родственник (правнучатый брат) «спаситель Отечества» князь Д.М. Пожарский, Дмитрий Петрович активный участник событий «смутного времени».

В октябре 1611 – марте 1612 годов земский староста Кузьма Минин и князь Дмитрий Михайлович Пожарский формируют в Нижнем Новгороде общерусское народное ополчение для освобождения Москвы и Русского государства от польско-литовских и шведских интервентов.

Один из участников закончившегося неудачей в 1611 году похода I-го народного ополчения на Москву атаман Заруцкий опасался возрастающего влияния Минина и Пожарского. Заруцкий выступил против народного ополчения. По его приказу казаки заняли Ярославль, а вслед за ними туда же направился из Владимира большой отряд атамана Андрея Просовецкого.

Весть об этом встревожила Минина и Пожарского. Захват Ярославля противником не только отрезал ополчение от богатого, еще не опустошенного войной севера, но и преграждал путь на Москву. Сначала предполагали идти из Нижнего Новгорода к Москве по

кратчайшей, суздальской дороге. Но затем перерешили, так как эта дорога пролегла через разоренную, оскудевшую область. Признали более удобным и выгодным идти в обход этих опустошенных мест, через Кострому и Ярославль, оставляя за собой в тылу богатый, а главное – надежный север.

– Кормить ополченцев по волжской дороге будет легче, чем по опустошенной суздальской дороге, – советовал Минин. – Голод для войска страшнее любого врага. Дорога через Ярославль самая надежная...

При этом было решено сделать остановку в Ярославле для пополнения и укрепления ополчения, с тем, чтобы подойти к Москве с большой ратью и наверняка разгромить захватчиков.

И вот теперь Заруцкий, захватив Ярославль, нарушал планы народного ополчения.

Медлить было нельзя. Снарядили большой отряд ополченцев, а во главе его поставили Дмитрия Лопату-Пожарского, опытного и надежного военачальника.

Лопата-Пожарский оправдал доверие, опередив Просовецкого, он вступил в Ярославль, разоружил казаков Заруцкого и посадил их в тюрьму. Просовецкий же, узнав, что Ярославль уже в руках ополченцев, повернул обратно.

Весть о победе Лопаты Пожарского обрадовала нижегородцев. Путь на Москву был очищен, и теперь можно было выступать всему народному ополчению» (2).

Пожарский-Лопата был послан на Пошехонье, где тоже побил и взял в плен много казаков, а оттуда отправился в Кашин, в погоню за предводителем казаков Толстым, бежавшим к князю Д.М. Черкасскому. В июле 1612 г. « при походе князя Д.М. Пожарского под Москву, для освобождения ее от поляков, передовым отрядом начальствовал князь Д.П. Лопата. Опасаясь пагубного влияния на этот отряд своевольных казаков, не признававших никакой дисциплины, князь Д.М. Пожарский велел князю Лопате стать у Тверских ворот и, не соединяясь с московским ополчением, действовать самостоятельно. Заруцкий недоброжелательно отнесся к шедшему из Ярославля ополчению и послал казаков перенять дорогу князю Лопате, с приказанием постараться умертвить его; замысел этот, однако, не удался, - и казаки были обращены в бегство.» 2-го августа передовой отряд ополчения – семьсот всадников под командованием Пожарского –Лопаты подошел к Москве и расположился у Тверских ворот.

На помощь осажденным в Москве полякам шли войска гетмана Хоткевича. 22-24 августа между отрядами Хоткевича и народного ополчения шли ожесточенные бои. «Рознь, существовавшая между главными предводителями земского ополчения, могла иметь гибельные последствия, так как поляки одерживали верх над русскими, а казаки князя Трубецкого не хотели помогать князю Пожарскому. 24 августа 1612 года князь Д.М. Пожарский был весьма в затруднительном положении и послал князя Д.П. Лопату к Авраамии Палицыну (келарь Троице-Сергиева монастыря, автор «Сказания об осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и от Литвы») служившему в то время у Ильи Обыденного, с просьбой подействовать на казаков» (3).

Вступившие в бой в решающий момент казаки Трубецкого во многом определили исход сражения. Хоткевич с остатками войск бежал. 26 октября польский гарнизон в кремле капитулировал. 1 ноября под звон колоколов, отряды народного ополчения вступили в Кремль.

В 1614 г. князь Д.П. Лопата, будучи воеводой в Самаре, отправил два стрелецких приказа под Астрахань, на помощь терским и астраханским служилым людям, против Заруцкого. Прежние самарские воеводы собирали в казну по 500 рублей в год, а князь Лопата собрал 12 тысяч рублей. Во время его воеводства в Самаре, у него, как видно из его челобитной царю Михаилу Федоровичу безвинно отняли его вотчину с. Козарь, в Рязанском уезде, пожалованную ему «за его службишку, и за кровь, и за Московское очищение.

На русской земле остались многочисленные разбойные отряды поляков, наемников, казаков. Они продолжали грабить и убивать. Особенно зверствовал отряд польского пана Лисовского. За тяжкие преступления его когда-то приговорили в Польше к смертной казни. Под его командой собралось около двух тысяч головорезов.

В 1615 г., в то время, как князь Д.М. Пожарский сражался с Лисовским, некоторые воеводы покинули города, а ратные люди разбежались. Когда Лисовский сжег Перемышль и находился между Вязьмой и Можайском, а князь Д.М. Пожарский занемог, против Лисовского был послан князь Лопата; не дойдя до Вязьмы, он, однако, воротился и стал на р. Угре. Царь Михаил Федорович велел ему идти в Можайск, но Лопата писал царю, что «ратные люди со службы разбежались, а которые и есть, и те бедны», и не пошел в Можайск,

несмотря на государев указ. Царь Михаил Феодорович послал казакам денежное жалованье, а князя Лопату велел посадить в тюрьму в Можайск, а потом быть на службе. В 1616 г. князь Лопата отправлен царем в Суздаль против «воров», боярских холопов и всяких безымянных людей, которые называются казаками, жгут села и деревни, побивают до смерти и грабят, крестьян пытают, доведываясь, где их пожитки, и хотят идти по городам. Вероятно царь остался доволен тем, как князь Лопата исполнил поручение, потому что вскоре после того послал его оборонять Тверь от воровских людей. По дороге к Клину и в самой Твери князь Лопата выдержал осаду от поляков и остался победителем. В 1618-1620 г. князь Лопата был воеводой в Твери. В челобитной, поданной в 1625 г. о награждении его «за Тверское осадное сиденье и за службу и за промысел» поверстаньем из поместья в вотчину, сказано, что во время воеводства в Твери, он доставил казне 1200 р. дохода в год, тогда как до него собирали лишь 200 р.; кроме того, он укрепил город, сделав новые башни и тайник и построив мосты; выкопал в городе колодец, прибавил «наряд», т.е. слил новые пищали, а на соборную церковь слил колокол благовестный в 200 пудов и сделал боевые часы. В 1619 г. князь Лопата получил от царя похвальную грамоту за ловко устроенный размен пленных между ним и польским полковником Казановским. В 1620 г. он – воевода в сторожевом полку на Крапивне, а в 1621 г. отпущен к Москве. В 1623 г. будучи воеводой на Двине, получил от царя грамоты о непритеснении игумена и братии Двинского Архангельского монастыря и о дозволении голландцу Демулину покупать у крестьян смолу на канатное дело, в чем мешали ему в Холмогорах сам князь Лопата и дьяк Сомов. В 1624 г., марта 20, воеводы были у государя «у руки», а князь Лопата не был, «сказался болен, убила его лошадь»; и он за болезнью отставлен и назначение на службу в Тулу отменено (4).

В 1625 году в апреле Д.П. Пожарский-Лопата и И.О. Уваров сменили на воеводстве на Верхотурье Н.И. Барятинского и М.С. Языкова, Вновь назначенные воеводы приняли печать, острожные ключи, а также провели осмотр дел в съезжей избе и остроге, и наряда, о чем составлена в Москву отписка: «... на Верхотурье...остроге и башнях наряду никакого нет... а острог...весь сгнил...»

В августе 1625г. из Москвы от царя Михаила Федоровича на Верхотурье направлена грамота воеводам о высылке по зимнему пути

наряда, зелья и свинца, о заготовке леса для острога и об устройстве его « на весну б однолично велели на Верхотурье... острог и башни делати...» «Острог Пожарского», простоявший с 1626 по 1642 год, состоял из 4-5 башен разной конструкции, между которыми заключены 5 прясел острожной стены с проезжими воротами (5). Полученные по зимнему пути оружие и боеприпасы позволили усилить боеспособность верхотурского гарнизона, в котором в 1624г. на 40 стрельцов приходилось всего 16 стволов огнестрельного оружия. Как человек с боевым опытом воевода Дмитрий Петрович уделял военным делам особое внимание. Время было беспокойное, доносили о волнениях калмыков. Выполняя царский указ, Пожарский занимается устройством острогов на реках Нейве и Тагиле.

Что представляли собой город и уезд к началу воеводства князя Пожарского-Лопаты.

К 1625 г. в Верхотурском уезде у русского населения было 2 слободы, 149 деревень, 3 заимки, 291 двор с 490 жителями мужского пола – дворовладельцами.

Сельское население уезда за первую четверть XVII в. настолько освоило новые плодородные земли, что некоторые поморские купцы вместо того, чтобы везти хлеб из Европейской России, закупали его в Верхотурском уезде. Это вызывало беспокойство местных и центральных властей, поскольку это вело к дороговизне хлеба в Сибири. В то же время правительство очень заинтересовалось возможностью проводить казенные закупки на месте: « Да и про то б расспросили всяких людей можно ли на Верхотурье хлебных запасов купить Сибирских городов служилым людям...»

Население Верхотурья к 1625 году составляло 35,5% от всей численности населения уезда – около 446 человек, а его прирост за три года составил примерно 34 человека. Реально в городе проживало несколько больше людей. Посадские поморских городов, привозившие «сошные запасы», плотники, строившие суда для отправки хлеба и других товаров в Сибирь, ссыльные, гулящие люди и пр. составляли иногда солидную часть общего числа жителей.

В Верхотурье проживало 128 человек посадских обоего пола, что составляло 28,7% от всего населения города, Низкий процент собственно городского (торгово-ремесленного) населения вообще характерен для российских городов XVII столетия, но было бы ошибкой считать уровень экономического развития Верхотурья низким. Необходимо учесть, что торгово-промышленной

деятельностью в городе занимались не только посадские, но также и служилые люди, так в 1624 г. двое верхотурских стрельцов были «серебренниками», один – портным мастером, один владел лавкой на посаде, а другой амбаром. Кроме того, в Верхотурье проживали казенные ремесленники, которые находились на положении служилых людей по прибору, Особо необходимо выделить верхотурских ямщиков, которые совмещали государеву службу по доставке «сибирских отпусков» из Европейской России со скупкой в округе хлеба, мехов и др. и перепродажей этого на рынке Верхотурья.

К 1625 г. в городе насчитывалось 18 лавок. Первый в Сибири кабак дал в 1624 г. прибыли в казну в размере 1357 рублей 35 копеек.

24,5% всего бюджета Верхотурья (664 рубля) составили таможенные поступления.

К 1625 году город стал первым и на долгое время единственным уездным центром в Сибири перешедшим на самообеспечение, в то время как большинство остальных сибирских городов имели дефицитный бюджет на всем протяжении столетия. Общий объем «бранья», т.е. сумма «окладных» (планирующихся в городской смете) и «неокладных» (случайных, разовых) доходов, составил в 1624 г. – 2.704 руб. Верхотурские доходы уступали только «бранью» главного города разряда Тобольска – 4.997 руб. в том же году. На протяжении всего XVII в местный денежный доход Верхотурья был одним из самых высоких в Сибири, наряду с Тобольским и Томским.

К концу первой четверти XVIIв. Верхотурье становиться заметным региональным религиозным центром. Кроме Николаевского и Покровского монастырей в уезде существовали ещё и Тагильский Преображенский, Невьянский Богоявленский и филиал Архангельского Устюжского монастыря. Монастырская братия обращалась к царю с жалобой на притеснения верхотурских воевод, которые запрещали желающим делать земельные вклады в монастырь. В 1622 г. Михаил Федорович разрешил делать земельные вклады, но воеводы продолжали, что называется, отслеживать ситуацию. В отписке воевод Д.П. Пожарского – Лопаты и И.А. Уварова от 31 октября 1625 г. сообщается о способах приобретения земель Николаевским монастырем: «А у иных де у служилых и у посадских людей и у пашенных крестьян и у ямских охотников пашенных земель и сенных покосов занято много, не одни займки. И те де свои лишние земли продают и закладывают, а иные де дают за вклад по душам в монастырь» (6).

Сылвенские и иренские остяки и татары жаловались в Москву, что платить ясак в Верхотурье им далеко и в 1626 году Пожарский – Лопата получил грамоту, разрешающую данным ясачным платить в Пермь Великую. В другой грамоте предписывалось князю Лопате велеть торговцам по прежнему ездить в Лозьвинскую, Сосьвинскую и Вагранскую волости для продажи хлеба и сукон вогуличам.

В 1626 г. в Верхотурье открылась новая лавка чердынского торгового человека О.Квечимова и лавочный «пристен» Г. Смикиткина. Старый гостиный двор с четырьмя горницами для купцов и амбарами уже не соответствовали потребностям, встал вопрос о строительстве нового.

Во время своего воеводства в Верхотурье, князь Пожарский-Лопата подал царю челобитную, с прописанием всей своей службы и с просьбой наградить вотчиной соответственно с «московскими осадными сидельцами». Лишь три года спустя, в 1628 г., он получил из поместья в вотчину «по уложению» со своего оклада в 1000 чети, по 20 чети со 100 чети. В 1627 г. князь Лопата был приставом у послов турецкого султана, встречал и провожал их по Переяславльской дороге, за Сретенскими воротами. В 1627-1628 гг. восемь раз был у государева стола и один раз у стола патриарха Филарета Никитича; в 1628 г. сопровождал царя к Троице и был у государева стола на пути туда в с. Воздвиженском, а на возвратном пути в с. Тонинском. В том же году воевода в Порхове, а в 1628 -1630 гг. – воевода во Пскове. Будучи обвинен вместе с товарищем своим князем Данилой Гагариным в разных злоупотреблениях власти, он подвергся в 1631 г. следствию, которое продолжалось восемь месяцев. Следователями назначены были новые псковские воеводы: князь Никита Михайлович Мезецкий и Пимен Матвеевич Юшков, а для делопроизводства состоял при них дьяк Евстафий Кувшинов. Во все время следствия собирали для показаний в съезжую избу городских и пригородных жителей всех сословий, духовенство, служилых людей, посадских и крестьян. Неизвестно, как было решено это дело, но надо полагать, что оно окончилось благополучно для князя Лопаты, потому как в том же 1631 г. он был при приеме шведского посла в Грановитой палате, а в 1632 и 1633 гг., в день Светлого Христова Воскресения, находился в числе дворян, которым царь велел свои государские очи видеть « в комнате». В 1634 г. он дневал и ночевал на государеве дворе во время похода царя на богомолье в подмосковный Николо – Угрешский монастырь. В том же году князь Лопата вместе с князем Дмитрием

Михайловичем Пожарским (они были правнучатые братья) подал царю челобитную о плохом поведении племянника их князя Ф.И. Пожарского в Можайске, пропившего и разматавшего все поместье. Они писали, между прочим, в челобитной: «Вели, государь, его из Можайска взять и послать под начало в монастырь, чтобы нам от его воровства впредь от тебя в опале не быть». В 1637 году князь Пожарский сделал значительный вклад в Суздальский Спасо-Евфимьев монастырь, пожаловав ему свою купленную вотчину в Тверском уезде, в Шеском и в Кушалинском станах, село Кушалино со всеми угодьями. Князь Лопата-Пожарский местничался с князем М.В. Прозоровским и с князьями Ромодановскими (7).

Примечания:

1. Берёзов П. «Минин и Пожарский». М., 1957. С.14.
2. Там же. С.237-238.
3. Русский биографический словарь. СПб, 1905. С.248.
4. Там же. С.248.
5. Корчагин П.А. «История Верхотурья (1598 – 1926)». Екатеринбург, 2001. С.92.
6. Там же. С.23.
7. Русский биографический словарь. СПб, 1905. С.249.

*Борисов Алексей Геннадьевич
Фомичёв Игорь Алексеевич*

Наши истоки – Надеждинск (к вопросу о возвращении исторического названия г.Серову)

В последнее время развернулась полемика относительно названия города Серова. Участники дискуссии приводят аргументы в пользу того, стоит ли возвращать городу Серову его историческое имя – Надеждинск, или оставить всё как есть. Следует заметить, что в ходе диалога с обеих сторон приводится большое количество легенд, домыслов, не имеющих ничего общего с исторической реальностью. Очень часто эмоции авторов переходят в оскорбительный тон по отношению к мнению своих оппонентов. Тем не менее, эта дискуссия показывает, что для многих жителей нашего города вопрос о его

названии сегодня далеко не безразличен, в связи с чем и нам, авторам этой статьи, хотелось бы высказать своё мнение.

Начнём с того, что в названии любого города так или иначе отражается история его возникновения. В споре между сторонниками и противниками возвращения нашему городу его исторического названия – Надеждинск, часто можно услышать вопрос: «А кто такая была Надежда Половцова, именем которой назван наш город?».

Надежда Михайловна Половцова – жена известного государственного деятеля Александра Александровича Половцова, владельца Богословского Горного Округа. Именно благодаря семье Половцовых появился Надеждинский сталерельсовый завод, который дал жизнь и имя нашему городу. Строительство Надеждинского завода положило начало бурному экономическому развитию Северного Урала, включению его во всероссийский рынок. Именно при Половцовых наш край, бывший по существу глухой провинцией, превратился в стабильно развивающийся экономический регион.

Для своего времени Надеждинский завод был крупным современным предприятием, давшим работу людям, приехавшим сюда из менее благополучных в экономическом отношении районов страны (Вятка, Поволжье, Западная Сибирь). Уровень оплаты труда рабочих и служащих не уступал столичным предприятиям. Естественно он зависел от квалификации работника. Так, квалифицированный рабочий Надеждинского завода получал в месяц до 33-х рублей (на Путиловском заводе в Петербурге – 31-32 рубля). Этой суммы, например, было достаточно для того, чтобы оплатить квартиру из трёх комнат в столице. А что сейчас? С 1899 года рабочим завода стали выделять в собственность земельные участки для индивидуального строительства. Качество жизни, как и теперь, зависело от уровня квалификации, а процент квалифицированных рабочих на предприятии был довольно высок (около 40%), так как на завод приезжали рабочие уже обладавшие профессиональными навыками. В 1895 году на средства Половцовых в посёлке были открыты заводская больница (земская появилась только в 1912 году) и начальная школа. В 1906 году Надеждинск соединился железной дорогой с железнодорожной сетью Российской империи.

В истории нашего города можно найти немало людей, ставших широко известными в России. Среди них были военные, металлурги, спортсмены, люди творческих профессий, ученые и т.д. Память о них, несомненно, должна сохраняться в названиях улиц, площадей,

общественных зданий. А имя городу, как и человеку, даётся только один раз – при его рождении. И не зависит от идеологических, политических, религиозных и иных веяний, которые приходят и уходят.

Можно сказать, что Половцовы выступили для нашего города своего рода родителями, давшими жизнь ребёнку по имени Надеждинск, а ребёнку негоже забывать своих родителей. С точки зрения исторической справедливости нашему городу в большей степени соответствует имя Надеждинск.

Колбина Эльвира Минировна

Верхотурский уезд в период столыпинской аграрной реформы

9 ноября 1906 года был издан указ, положивший начало столыпинской аграрной реформе.

Составной частью реформы явилось содействие переселенческому движению в Сибирь. После окончания революции, когда выяснилось, что прирезки земли от помещиков не будет, взоры российских крестьян устремились на восток. Несмотря на спешное развертывание переселенческого дела, правительство едва справлялось с возросшим числом переселенцев. В 1906-1916 г. в Сибирь уехало 3,1 млн. человек. В основном это были крепкие молодые люди. Сибири они принесли много пользы. Были распаханы новые земли, выросли новые города. Вывозили переселенцев в вагонах с маленькими зарешеченными окнами, прозванных в народе «столыпинскими».

Далеко не всех переселенцев ожидала удача. В особенно трудном положении оказывались те, кто получил участок в лесных и заболоченных местах, где у них не было ни надела, ни дома .

Не получая эффективной помощи от правительства часть переселенцев разорялась, многие возвратились обратно (в 1911 – 60% от общего числа уехавших). С началом Первой Мировой войны 1914-1918 гг. переселенчество резко сократилось (в 1913 г. за Урал переселилось 337 тыс., в 1914 г.- 232 тыс., в 1915 г.- 15 тыс. и в 1916 г.- 2,6 тыс. чел.). После Октябрьской революции 1917 г. переселенчество уступило место государственному плановому освоению отдаленных и малозаселенных районов.

Тех же, кто решил связать свою судьбу с Сибирью, в частности с Верхотурским уездом ожидало немало трудностей. Не было дорог, образовательных учреждений, пунктов медицинской помощи. Все эти проблемы приходилось решать Уездному Земству с Переселенческим правлением. Вопрос стоял очень остро, так вновь строящиеся объекты требовали значительных капитальных вложений, которых у Земства не было в наличии. Помимо всего прочего территория Верхотурского уезда была громадная - 52822 кв. км, не было ни времени, ни сил охватить её. И на этой территории располагалось приблизительно 150 переселенческих поселков. Здесь встал вопрос о разделении Верхотурского уезда на две части, чтобы наиболее эффективно управлять подведомственной территорией.

В ноябре 1907 года переселенческое управление Главного Управления Землеустройства и земледелия обратилось в Уездную Земскую Управу с предложением такого содержания:

«Согласно высочайше утвержденным 22 июня 1900 г. временным положением об образовании переселенческих участков в Вологодской и Пермской губерниях, Министерство Земледелия и Государственных имуществ поручило особой землеотводной партии определить могущих поступить под колонизацию свободных казенных пространств Верхотурского уезда; силами упомянутой партии был в течение пяти последующих лет образован ряд переселенческих участков, общей емкостью до 14650 долей, большая часть из которых была летом 1906 года зачислена за выходцами из внутренних губерний Европейской России.

Принимая во внимание, что почти все эти лица уже приступили ныне к водворению и к устройству своего хозяйства, район участков, образованных бывшей землеотводной партией, должен считаться заселенным. Встаёт в первую очередь вопрос о том, какое учреждение должно принять на себя заботы о дальнейшем упорядочении общих условий экономической и культурной жизни переселенческого населения Верхотурского уезда.

Нельзя не отметить, что в этом отношении Верхотурский район заведывания переселенческим делом, выгодно отличается от всех остальных, в которых крайняя малочисленность и сравнительно низкая степень культурного развития коренного населения делали до сих пор невозможным создание местных самоуправляющихся единиц, с широким кругом деятельности.

Поэтому во всех местностях Сибири и Степного края, осуществление всякого рода задач, как мелиоративного характера (проведение дорог), так и культурно-просветительных (открытие школ, организация врачебной помощи) невольно ложилось на органы государства, в частности на переселенческое управление главного управления землеустройства и земледелия, которое в этих целях и создавало свои специальные дорожные, гидротехнические и медицинские организации.

Такое положение дел не может считаться нормальным, так как не подлежит сомнению, что правильное налаживание общественной жизни населения может быть поставлено удовлетворительным образом лишь в том случае, если оно будет сосредоточено в руках местного самоуправления, близко стоящего к населению и органически с ним связанного.

«Для Верхотурского уезда этот вопрос приобретает особо важное значение именно теперь, в связи с предстоящим в ближайшем будущем возобновлении землеотводных работ в уезде, в бассейнах реки Лосьвы, Сосьвы, Еввы и Воробьиной, где возможно рассчитывать на образование 3-4 тысяч долей, могущих принять до 8000 душ населения обоего пола. Прибытие этих лиц тотчас же поставит на очередь вопрос о необходимости проведения новых дорог, открытия медицинских пунктов и т.п., так как в противном случае жизнь переселенцев в таёжной полосе, впервые поступающей под колонизацию, окажется невозможной» (1).

Кроме того, многочисленные ходатайства, которые поступали от новоселов, осевших в пределах Верхотурского уезда заставили переселенческое правление начиная с 1908 года приступить к созданию для названного района дорожной и медицинской инфраструктуры аналогичной тем, которые действуют в других районах заведывания переселенческим делом.

В докладе также указывались причины, по которым переселенческая организация не изъявляла желания брать на себя ответственность и заботы по устройству медицинского и дорожного дела в тех уездах, где уже налажены и действуют соответствующие организации. Одна из них заключалась в том, что в скором будущем новоселы станут плательщиками земских сборов и, следовательно, переселенческая организация естественным образом прекратит своё существование.

Переселенческое правление просило управу взять на себя часть забот об оседающих в пределах уезда переселенцах, путем распространения на их поселки общей сети земских медицинских пунктов, приобщения переселенческих селений к сооружаемой на земские средства дорожной сети. В этом случае переселенческое управление обещало содействовать денежными средствами за счет кредитов, отпускаемых на ведение переселенческого дела.

Земская управа в общем была согласна с доводами переселенческого управления, но отказывались брать на себя ответственность по обустройству дорог, школ, лечебниц и фельдшерских пунктов, в виду того, что водворенные переселенцы не только не состоят ещё плательщиками земства, но и казенные земли, им предоставленные, требовалось освободить от обложения земскими сборами. А также не был определен конкретный размер кредитов, которые могут быть представлены в распоряжение земства на обустройство сети дорог и медобслуживания.

«По первоначальным предположениям заведующего Верхотурским районом была намечена постройка дорожной сети общим протяжением до 50 верст и стоимостью около 35000 руб., которая будет обслуживать нужды новоселов, водворенных на участках Актайской и Отвенской групп, а также приступить к постройке больниц при ст. Верхотурье и с. Романово, при чем на эти постройки предполагалось ассигновать до 6000-7000 руб. Кроме того, намечается открытие фельдшерских пунктов в поселке Усть-Хмелёвском» (2).

Вопрос объединения переселенческой и земской медицинской организации 29 декабря 1907 г. был внесен на обсуждение врачебно-санитарного совета. На заседание были приглашены заведующий водворением в Верхотурском уезде Н.Н. Диго и врач переселенческой организации Кокорина-Турицина. Совет высказался за желательность слияния переселенческой и поселковой медицины и передачи её в руки земства с отпуском казенной суммы, но отнесся отрицательно к ведению земством врачебно-питательной организации по пути следования переселенцев на места их водворения.

На практике некоторое объединение переселенческой организации с земской в уезде произошло лишь в области медицинской помощи населению.

«Переселенческим правлением для удовлетворения нужд переселенцев в г. Верхотурье в наемном помещении содержится лечебница на 10 кроватей, амбулатория и аптека с персоналом из

одного врача, 2 фельдшеров, акушерки и необходимым числом служителей.

26.02.1908 г. по предложению заведующего водворением переселенцев Н.Н. Диго при земской Управе было организовано особое совещание для выработки согласованного плана деятельности земской переселенческой больницы в г. Верхотурье» (3).

За пределами города Верхотурья Переселенческое правление содержало один фельдшерский пункт в д. Титовой Усть-Лялинской волости. Остальные поселки вне района этого пункта обслуживались земскими фельдшерскими пунктами, причем стоимость проезда фельдшеров на поселки и стоимость отпускаемых переселенцам медикаментов возмещалась земству Переселенческим правлением.

В июле 1908 г. заведующий переселенческим делом в Верхотурье Н.Н. Диго сообщил управе, что в представляемой на 1909 г. смете он испрашивает кредит на больницу в с. Романовском и предлагает войти в соглашение с уездным земством по следующим вопросам: переселенческая организация внесёт в смету стоимость постройки больничного здания и вспомогательных служб, оборудование восьми кроватей, приёмного покоя и содержание больницы. Земство же оставляет за собой свой персонал и ассигнование и присоединяет помещение ныне существующего фельдшерского пункта. Отзыв на предложение заведующий просил сообщить письменно для приложения к смете.

Поставив условием предполагаемого объединения оказание амбулаторной и стационарной помощи, как коренному, так и переселенческому населению на одинаковых условиях, уездная управа ответила согласием на включение в объединённую организацию своего персонала – одного фельдшера и акушерки-оспопрививательницы с сохранением ассигнования на их содержание в пределах существующих в земстве окладов, а также и сумм, ассигнуемых в настоящее время на содержание приёмного покоя с двумя кроватями для стационарных больных (по смете 1908 г. - 479 руб.). Относительно окладов жалования фельдшеру и акушерки оговорено, что таковые могут изменяться в смысле повышения прогрессивными прибавками за выслугу лет и уменьшаться до минимального при определении новых лиц.

При таких условиях вместе с персоналом и ассигнованием к общей организации будет присоединено существующее помещение фельдшерского пункта.

«В других отраслях упорядочения общих условий экономической и культурной жизни переселенческого населения деятельность переселенческой организации ведётся по планам и проектам, разрабатываемым без всякого участия земства и выражается пока в проведении дорог. В области народного образования для переселенцев ничего ещё не предпринимается.

В медицинском деле переселенческая организация действует до некоторой степени по соглашению с земской управой, хотя выбор места для первой больницы в г. Верхотурье был решен вполне самостоятельно, в дорожном же деле никаких соглашений в смысле того или иного направления дорог с земством не делается. Между тем, казалось бы, мнение земства, как учреждения местного и постоянного, которому перейдут впоследствии все заботы о благоустройстве вновь колонизируемых местностей уезда, а в частности и поддержание устроенных дорог, должно иметь первостепенное значение. Так как переселенческая организация – временная организация, то должна считаться с интересами устраиваемых поселков и земства, в ведение которых они и инфраструктура этих поселков будут переданы. В вопросе устройства дорог легко можно упустить из вида выбор того или иного направления, а также если не учитывать очередности сооружений, то и излишки денежных затрат на создание таких дорог, значение которых может оказаться не существенным и оставить совсем без путей сообщения отдаленные поселения переселенцев».

В виду вышеизложенных доводов управа установила условия:

- 1) направление и план постройки дорог разрабатывать по соглашению переселенческой организации с Земской Управой.
- 2) кредиты, требуемые на их сооружение, выделять в распоряжение земства из средств Переселенческого Правления.
- 3) не облагать пошлинами материалы для постройки и ремонта дорог (камень, песок, лесоматериалы).

На таких же условиях могла бы быть принята земством и забота об обеспечении новоселов медицинской помощью, школами и организация для содействия успешной и рациональной постановки сельского хозяйства, развития скотоводства, кустарных и других промыслов.

Таким образом, признавая необходимым заботы о дальнейшем упорядочении общих условий экономической и культурной жизни переселенческого населения уезда сосредоточить в земстве, управа

полагает, что никаких расходов на удовлетворение этих нужд до полного устройства переселенцев - на земский бюджет принять быть не может.

«Заселение свободных казенных пространств Уездному Земству никаких новых источников дохода не приносит, между тем как смета земства является до того обременённой, что заключение её с предельным законным увеличением представляется невозможным, причем возложение на коренное население уезда каких-либо расходов по устройству быта являлось налогом обременительным и несправедливым, так как производимая правительством колонизация удовлетворяет земельные нужды не коренного местного населения, а выходцев из внутренних губерний Европейской России. Коренному населению уезда, соседних с заселяемыми пространствами местностей причиняется явное стеснение и обременение в виде расходов по содержанию местного правления без сбора какого-либо налога с переселенцев. Так, во многих местностях отведены под заселение казенные оборочные статьи, составлявшие крайнюю необходимость для местного крестьянства. Статьи эти, в большинстве случаев заключают в себя сенокосные угодья, разбросанные по лесам, разработаны были коренным местным населением и всегда состояли в его использовании. Следовательно, производимая в общегосударственных интересах колонизация населения выходцев из внутренних губерний и устройство их на новых местах, принятое правительством на себя, должно всецело ложиться на Государственный бюджет» (4).

Особо пристальное внимание уездным земством уделялось организации медицинского обслуживания переселенческого населения. Этот вопрос обсуждался 26 февраля 1908 года на совещании Земской Управы, в котором принимали участие: товарищ председателя Управы М.В. Корчемкин, члены Управы М.И. Спиридонов и Н.П. Караваев, врач Верхотурской Земской больницы А.А. Старцев, провизор В.В. Первушин, ветеринар И.Д. Сиверцев. От переселенческой организации: заведующий Н.Н. Диго, врач М.В. Турицына –Кокорина и представители фельдшерской организации с обеих сторон.

Было прочитано отношение г. заведующего переселенческим делом г. Диго от 9 января за № 54, которым предлагается настоящему совещанию обсудить вопрос о выработке согласованного плана параллельной деятельности земской и переселенческой больниц

применительно к специализации медицинского персонала, выражающейся в том, что персонал земской больницы по преимуществу мужской, а переселенческой – женский.

В развитие письменного предложения Н.Н. Диго ознакомил присутствующих с мотивами возбуждения предлагаемого на обсуждение вопроса, рассмотрев которые, совещание приняло:

1) амбулаторному лечению сохранить устанавливающийся на практике порядок взаимного приема больных в земской амбулатории – переселенцев и в переселенческой и в переселенческой – земских, чем предоставляется свобода выбора обращения к персоналу той или другой организации самим больным; отпуск медикаментов переселенцам должен производиться из переселенческой больницы, а земским больным – из земской. При отпуске же медикаментов переселенцам из земской аптеки – Переселенческое Управление уплачивает их стоимость с накладными расходами, как практиковалось до сих пор;

2) обращаясь к вопросу об установлении планомерности в стационарном лечении, прежде всего принято во внимание, что земская больница на 45 кроватей, обслуживающая район пригородного участка с населением свыше 29 тыс. человек, бывает всегда переполнена и предоставление в ней части кроватей для переселенцев без явного ущерба для коренного населения представляется невозможным. Точно также и переселенческая лечебница с 10 кроватями не может удовлетворять запросы 18 тысячного населения водворенных уже переселенцев и поэтому какая-либо специализация распределения больных, впредь до предположения переселенческим Управлением постройки больницы, не может осуществиться.

В видах же наиболее продуктивного использования помещений обеих больниц решено предоставить врачам однородных больниц сгруппировать в ту или другую больницу, расчет между учреждениями должен производиться лишь за число больных, превышающее взаимность по средней стоимости содержания лечения.

3) заведующий переселенческой организацией Н.Н. Диго, сообщив о разрешении Главным Переселенческим Управлением кредита на постройку лечебницы в г. Верхотурье, просил совещание высказаться, какого типа следует строить здание в виду объединения земской и переселенческой медицинской организации.

На всестороннем обсуждении этого вопроса представители Земства указывали, что в виду удаленности от г. Верхотурья значительной части переселенческих поселков, расположенных по соседству Усть-Лялинской, Караульской и Меркушинской волостей и полной необеспеченности их, равно и местного населения стационарной помощью – постройки новой лечебницы представлялось бы наиболее желательною в одном из указанных районов, но так как, по заявлению г. заведующего переселенческим делом ассигнованный кредит может быть использован лишь на постройку лечебницы в г. Верхотурье, Совещание признало, что в видах наиболее продуктивного использования больничных зданий – за счет кредита переселенческого Управления следует строить заразное отделение, с переводом в которое заразных больных из земской больницы – последняя может быть всецело приспособлена для больных хирургических и терапевтических (5).

Таким расширением стационарной помощи в г. Верхотурье будет удовлетворена потребность коренного и переселенческого населения лишь ближайшего района; население же коренное и переселенческое Усть-Лялинской, Караульской, Меркушинской и частью Красногорской волостей останется по-прежнему такую помощью не обеспечен.

Примечания:

1. ОФВМ. Д.77 «Доклады Верхотурского уездного земского собрания 39-й очередной сессии 1908 года», т.4, с.74-75.
2. Там же. С.77.
3. Там же. С.78.
4. Там же. С. 79.
5. Там же. С.80-81.

Борисов Алексей Геннадьевич

Памятник военнопленным Первой мировой войны в Серове

В годы Первой мировой войны 1914-1918 гг. Надеждинск (ныне город Серов) стал одним из населённых пунктов Верхотурского уезда, где компактно содержались военнопленные из армий Германии и союзных ей государств. До сих пор в Советском посёлке, на месте бывшего городского кладбища стоит памятник, сделанный из бетона.

Поверхность его обработана под дикий камень, высота более 2,5 метров. Несмотря на уже довольно солидный возраст, памятник достаточно хорошо сохранился. Нет только таблички и железной цепи, которой он, по словам местных жителей, был когда-то окружён. При ликвидации старого кладбища в 50-е годы 20 века памятник пытались вытащить из земли или сломать, но он оказался прочным и неподатливым. В конце концов, его решили оставить в покое. Так он оказался во дворе одного из частных домов, построенных на этом месте. Там стоит и поныне. Памятник посвящён военнопленным, умершим в Надеждинске и похороненным на кладбище в годы Первой мировой войны.

За всё время войны в Надеждинске побывало около 5 тысяч военнопленных. С начала 1915 года их труд использовался на самых тяжёлых и грязных работах, таких как разгрузочно-погрузочные, лесоперевозки, подвозка руды на завод, строительство. Военнопленные, работавшие на заводе, жили в более сносных условиях, получали за свой труд так же, как и русские рабочие. Гораздо худшие условия были у остальных. Например, много пленных работало на строительстве железной дороги Надеждинск – Самские рудники. Жили они зимой и летом в простых землянках, в которых было постоянно темно и сыро. Зимой, при сильных морозах и снежных выюгах, киркой и ломом долбили глубоко промёрзший грунт. Все работы производились вручную. Часто нормы не выполнялись, тогда начальство уменьшало размер пайка, который и так был невелик. За условиями содержания военнопленных следили представители международных организаций, в Надеждинске это были представители шведского общества Красного Креста пастор Вильгельм Сарве и Норлин (1). Но, несмотря на это, условия были далеки от идеальных.

По метрическим книгам Спасо-Преображенского собора в Надеждинске удалось установить имена военнопленных, похороненных на местном кладбище. За время войны умерло 304 пленных (1915 год – 32 человека, 1916 – 112, 1917 – 102, 1918 – 57, 1919 – 1) (2). Небольшое количество умерших в 1915 году объясняется тем, что в это время пленные только начали прибывать в Надеждинск и количество их было невелико. А в 1918 году они наоборот стали покидать город и возвращаться на родину. Первый в списке умерших военнопленных – Эдуард Манн (18 мая 1915 года), последний – Ян Инторкович (12 мая 1919 года). Причины смерти

самые различные, наиболее часто встречаются чахотка и цинга. Иногда пленные становились жертвами несчастных случаев: Габор Радакович (утонул в р. Какве), Франц Яновский (погиб в мартеновском цехе от угара), Янош Крупп (также погиб в мартеновском цехе), Иоганн Вайчек (раздавлен поездом). Бывали и случаи самоубийств.

Подавляющее большинство военнопленных составляли солдаты австро-венгерской и германской армий. Национальный состав пленных очень широкий, тут можно встретить австрийцев, немцев, венгров, чехов, словаков, поляков, украинцев, румын, болгар, хорватов, словенцев, итальянцев, турок. Отношение к ним было неодинаковым. Представители славянских народностей пользовались определёнными льготами. Так, они могли в свободное от работы время без конвоя выходить на улицу, посещать магазины, имели право отправлять по почте корреспонденцию. В сентябре 1917 года группа пленных чехов и словаков, работавших на Надеждинском заводе, изъявила желание поступить добровольцами на службу в чехословацкий корпус и принять участие в военных действиях на стороне Антанты. В списке, поданном конторой завода Верхотурскому уездному воинскому начальнику, значится 91 человек (3).

К сожалению, ни в архивах, ни в Серовском историческом музее не удалось разыскать каких-либо документов рассказывающих об истории памятника умершим военнопленным. По косвенным данным сооружён он был вскоре после окончания Первой мировой войны, в 1918 году на средства Богословского Горного Округа по инициативе международного общества Красного Креста. Памятник этот интересен ещё и тем, что если он был сооружён не позднее 1919 года, то его с полным основанием можно считать первым в городе Надеждинске (Серове). Ведь монумент жертвам белого террора периода Гражданской войны был поставлен в городе лишь в ноябре 1919 года, позднее в городе стали появляться и другие памятники. Не хотелось бы, чтобы такой интересный и не совсем типичный для наших мест памятник был забыт окончательно и разрушен.

Примечания:

1. ГАСО. Ф. 183, оп. 1, д. 70, л. 235.

2. Отдел ЗАГС администрации Серовского городского округа. Метрические книги Спасо-Преображенского собора за 1915-1919 г.г.
3. АОАСГО. Ф. 150, оп. 1, д. 11, л. 1 - 2.

Фомичёв Игорь Алексеевич

Памятник жертвам белого террора в Надеждинске

События Гражданской войны не обошли стороной и Надеждинск (ныне г.Серов) – административный центр Богословского горного округа. С 20 октября 1918 по 14 июля 1919 года заводской посёлок был занят подразделением 16-го Ишимского полка Белой армии. Здесь находились гражданская администрация и управление военного коменданта БГО, милиция, волостное земство. В условиях военного времени постановлением Сибирского правительства от 20 июня 1918 года на территориях, освобождённых от большевиков, создавались следственные комиссии с чрезвычайными судебными полномочиями. В задачи таких комиссий входило выявление лиц, принадлежавших к руководству РСДРП(б), партии левых эсеров, анархистов, командному составу Красной армии. Комиссия санкционировала проведение обысков, арестов, занималась контрразведывательной деятельностью, выявляла большевистское подполье, пресекала саботажи и, как результат, выносила смертные приговоры, подменяя собой органы правосудия. Смертной казни по законам военного времени подлежали лица, совершившие следующие преступления: 1) участие в вооружённом восстании против существующего правительства и призыв к таковому, 2) умышленный поджог, истребление, приведение в негодность воинского снаряжения, вооружения, средств нападения и защиты, запасов продовольствия и фуража, 3) умышленное истребление и повреждение водопроводов, мостов, плотин, шлюзов, колодцев, бродов и иных средств, назначенных для передвижения, переправы, судоходства, предупреждения наводнения или необходимых для снабжения водой, 4) умышленное истребление и повреждение всякого рода телеграфов, телефонов или иных аппаратов, назначенных для передачи известий, 5) умышленное повреждение железнодорожных сооружений, пути, подвижного состава и установленных знаков для железнодорожного движения и на водных путях, 6) вооружённое нападение на места заключения, на часового, военный караул и всякого рода стражи, вооружённое

сопротивление караулу и страже, 7) всякое умышленное убийство, покушение на убийство должностных лиц и при исполнении ими служебных обязанностей, 8) изнасилование, разбой и умышленное зажигательство или потопление чужого имущества (1). В Надеждинске следственная комиссия действовала при комендантском управлении. В её состав входили гласные волостной земской управы Карпов, Рябов, Савёлов, начальники милиции подпоручик М.Соловьёв, а впоследствии - поручик Злыгостев. Руководил работой комиссии военный комендант, поочерёдно эту должность занимали подпоручик Переверзев, поручик М.Соловьёв, корнет Н.Н.Мензелинцев, поручик С.Н.Бухман (2). Оперативно-розыскные мероприятия проводились силами милиции. Помощь в выявлении советских активистов властям и оказывали местные жители, особенно пострадавшие в период правления большевиков.

Расстрелы производились на восточной окраине посёлка недалеко от татарского кладбища отделением Анатолия Минакова из состава комендантской роты. Подразделение Минакова надеждинцы называли карательным отрядом. В советское время деятельность карательного отряда связывали с именем князя Вяземского, которому местные краеведы приписывали казнь 23-х советских работников в ночь на 21 ноября 1918 года. На самом деле он к расстрелам не имел никакого отношения. Корнет Вяземский – военный комендант Новой Ляли, был направлен на север Верхотурского уезда для охраны Сибиряковского тракта, по которому предполагалось соединиться с архангельской группировкой генерала Миллера. Вяземский выполнял чисто военные задачи и в деятельность следственной комиссии не вмешивался. В Надеждинск он прибыл в конце ноября и находился здесь не больше недели. Пополнив свой отряд медикаментами, продовольствием и гужевым транспортом он направился в Никито-Ивдель к месту постоянной дислокации. Факт массового расстрела архивными данными не подтверждается. Казни осуществлялись не в один день, а в течение всего времени пребывания белых в посёлке. К сожалению, эта легенда до сих пор повторяется некоторыми современными исследователями в своих работах.

После ухода белых на братской могиле установили памятник жертвам белого террора, открытый на траурном митинге 7 ноября 1919 года. Памятник представлял из себя обвитую ветвями деревянную беседку. Рядом с ним установили изготовленные из металла развевающиеся знамёна, на одном из которых было написано:

«Спите орлы боевые, спите спокойно, душою вы заслужили, родные, славу и вечный покой». Образцом для проекта надеждинского памятника послужил мемориал жертвам революции на Марсовом поле в Петрограде.

Первоначально на памятнике значилось 20 фамилий казнённых жителей Надеждинска: 1) Барышева С.А., расстреляна за распространение антиправительственных прокламаций, член партии левых эсеров; 2) Брызгалов Михаил Петрович, казнён 3 декабря 1918 года, участник подполья, большевик; 3) Денисов Ю.М., командир Красной армии, участник подавления крестьянских восстаний в уезде летом 1918 года; 4) Емельянов Алексей Дмитриевич (12 ноября 1918 года), рабочий, боец продовольственного отряда, большевик; 5) Ендальцев Илья Разумович (4 декабря 1918 года), рабочий-слесарь, хозяин явочной квартиры, большевик; 6) Исаев Иван Никитич (17 декабря 1918 года), распространял нелегальную литературу, большевик; 7) Касаткин Александр Степанович (20 ноября 1918 года), красногвардеец, участник подавления восстания в Никито-Ивделе; 8) Карачёв Сергей Капитонович (20 ноября 1918 года), красногвардеец, участник подавления крестьянских восстаний в уезде летом 1918 года; 9) Калганов Дмитрий Фёдорович, красногвардеец, участник подавления восстания в Никито-Ивделе; 10) Козлов Дмитрий Федотович, 18 лет (21 ноября 1918 года), распространял антиправительственные воззвания среди рабочих завода, левый эсер; 11) Кокорин Н.Н., подпольщик, работник биржи труда, левый эсер; 12) Ледохович Мечислав Феликсович (20 ноября 1918 года), рабочий рельсoproкатного цеха, один из руководителей уездного комитета партии левых эсеров; 13) Мурашов В.П., комиссар продовольственного отряда; 14) Обрезков П., красногвардеец; 15) Пospelов Прокопий Петрович (12 ноября 1918 года), член Надеждинского Совета, заместитель начальника военного отдела, большевик; 16) Порошин Григорий Зиновьевич (октябрь 1918 года), служащий общества потребителей, Заместитель начальника продовольственного отдела окружного Совета БГО, левый эсер; 17) Смольников Алексей Николаевич, 36 лет (22 ноября 1918 года), казначей исполкома окружного Совета БГО, большевик; 18) Сунцов Изосим Максимович (6 января 1919 года), член Надеждинского Совета; 19) Ченцов Александр Иванович, 24 года (20 ноября 1920 года), красногвардеец, участник подавления крестьянских восстаний в уезде летом 1918 года; 20) Огородников А.Н., член исполкома

Надеждинского Совета, большевик (3). Даты казни приведены по старому стилю, в соответствии с записями в метрических книгах Спасо-Преображенского собора. Следует заметить, что не всегда рассмотрение дел следственной комиссией завершалось вынесением смертного приговора. Так, например, одни из руководителей надеждинского подполья – большевики М.Д.Соловьёв и О.Н.Соловская, арестованные в апреле 1919 года, по приговору следственной комиссии были отправлены в Пермскую тюрьму, откуда их освободила Красная армия. В 1925 году Надеждинский горсовет установил День памяти жертв белого террора, который отмечался 5 декабря траурными шествиями и митингами у братской могилы. Традиция сохранялась до 1936 года, пока День памяти не совпал с Днём советской конституции.

К 40-летию Советской власти, в 1957 году, на месте деревянного памятника возвели обелиск из кирпича и бетона пирамидальной формы, высотой 2,5 метра, окружённый металлической изгородью. Надпись на мемориальной доске гласила: «Вечная память борцам, павшим за власть Советов в 1918 году», ниже значились всё те же 20 фамилий. В 1965 году по ходатайству краеведов города Североуральска (бывший Петропавловский завод) к этому списку добавили ещё шесть фамилий членов Петропавловского Совета, расстрелянных в Надеждинске. На памятнике появилась вторая табличка со следующими именами: П.И. Палехов (начальник продовольственного отдела Петропавловского Совета), П.Г. Баянов, Н.Г. Кузнецов, П.П. Ожегов (председатель общества потребителей), Н.М. Паршуков (начальник милиции), И.М. Дерябин.

Накануне 70-летия Октябрьской революции, в 1987 году на месте кирпичного обелиска построили мемориальный комплекс. Автором проекта была Ольга Чиберёва – сотрудник отдела архитектуры Серовского механического завода. Комплекс включает в себя две железных стелы в виде стилизованных штыков и гранитный обелиск. На нём установили мемориальную доску из белого мрамора с надписью «Вечная память борцам, павшим за власть Советов в 1918 году» и именами погибших. К открытию мемориала была проведена работа по уточнению количества казнённых, в результате список вырос до 29-ти человек. К нему добавили имена Е.В. Некрасова (председателя земельной комиссии Филькинского сельского Совета), А.Д. Путилова (комиссара по продовольствию того же Совета) и Василия Алексеевича Землянова (комиссара по управлению делами

национализированного БГО до февраля 1918 года). Длительное время Землянов занимал вакансию регента церковного хора Спасо-Преображенского собора. Его настоятель священник Африкан Богомолов в мае 1918 года был арестован губернской ЧК за антибольшевистскую агитацию. Арест Богомолова бросил тень подозрений на Землянова. Товарищи обвиняли его в неискренности убеждений. Впоследствии ему стали приписывать соучастие со следственной комиссией, в результате которого якобы были арестованы и расстреляны ряд советских и партийных работников, в силу чего фамилия Землянова ранее не была занесена на памятник. Документов, подтверждающих факт предательства, обнаружить не удалось. В итоге только в 1987 году имя Землянова увековечили на новом обелиске.

Как показали дальнейшие исследования, список казнённых из 29 фамилий оказался неполным. В нём до сих пор отсутствуют фамилии двух человек. В конце октября 1918 года белыми был арестован и расстрелян комиссар юстиции Богословского окружного Совета рабочих и солдатских депутатов Виноградов Константин Валерьянович, находившийся на лечении в Надеждинской больнице после ранения, полученного при подавлении Ивдельского восстания (4). В метрической книге Спасо-Преображенского собора содержится запись о расстреле 9 января 1919 года Дёминцева Николая Михайловича. В списке расстрелянных белыми, опубликованном в надеждинской газете «Пролетарий» №123 за 1932 год значатся ещё четыре фамилии: Коптяков Василий Семёнович (17 октября 1918 года), Спиридонов Михаил (14 октября 1918 года), Агафонов Михаил Михайлович (5 марта 1919 года) и Путятин Василий Макарович (1 марта 1919 года). Где и за что были казнены эти люди – установить пока не удалось. Таким образом, Надеждинской следственной комиссией был вынесен 31 смертный приговор.

Примечания:

1. ЦДООСО. Ф.41, оп.2, д.355, л.57-58.
2. АОАСГО. Ф.Р-253, оп.1, д.22, л.1-3.
3. Отдел ЗАГС администрации Серовского городского округа. Метрические книги Спасо-Преображенского собора за 1918-1919 гг.
4. АОАСГО. Ф. Р-253, оп.1, д.14, л.39об.

Б.В.Пигулевский – краевед и общественный деятель Верхотурского края

Борис Васильевич Пигулевский оставил заметный след в общественно-политической и культурной жизни Верхотурского уезда начала XX века. Родился он в 1884 году в городе Бобруйске (Белоруссия) в учительской семье. В 1903 году закончил гимназию в Вильно (ныне – г.Вильнюс) и поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, который успешно закончил в 1909 году. Ещё будучи студентом начал заниматься политикой, в 1904 году вступил в РСДРП, примыкал к меньшевикам. В том же году за участие в демонстрации высылался из Петербурга на родину.

После окончания университета Пигулевский приезжает на Урал, где в течение 27 лет работает педагогом в различных учебных заведениях. С 1909 по 1914 год преподавал в Верхотурской женской гимназии. В 1914-1916 годах работал инспектором народных училищ в Златоусте и председателем совета женской гимназии. В 1916 году вернулся в Верхотурье, до 1918 года – преподаватель и директор (по выборам земства) мужской прогимназии. Многие из учеников Бориса Васильевича впоследствии тепло вспоминали своего учителя. «Самой яркой личностью в женской гимназии был Б.В. Пигулевский – человек, закончивший Петербургский университет. Если не хватало учителей, он мог вести почти все предметы, кроме рисования и пения. До открытия мужской гимназии он вёл уроки в женской гимназии по физике и космографии. Все кто учился у него, отзывались о нём с восторгом. Уроки у него всегда были интересными. А главное – он давал прочные знания. Много времени уделял внеклассной, кружковой работе» (1).

Бурные революционные события 1917 года вновь заставили Бориса Васильевича заняться политикой. После Февральской революции общественная и политическая жизнь в тихом и спокойном до этого Верхотурье заметно активизируется. Оживляется деятельность различных политических партий: эсеров, большевиков, меньшевиков, кадетов и других. Пигулевский становится одним из лидеров верхотурских меньшевиков. В марте 1917 года по всей стране повсеместно возникают Комитеты общественной безопасности (КОБ), видевшие свою основную задачу в укреплении на местах власти

Временного правительства, ликвидации старых государственных учреждений, пресечении антиправительственной деятельности. 11 марта прошли выборы в КОБ города Верхотурья, который начал свою деятельность 27 марта. От объединённого Сопещения должностных лиц всех уездных учреждений, представителей уездного земства, городской думы и духовенства он вынес решение о верности Временному правительству и в дальнейшем действовал как орган этого правительства. Председателем Верхотурского КОБа избрали Бориса Васильевича Пигулевского. Одной из главных задач, стоящих перед комитетом, была организация и проведение выборов в местные органы самоуправления на демократических началах.

29 марта в Перми состоялся съезд представителей КОБов Пермской губернии для выборов губернского комиссара Временного правительства, к которому должна была перейти вся власть в губернии. Подобрать подходящую кандидатуру на эту должность сразу не удалось. Съезд избрал Пигулевского временным губернским комиссаром и поручил ему в самое непродолжительное время созвать новый съезд и организовать выборы (2). Таким образом, он на непродолжительное время оказался во главе Пермской губернии. После того, как органы власти в губернии были сформированы, Борис Васильевич вернулся в Верхотурье, где продолжил свою деятельность.

Весной и летом 1917 года в стране прошли выборы в местные органы самоуправления. 20 июля в Верхотурье начала свою работу демократически избранная Городская дума. Председателем её стал В.А.Ардашев – руководитель верхотурского отделения кадетской партии, известный в городе нотариус и двоюродный брат В.И.Ленина – будущего главы Советского правительства. Пигулевский занял должность товарища (заместителя) председателя Городской думы. Осенью он принимал участие в выборах в Учредительное собрание (российский парламент). В список №11, куда входили представители Трудовой народно-социалистической партии, партий эсеров и меньшевиков, по Пермскому избирательному округу были включены два представителя от Верхотурья – Б.В. Пигулевский (меньшевик) и В.Я. Бахтеев (эсер) (3).

Октябрьская революция прервала политическую деятельность Бориса Васильевича. В конце марта 1918 года в Верхотурье окончательно устанавливается Советская власть, распускаются Городская дума и уездная земская управа, вся власть переходит к

Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Пигулевский возвращается к педагогической деятельности, возглавляет мужскую прогимназию, выходит из партии меньшевиков, но и не горит желанием сотрудничать с новой властью. Так, 1 мая 1918 года уездный комиссар юстиции Н.П. Сушков распорядился предоставить помещение мужской прогимназии для проведения праздничного митинга, однако директор Пигулевский с гимназистами выгнал комиссара из здания и, таким образом, сорвал праздничное мероприятие. Этот инцидент послужил поводом к роспуску Союза учащихся, существовавшего в Верхотурье с весны 1917 года. После прихода в город частей Белой армии в октябре 1918 года были восстановлены местные органы власти, распущенные большевиками, и полномочия прежних депутатов. Возобновила свою деятельность Верхотурская Городская дума, депутатом которой был Пигулевский (4). В июле 1919 года, при отступлении белых, он эвакуировался с семьёй в город Томск, однако через полгода вернулся в Верхотурье и опять занялся преподавательской деятельностью.

Работа в местных органах власти при белых послужила причиной ареста Пигулевского. 3 июля 1920 года против него возбудили уголовное дело. Полтора месяца, пока шло следствие, он содержался в Екатеринбургской ЧК. В адрес следственных органов поступило ходатайство от профсоюза работников просвещения и социалистической культуры Верхотурского уезда в защиту Пигулевского. Что касается его работы в Городской думе при белых, говорится в письме, то избирался он туда от служащих различных городских учреждений, принимал горячее участие в судьбе арестованных белыми лиц, по мере возможности добивался их освобождения, сам постоянно находился под подозрением. В настоящее время Пигулевский, говорилось далее, отдаёт все свои силы преподавательской работе, всецело разделяя принципы Единой советской трудовой школы, к тому же преподавателей такой высокой квалификации в городе больше нет.

14 августа в защиту Пигулевского направил письмо бывший уездный комиссар просвещения Б.Ф.Лалетин: «Заявляю, что арестованный в городе Верхотурье и препровождённый в распоряжение ГубЧК товарищ Пигулевский Борис Васильевич, состоя работником просвещения при власти Колчака и занимая те или иные гражданские должности, отнюдь не был приверженцем белой власти, о чём красноречиво говорят следующие факты:

1) В бытность мою комиссаром просвещения при Верхотурском уездном совдепе (до Колчака), я видел в товарище Пигулевском аккуратного, добросовестного и исполнительного работника в области народного просвещения.

2) С приближением белых к Верхотурью, я вынужден был эвакуироваться вместе с исполкомом в Пермь и таким образом потерял из виду деятельность тов. Пигулевского, но после быстрого и неожиданного захвата белыми Перми я вынужден был с некоторыми скрывающимися товарищами, под чужим именем, пробираться в глубь Сибири; по пути я застрял, по многим причинам, на границах Шадринского, Камышловского и Екатеринбургского уездов – близ Каменского завода – откуда имел переписку со своей женой Верой Петровной Лалетиной, проживавшей в городе Верхотурье, о чём было известно товарищу Пигулевскому. Это последнее обстоятельство говорит опять таки за то, что товарищ Пигулевский не был приверженцем верховного правителя кнута и нагайки.

3) В мае месяце 1919 года, вследствие гнусного доноса я был схвачен и арестован агентами Колчака и отправлен в Камышловскую тюрьму в распоряжение двух следственных комиссий – Камышловской и Верхотурской. В тюрьме я заболел сыпным тифом, следствие затянулось и жена имела, таким образом, возможность хлопотать о моём оправдании. Здесь она обратилась за помощью и советом, опять-таки, к товарищу Пигулевскому, благодаря которому я получил хорошие отзывы от педагогического совета местной гимназии и от учительского союза. Быстрое наступление красных войск, хорошие отзывы учителей, противоречащие доносам – всё это смешало карты следственных комиссий по моему делу и перед комиссиями в момент эвакуации стоял вопрос – или меня расстрелять или освободить, так как для эвакуации я был, по болезни, слишком слаб и меня освободили. В освобождении, полученном такой дорогой ценой, в большей мере я считаю участие товарища Пигулевского, что даёт мне возможность просить чрезвычайную следственную комиссию о скорейшем прекращении дела товарища Пигулевского и его освобождении, видеть в нём деятеля далеко не контрреволюционного характера» (5).

По окончании следствия по обвинению Бориса Васильевича Пигулевского в антисоветской деятельности и сотрудничестве с белой властью 20 июля 1920 года был оглашён приговор, согласно которому дело в отношении него было прекращено. После освобождения он

снова трудился в Верхотурье, сначала преподавателем, затем в уездном отделе народного образования. Также он являлся членом Общества изучения Верхотурского края. В 1921 году принимал участие в работе 1-го съезда музейных работников Урала и Приуралья, на котором было принято решение о создании Верхотурского краеведческого музея.

С 1921 по 1923 год Пигулевский работал в Новой Ляле преподавателем и руководителем культурного отдела районного комитета партии большевиков. Затем переезжает в Нижний Тагил, где в 1924 году организует Нижнетагильский педагогический техникум, в котором он был до 1930 года заведующим и преподавателем. Позднее на базе техникума был организован Нижнетагильский педагогический институт (ныне – Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия). Большой вклад внёс Борис Васильевич Пигулевский в развитие краеведческого движения на Среднем Урале. Он был одним из организаторов Тагильского общества изучения местного края, образованного 15 декабря 1923 года, долгое время занимал должность учёного секретаря общества, являлся членом совета Нижнетагильского краеведческого музея.

В 1930 году Пигулевский переехал в Свердловск. С 1930 по 1934 преподавал в Коммунистическом университете и, одновременно, в Электромеханическом институте инженеров транспорта; в 1935 году – в Медицинском институте и в институте повышения квалификации кадров народного образования в качестве методиста и заведующего учебной частью; с 1936 года – преподаватель Урало-Казахстанской промышленной академии.

24 июня 1937 года Пигулевский был арестован органами НКВД и вновь обвинён в антисоветской деятельности. К сожалению, подробности этого дела пока недоступны для исследования, оно будет открыто только по истечении 75-летнего срока хранения, т.е. в 2012 году. Пока же только известно только то, что Борис Васильевич Пигулевский был осуждён на длительный срок и умер в заключении 18 мая 1943 года.

Примечания:

1. «Верхотурская старина» № 7 - 8, 2000 г. С. 11.
2. ГАСО. Ф. 1573, оп.1, д. 51, л. 1.
3. ВФВМ. Д.5053/2.
4. ГААОСО. Ф. 1, оп.2, д. 84496, т.2, л. 532.
5. Там же. Л. 791.

Хлебная торговля города Верхотурья

Будучи первым городом за Уралом, служившим для сообщения Европейской России с Азиатской, Верхотурье, по справедливости называли «дверью в Сибирь», т.к. именно через Верхотурье проходила главная торговая дорога и была устроена главная на «всю Сибирь» таможня для взимания пошлин с товаров. Провоз товаров из Сибири минуя Верхотурье грозил конфискацией всех товаров — типичное для феодального времени государственное мероприятие исключительно в интересах фиска.

Главный груз, шедший через Верхотурье, был хлеб. В Верхотурье местные и московские торговые люди брали «подряды» по доставке хлеба в Сибирь и отсюда они доставляли его, главным образом, в Тобольск на своих судах, изготавливаемых в Верхотурье. Примечательно, что в самом Верхотурье строится земский сборный магазин для Сибирских хлебных отпусков; несмотря на такие меры, хлеб в Сибирь «запаздывал, что порождало голод, от которого одинаково умирали переселенцы и инородцы».(1)

Вначале хлеб из Московской Руси свозился в город Верхотурье, но по мере развития земледелия в уездах Туринском и Тюменском, привоз хлеба с запада уменьшался, и к 40-м гг. 17 века эти уезды сами явились поставщиками главной массы хлеба в другие сибирские города. Ежегодно по Туре сплавлялось сотни тысяч пудов одного хлеба.

Заселение Сибири происходило главным образом с экономической целью, т. к. привоз хлеба в Сибирские города из Европейской России был экономически не выгоден и требовал огромных финансовых затрат. Кроме того, данная практика «прокормления сибирских городов» не всегда могла вовремя и в нужном количестве обеспечивать хлебом верхотурских жителей. Хлеб, как и соль, на первых порах не являлся предметом торговли. Почти весь 17 век Сибирь снабжалась вначале преимущественно, а впоследствии частично, тем хлебом, который собирался в виде оброка с крестьян уездов, в том числе и с Верхотурского. По данным В.И. Шункова в 1674г. более 90% казенного хлеба Сибири давали всего четыре уезда, в частности и Верхотурский.

Нередко из-за нехватки хлеба жителям приходилось обращаться к царским житницам, что также было сопряжено с большими затруднениями. Поэтому в указанном году царь Василий Иванович разрешает свободную торговлю хлебом, тогда как до 1609 года торговые люди торговать хлебом в Сибири не имели права под опасением конфискации товара. В целом сведения о торговле хлебом на верхотурском рынке в течение года представлены следующими цифрами:

Торговля хлебом в Верхотурье. (2)

месяц	Число торговых сделок	Объем сделки, в кадах*			
		1-10	11-20	21-30	31-40
Сентябрь	17	17	-	-	-
октябрь	6	6	-	-	-
ноябрь	9	9	-	-	-
декабрь	28	26	2	-	-
январь	28	27	1	-	-
февраль	20	13	7	-	-
март	135	51	61	22	1
апрель	43	20	15	7	-
май	1	-	1	-	-
июнь	-	-	-	-	-
июль	5	3	1	-	1
август	3	3	-	-	-
Итого:	295	175	88	29	2

Кадь – хлебная мера, равная 4 пудам, 1 пуд равен 16 кг.

Данные таможенных книг позволяют утверждать, что основная часть хлеботорговцев торгует на верхотурском рынке в период с декабря по апрель включительно. Причина сезонного характера хлебной торговли объясняется: во-первых – занятостью крестьянского населения; во-вторых – возможностью доставки хлеба по санному пути в Верхотурье с наименьшими затратами; в – третьих – продажа хлеба приурочена к периоду наиболее интенсивного движения по верхотурскому тракту торговцев, промышленных людей.

Из таблицы также следует, что торговля хлебом в большинстве случаев носила мелкий характер. Крупные партии хлеба могли выбрасывать на рынок лишь зажиточные крестьяне, владевшие относительно большой запашкой и державшие по нескольку лошадей.

Наиболее крупные продажи принадлежали верхотурскому ямскому охотнику Ф.Кокшарову, который 16 марта продал 26 кадей ржи и овса, а 18 марта еще 20 кадей ржи. Несколько раз в течение года появлялись с хлебом на верхотурском рынке верхотурские пашенные крестьяне В. Боровский и И.Шапов, правда с небольшими партиями. К такого же рода торговцам принадлежал, видимо, верхотурский пашенный крестьянин И. Литовский, продавший в сентябре, октябре, декабре по 2 кади хлеба, и верхотурский стрелец В.Лаптев, который продал 11 сентября 4 кади ржи, 15 сентября — 2 кади ржи и 2 кади овса, 6 ноября — 6 кадей ржи.

Как следствие выше сказанного, уже в первой четверти 16 века по всему Верхотурскому уезду начинают заниматься хлебопашеством и заселяются «места земледельческим людом», возникают русские поселения. В связи с этим получает свое развитие местная хлебная база, Верхотурье становится центром местного хлебного рынка, связи которого захватывали в 1673 году 32 населенных пункта Верхотурского, Туринского и Тобольского уездов.(12) К первой четверти 17 века верхотурский рынок становится основной житницей Сибири. Четыре уезда: Верхотурский, Тобольский, Тюменский, Туринский давали 90% всего Сибирского хлеба, поступавшего в государственную казну Сибири. Объем хлебной торговли в Верхотурье в 17 веке:

1635/36- 3027 кадий 10594,5 пуд
 1647/48 – 1877 кадий 14140,0 пуд
 1653/54 – 404 кади 14140,0 пуд
 1663/64- 1120кадий 3920,0 пуд
 1671/72 – 2725,5 кадий 9539,25 пуд
 1677/78 – 1644 кади 5734,0 пуд
 1687/88 – 4024,0 кадий 14084 пуд

Хлеб на верхотурском рынке продавали представители Сибирских уездов. В первой половине 17 века на верхотурском рынке в хлебной торговле участвовали представители различных слоев населения, но уже и в этот период ни одна из социальных групп не могла составить конкуренцию крестьянству. В 86-87% всех торговцев хлебом - крестьяне. В 1663-64гг. доля крестьянства увеличилась до 98%. Встречались на верхотурском рынке невьянцы, тагильские, арамашевские, ирбитские, ницинские крестьяне:

состав торговцев	число торговцев	продано хлеба (кадей)
------------------	-----------------	--------------------------

крестьяне пашенные (невьянские)	120	1520
крестьяне пашенные (тагильские)	43	713
крестьяне пашенные (верхотурские)	28	120
ямские охотники (верхотурские)	14	143
стрельцы (верхотурские)	12	97
крестьяне пашенные (ирбитские)	10	162
крестьяне пашенные (ницинские)	5	95
духовные лица	2	26
посадские люди (верхотурские)	2	12
денщик сына боярского	1	22
гулящие люди	1	25

итога:	238	2935

Именно они являлись основными поставщиками хлеба на верхотурский рынок.

Квецинская Т.Е отмечала, что верхотурскому рынку было также постоянно расширение территориального охвата ...при этом в роли постоянных поставщиков хлеба на верхотурский рынок выступали в 1664-1678гг.- Верхотурская подгородняя, Невьянская, Тагильская и Ирбитская слободы. Ницынская слобода не высылала хлеб в Верхотурье только в одном году (1687-1688гг), Киргинская слобода начиная с 1653-1654гг, а Арамашевская, Белослудская, Ощепковская (кроме 1687-1688гг) кормили своим хлебом верхотурский рынок ежегодно. Единожды был привезен хлеб в Верхотурье из слобод Сосновый мыс (1663-1664гг), Китайской (1663-1664гг), Ошарской (1671-1672).(3)

Итак, если в 1663-64 гг. хлеба продавалось на 197 рублей 40 копеек, то в 1687-88 гг. на 626 рублей 30 копеек. Таким образом, в Верхотурском уезде хлеб становится одним из важнейших товаров местного производства. Торговля хлеба указывает на успехи земледелия в Верхотурском крае, на то, что на сибирском рынке стал появляться, и уже в значительном количестве, хлеб собственного производства. И не случайно в 1685г. С поморских городов была окончательно снята повинность поставлять в Сибирь сошные запасы. Сибирь должна была обходиться собственным хлебом. То обстоятельство, что верхотурский рынок поглощал много хлеба, объясняется прежде всего проездом через Верхотурье большого числа торговых, промышленных и служилых людей. Верхотурье, стоявшее на оживленном пути из Руси в малопашенные или непашенные районы, было естественным центром закупки продовольственных

товаров всеми, кто следовал на восток. Да и жители Верхотурья, как любого города, нуждались в привозе хлеба. Население Верхотурья не производило хлеба в том количестве, которое сколько-нибудь удовлетворяло бы его потребности, поэтому оно обращалось к рынку. Были случаи, когда хлеб, купленный в Верхотурье, перепродавался в других сибирских городах по более высокой цене. Документы 17 века дают многочисленные подтверждения хлебных закупок на верхотурском рынке с целью отправки в различные районы Сибири. Так, в январе 1622 г. тобольские служилые люди били челом, что «в прошлых де годах, во 127 и во 128 и во 129 и в нынешнем 130 году приезжали с Руси в Сибирские пашенные города, на Верхотурье и в Туринской острог и на Тюмень торговые и промышленные люди и выкупали в тех городах хлеб дешево ценою и отвозили в Монгазею... на продажу, а не про свою нужу, а им де служилым людям хлеба про себя купити негде», на что в Москве отвечали: «Нам то ведомо и без их челобитья, что ездят из Поморских городов в Сибирь торговые и промышленные люди и закупают на Верхотурье многие хлебные запасы в отвоз, на продажу в Монгазею и тем богатеют а оттого в Сибирских городах хлеб живет дорог и служилым людям в хлебной дороговизне живет нужа великая».(4)

Таким образом, уже в первой четверти 17 века верхотурский рынок становится местом, где приобретает хлеб и местное неземледельческое население и приезжие: торговые, промышленные и гулящие люди Европейской России и служилые люди сибирских городов и острогов.

Примечания:

- 1.Кривошеков И.Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии. Пермь, 1910. С.160.
- 2.Проблемы социально-экономической истории феодальной России.//Курмачева М.Д. Торговля в Сибири в XVII в. (По материалам верхотурской таможенной книги 1635\36).С.177.
3. Таможенные книги сибирских городов XVII века. Верхотурье, Красноярск. Вып.3. Новосибирск, 2000. С.11.
4. Квещинская Т.Е. Торговля городов Сибири конца XVI- начала XX. Сб.научных статей.//Хлебная торговля в Верхотурье в XVII веке. Новосибирск, 1987.С.77.

*Борисов Алексей Геннадьевич
Фомичёв Игорь Алексеевич*

Памятники Гражданской войны в Верхотурском районе. Проблемы сохранения

90 лет назад на территории Верхотурского уезда завершились военные действия периода Гражданской войны. Сегодня об этих событиях напоминают мемориалы и обелиски, установленные в советское время. Это памятники на местах боёв 1918 года у деревни Путимка и в устье реки Актай, на местах захоронений жертв белого террора в деревнях Дерябино, Прокопьевская Салда, Меркушино, Карелина, Добрынино, Кривое озеро, на Ирбитском и Романовском трактах, а также в самом городе Верхотурье. За время пребывания белых на территории современного Верхотурского района следственными комиссиями по неполным данным было вынесено 45 смертных приговоров. Среди расстрелянных активисты Советской власти, представители партий большевиков и левых эсеров, красноармейцы и члены их семей, лица, уличённые в противодействии белым властям.

В советское время за памятниками осуществлялся должный уход. За каждым памятником, а их в районе было 16, прикреплялись шефы – школы, промышленные предприятия, воинские части, которые несли ответственность за содержание мемориальных мест в надлежащем состоянии. Средства на ремонт и реставрацию в обязательном порядке выделялись из местного бюджета. Шефская работа являлась составной частью патриотического воспитания подрастающего поколения в духе коммунистической идеологии. Пока были живы участники гражданской войны, этой работе со стороны органов местной власти уделялось пристальное внимание. В Верхотурье существовала традиция ежегодно отмечать день освобождения города от войск Колчака, к этой дате был приурочен и День города, праздновавшийся 19 июля. В этот праздник на мемориальных местах проводились торжественные мероприятия с участием ветеранов гражданской войны, школьников, городской общественности. В 1960-70-е годы школьниками и местными краеведами проводилась кропотливая работа по сбору материалов о тех далёких событиях. На их основе краеведы К. Рагозин, Н. Лиханов, Н. Анисимков опубликовали в городской газете ряд статей по истории гражданской

войны в уезде, положив начало исследовательской работе по изучению данного периода.

С началом перестройки советское общество постепенно стало отходить от догм коммунистической идеологии. Возрос интерес к белому движению. Многие перестали его воспринимать как чуждое и враждебное явление в истории России. Односторонняя трактовка событий гражданской войны, выдержанная в идеологическом ключе, перестала устраивать научную общественность. Справедливости ради стоит заметить, что памятников, обелисков или мемориальных комплексов, посвящённых белому движению, а также жертвам красного террора в нашей стране не было и быть не могло. В октябре 1918 года перед отступлением из Верхотурья красноармейцы расстреляли 25 человек из числа заложников, содержавшихся в городской тюрьме.

С изменением общественного сознания в прошлое отошли революционные праздники, а вместе с ними и традиции чествовать «красных» героев гражданской войны. Это неминуемо привело к запустению мемориальных комплексов, посвящённых гражданской войне, к которым действующая власть потеряла всякий интерес, не говоря уже о выделении каких-либо средств на их содержание. Последний раз грандиозная реконструкция памятников в масштабах страны проводилась накануне 70-летия Советской власти.

В Верхотурском районе большинство обелисков были воздвигнуты в 20-е годы прошлого века и не все из них смогли дожить до юбилея. Процесс разрушения памятников начался ещё в 70-е годы и в первую очередь коснулся тех, которые находились за пределами населённых пунктов, в отдалённых и труднодоступных местах. В качестве примера приведём мемориальный обелиск на реке Актай. Он находится в 9-ти километрах от города Верхотурья, где в октябрь-ноябре 1918 года шли ожесточённые бои подразделений 29-й стрелковой дивизии Красной армии с частями Северной боевой колонны белых. По приблизительным данным здесь погибло около пятисот красноармейцев и интернационалистов. В память о тех событиях на месте бывшего укрепленного района в 1920 году был заложен памятник в виде четырёхгранного обелиска со звездой и мемориальной доской с надписью «Вечная слава бойцам интернациональной бригады, павшим в борьбе за Советскую власть». В советское время над памятником шефствовал коллектив дома отдыха «Актай». Мемориал расположен на противоположном берегу

реки, раньше к нему вёл деревянный мост, разрушенный в 80-е годы. В результате памятник оказался в труднодоступном месте, куда можно попасть только на лодке. Отсутствие моста лишило возможности не только проводить здесь различные мероприятия, но и осуществлять за ним необходимый уход. В настоящее время кирпичный памятник значительно обветшал и постепенно разрушается, на обелиске отсутствует доска. Большинство окопов и блиндажей, расположенных по близости, обвалилось, заросло подлеском и залито водой. На сегодняшний день памятник можно считать утраченным.

Другой причиной разрушения памятников стал процесс исчезновения неперспективных деревень. В 1970-е годы на территории Верхотурского района прекратили существование населённые пункты Путимка, Добрынино, Кривое озеро, в которых находились памятники периода гражданской войны, за состоянием которых следили сельские советы. С уходом населения из этих деревень памятники оказались никому не нужными и заброшенными, в силу чего сегодня установить место нахождения этих памятников уже невозможно.

Гораздо более счастливой оказалась судьба памятников расположенных в черте города, через который пролегают туристические маршруты. Уход за ними осуществляется в рамках работ по благоустройству городской территории. Ежегодно 23 февраля, 9 мая, 22 июня здесь возлагают цветы, отдавая дань уважения россиянам, погибшим за Родину во всех вооружённых конфликтах. Сегодня этот ритуал не носит идеологической подоплёки и не связан конкретно с событиями гражданской войны. Сохранившиеся памятники, посвященные тому периоду, воспринимаются обществом как символ воинской славы, без разделения на белых и красных. Как раз в этом и видится будущее памятников гражданской войны, что защитит их от разрушения и забвения.

Сведения об авторах

Бессонов Михаил Сергеевич. Окончил исторический факультет Уральского государственного университета им. А.М.Горького. В настоящее время научный сотрудник Центральной научной библиотеки Уральского отделения Российской академии наук. Автор многочисленных работ по истории Богословского Урала и Верхотурского уезда в 18-19 веках. Один из инициаторов проведения региональной научной конференции «Походяшинские чтения».

Борисов Алексей Геннадьевич. Окончил исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Научный сотрудник отдела архитектурных и природных памятников Верхотурского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Ведущий специалист в изучении вопросов общественно-политической жизни Верхотурья 1917-1922 годов. В соавторстве с Фомичёвым И.А. издал монографию «Верхотурский уезд в период революций и гражданской войны».

Гунгер Юрий Владимирович. Директор фонда «Содействия краеведению Богословский Урал». Окончил Горный институт. Старший научный сотрудник Краснотурьинского краеведческого музея. Занимается историей Богословского горного округа.

Двинских Любовь Аркадьевна. Окончила исторический факультет Уральского государственного университета им. А.М.Горького. Заведующая историческим отделом Невьянского государственного историко-архитектурного музея. Сфера научных интересов – политические репрессии 1920-50-х годов на территории Невьянского района. По данной теме опубликован ряд работ в научных сборниках.

Колбина Эльвира Минировна. Окончила Нижне-Тагильский торгово-экономический техникум. Научный сотрудник отдела архитектурных и природных памятников Верхотурского музея-заповедника. Сфера научных интересов – развитие медицинского дела в городе Верхотурье.

Новиченков Николай Николаевич. Окончил исторический факультет Уральского государственного университета им. А.М.Горького. Директор Верхотурского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Сфера научных интересов – военная история Верхотурья.

Пачинская Ирина Викторовна. Кандидат исторических наук, заведующая археографической лабораторией Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

Редин Дмитрий Алексеевич. Доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

Татаринова Яна Сергеевна. Окончила исторический факультет Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Научный сотрудник исторического отдела Верхотурского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Сфера научных интересов – верхотурское купечество.

Фомичёв Игорь Алексеевич. Окончил исторический факультет Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Заведующий отделом архитектурных и природных памятников Верхотурского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Автор многочисленных работ по истории города Надеждинска, книги «Очерки истории образования. Надеждинск-Серов». В соавторстве с Борисовым А.Г. издал монографию «Верхотурский уезд в период революций и гражданской войны».

Список сокращений.

АОАСГО – Архивный отдел администрации Серовского городского округа

ВФВМ – Вспомогательный фонд Верхотурского музея-заповедника

ГААОСО – Государственное учреждение «Государственный архив административных органов Свердловской области»

ГАСО – Государственный архив Свердловской области

НТГИА – Муниципальное учреждение «Нижнетагильский городской исторический архив

НТМЗ – Нижнетагильский музей - заповедник

ОМИМ – Областной музей истории медицины

ОФВМ – Основной фонд Верхотурского музея-заповедника

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

ТМ – Фонд письменных источников НТМЗ

УИРО – Уральское историко-родословное общество

ЦДООСО – Государственное учреждение «Центр документации общественных организаций Свердловской области»

ЦНБ УрО РАН – Центральная научная библиотека Уральского отделения Российской академии наук

Содержание

Пачинская И.В., Редин Д.А. Памяти Анатолия Тимофеевича Шашкова.....	3
Бессонов М.С. Возникновение села Кошай и соляной промысел на речке Негле.....	5
Борисов А.Г. Верхотурский краеведческий музей в 1920-е годы..	10
Двинских Л.А. Репрессии против священнослужителей и Верующих в Невьянске (1917-1937 гг.).....	48
Гунгер Ю.В. Богословское пароходство.....	61
Фомичёв И.А. Православные приходы города Надеждинска.....	72
Бессонов М.С. Формирование населения северной части Верхотурского уезда с конца XVI до середины XVIII вв.....	84
Борисов А.Г. Деятельность партии социалистов-революционеров в Верхотурье (1917-1918 гг.).....	89
Фомичёв И.А. Священник Африкан Богомолов.....	109
Новиченков Н.Н. Верхотурский воевода князь Д.П.Пожарский-Лопата (1625-1627 гг.).....	114
Борисов А.Г., Фомичёв И.А. Наши истоки – Надеждинск (к вопросу о возвращении исторического названия г.Серову).....	122
Колбина Э.М. Верхотурский уезд в период столыпинской аграрной реформы.....	124
Борисов А.Г. Памятник военнопленным Первой мировой войны в Серове.....	132
Фомичёв И.А. Памятник жертвам белого террора в Надеждинске.....	135
Борисов А.Г. Б.В.Пигулевский – краевед и общественный деятель Верхотурского края.....	140
Татарина Я.С. Хлебная торговля города Верхотурья.....	145
Борисов А.Г., Фомичёв И.А. Памятники Гражданской войны в Верхотурском районе. Проблемы сохранения.....	150
Сведения об авторах	153
Список сокращений	155

Вестник истории Верхотурского уезда

Выпуск 1

Редакционная коллегия: Борисов А.Г.

Двинских Л.А.

Фомичёв И.А.

Компьютерный набор: Борисов А.Г.

Дизайн обложки: Двинских Л.А.

Компьютерная вёрстка: Ким Л.Т.

Подписано в печать 16.06.2010 г.

Объём 11,5 п.л. Тираж 100 экз. Заказ №331

Отпечатано в ГУП СО «Север», г.Верхотурье

Изготовление обложки и переплёт:

ИПЩ УрФУ, г.Екатеринбург, ул.Тургенева, 4

тел. (343)358-93-22, 350-56-64

